

Коварство и Любовь

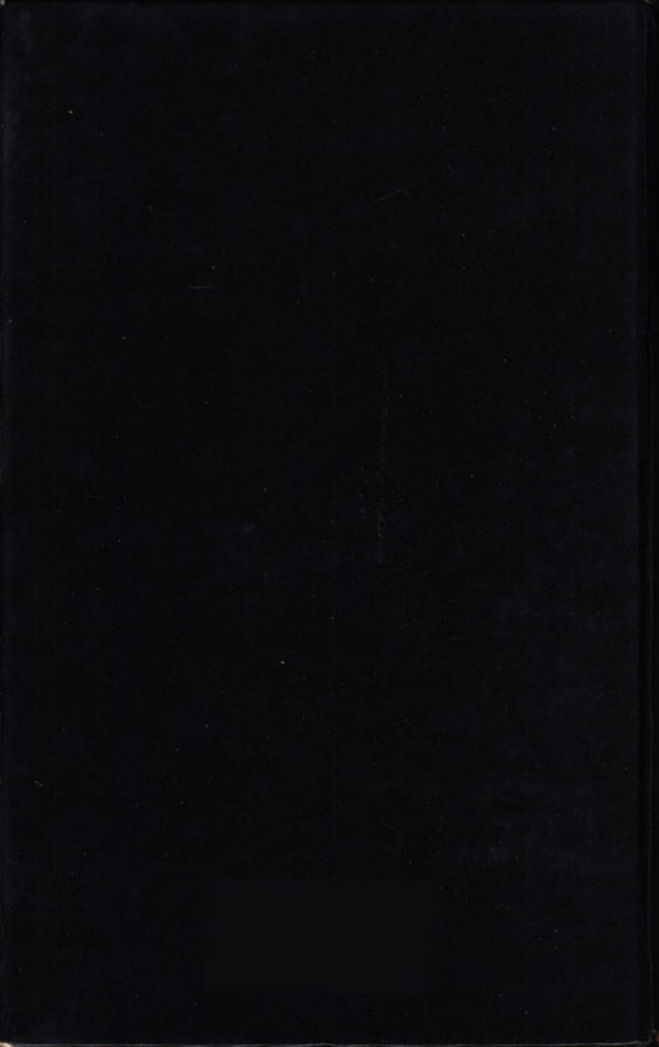
ВИКТОРИЯ ХОЛТ

ОПОРОЧЕННАЯ
ДУКРЕЩИЯ

ОПОРОЧЕННАЯ
ДУКРЕЩИЯ

ВИКТОРИЯ ХОЛТ

Коварство и Любовь

ВИКТОРИЯ ХОЛТ

**ОПОРОЧЕННАЯ
ДУКРЕЦИЯ**

Художник *И. Цыганков*

«МИР ИСКАТЕЛЯ»

«Символом порока» называли современники незаконнорожденную златокудрую дочь Папы Римского, красавицу Лукрецию Борджа. В захватывающем романе популярнейшей английской писательницы Виктории Холт «Опороченная Лукреция» героиня предстает не только скандально знаменитой обольстительницей, но и хрупкой, ранимой, а главное — самоотверженно любящей женщиной.

ГЛАВА I

НЕАПОЛИТАНСКИЙ ЖЕНИХ

Небольшая группа всадников направлялась из Неаполя в Рим. Впереди всех скакал стройный молодой человек лет семнадцати. Расшитый золотом камзол, дорогое рубиновое ожерелье, почтительность, с которой обращались к нему спутники, — все говорило о его знатности и богатстве. Если бы не понурый вид, он выглядел бы одним из тех счастливицков, что живут припеваючи и ничуть не тревожатся о завтрашнем дне.

О настроении юноши можно было судить по тому, как держалась его свита. Никто не улыбался, не смеялся, не шутил. Все хмурились и с явной неохотой прищипоривали коней. Казалось, они бы с удовольствием повернули их и помчались в обратную сторону.

— А ведь до Рима уже недалеко, — обратился юноша к человеку, скакавшему позади.

— Меньше суток пути, мой господин, — откликнулся тот.

Его слова облетели кавалькаду, передаваясь из уст в уста и повторяясь, как эхо отдаленного грома.

Юноша оглянулся на своих спутников. Он знал, что ни один из них сейчас не хотел бы оказаться на его месте. О чем это они переговаривались за его спиной? Что значили их сочувственные взгляды? Он догадывался. У них на уме было вот что: наш молодой герцог скачет прямо в уготовленную ему ловушку.

Внезапно его охватила паника. Пальцы судорожно вцепились в поводья. Захотелось рывком дернуть их на себя, обернуться к слугам и крикнуть, что ни в какой Рим они не поедут. Ах, путь в Неаполь для них заказан? Хорошо! Они станут разбойниками. Их врагом будет неаполитанский король. И Его Святейшество Папа Римский. Пусть начнется настоящая война! Все лучше, чем ехать в Рим.

Но он знал, что сопротивляться бесполезно. Он должен был прибыть в Рим.

Всего несколько месяцев назад он и представить не мог, что какое-либо событие способно нарушить его безмятежное бытие. Возможно, правы были те, кто говорил, что его отрочество слишком затянулось. Но ведь жизнь была так прекрасна! Каждый день он охотился и каждый вечер возвращался с добычей, чувствуя приятную усталость, мечтая поскорее сесть за стол, а завтра утром снова отправиться на охоту.

Следовало бы ему помнить, что член королевской династии Арагона не может до скончания века вести такую восхитительную, но — как сказал бы король — бесцельную жизнь.

Настал день, когда ему велели предстать перед королем.

Дядя Федерико встретил его радостным «Добро пожаловать, мой дорогой!» и широкой улыбкой на добродушном лице — король слыл большим весельчаком, а то, что он собирался сказать племяннику, казалось ему неплохой шуткой.

— Сколько вам лет, Альфонсо? — спросил он.

Когда Альфонсо ответил, улыбка на лице его дяди стала еще шире.

— Мальчик мой! — воскликнул он. — В таком случае вам пора жениться!

Это утверждение не было великой новостью. Альфонсо знал, что вскоре у него появится жена. Но оказалось, что дядя Федерико, этот признанный шутник, еще не все сказал.

— Пожалуй, вы не совсем достойны невесты, которую я подобрал для вас, — помолчав, добавил он. — Все-таки незаконнорожденный отпрыск, пусть даже из такого знатного рода, как наш. Нам следует облагородить ваше имя! Итак, Альфонсо Арагонский, вы станете герцогом Бишелы и принцем де Квадрата. Что вы скажете об этих титулах?

Альфонсо выразил готовность в любую минуту принять их. И заметил, что ему не терпится поскорее узнать имя невесты.

— Всему свое время, всему свое время, — пробормотал король с таким видом, будто желал продлить удовольствие от своей шутки.

Альфонсо вспомнил, как несколько лет назад дядя Федерико — тогда еще не король, а только брат короля — вернулся из Неаполя и рассказал, как исполнял роль доверенного лица на свадьбе сестры Альфонсо и Гоффредо Борджа; как к удовольствию всей честной компании — и в особенности Его Святейшества — изображал из себя девицу, насмерть перепуганную встречей с будущим супругом. Все знали, что Санча уже давно не была робкой девицей, и шутка удалась на славу. В семействе Борджа ценили чувство юмора.

Альфонсо тогда подумал, что дядя хочет разыграть с ним какую-нибудь похожую сценку.

— Вам семнадцать лет, — сказал Федерико. — Ваша невеста немного старше вас. Ей восемнадцать, и она слывет самой красивой девушкой Италии.

— Как же ее зовут, сир?

Федерико подошел к племяннику и приблизил губы почти к самому его уху.

— Мой дорогой Альфонсо, — прошептал он. — Чтобы стать герцогом Бишельи и принцем де Квадрата, вам нужно жениться на дочери Его Святейшества. На Лукреции Борджа.

Спокойная жизнь Альфонсо закончилась в тот момент, когда дядя прошептал это проклятое имя. О семействе Борджа ходило немало зловещих слухов, и его будущая невеста не избежала их. Перед Папой Римским трепетали многие. Говорили, что он попал под власть потусторонних сил — да иначе и быть не могло, если в свои шестьдесят семь лет Его Святейшество сохранил бодрость цветущего юноши. В проницательности и коварстве с ним по-прежнему никто не мог сравниться, а сплетники еще и поговаривали о том, что любовниц у него было такое же множество, как и в дни его молодости. Но опасаться следовало отнюдь не его темперамента и не изощренности в дипломатических хитростях.

В Италии уже давно потеряли счет таинственным смертям, которые постигали людей, тем или иным образом не устраивавших Папу. Кровавые злодеяния молва приписывала также его сыну Чезаре, и, где бы ни упоминались эти два имени, самые храбрые мужчины вздрагивали и опускали глаза, поскольку было известно, что даже взгляд может навлечь гнев всемогущего Борджа — а этот гнев заканчивается либо ножом наемного убийцы и последующим сбрасыванием тела в мутные воды Тибра, либо — что гораздо хуже — приглашением к обеденному столу Его Святейшества. Те, кто жил в тени Борджа, никогда не могли позволить себе потерять бдительность; им приходилось каждую минуту быть начеку, все подмечать и во всем искать скрытый смысл.

Вот в какой тени дядя велел поселиться молодому Альфонсо — и не где-нибудь с краю, а в самой середине, в ее самом беспросветном мраке.

Его шурином должен был стать тот самый Чезаре Борджа, который еще совсем недавно обагрил руки кровью своего родного брата. Кое-кому казались странными его отношения с Лукрецией — говорили, что он питал к ней далеко не родственные чувства. Иные даже утверждали, что его врагом становился всякий, кто пользовался у нее успехом; в таком случае холодные глаза Чезаре Борджа должны были первым делом присмотреться к ее жениху.

А Лукреция? Какой видел ее этот молодой жених, что так неохотно ехал по дороге в Рим?

Бесстыжая распутница. Джованни Сфорца, состоявший с ней в разводе, кое-что порассказал о порочных забавах своей бывшей супруги. Правда, этот человек не был беспристрастным судьей — ведь на память о женитьбе Папа оставил ему позорное клеймо импотенции. Дядя Федерико говорил, что Сфорца хотел бы отомстить — да что же мог поделать, как не злословить о женщине, чья семья настаивала на расторжении брака с ним? Но верно ли, что Лукреция была уже на шестом месяце бере-

менности, когда перед кардиналами и епископами объявляла себя целомудренной девственницей? Верно ли, что ребенок, родившийся тремя месяцами позже, был тайком вынесен из Ватикана, а любовник убит вместе со служанкой, которая знала секреты своей госпожи?

Если во всех этих рассказах была хоть толика правды, то что можно было подумать о женщине, к которой дядя послал его? Сейчас Папа и его кровожадный сын желали скорейшего заключения брака, но что если они разочаруются в нем? Джованни Сфорца избежал смерти — но какой ценой? Доволен ли он своей нынешней жизнью?

Какая судьба ожидала новоиспеченного герцога Бишельи?

Его страхи росли по мере приближения к Риму.

Эти страхи могли бы в какой-то степени рассеяться, если бы он сейчас видел будущую супругу. Лукреция сидела в своих покоях, склонившись над вышиванием. Золотистые пряди свежeweмытых волос то и дело спадали на ее бледное лицо. Она очень похудела за последнее время — никак не могла оправиться от постигшего ее горя.

Рядом сидели служанки и негромко переговаривались, пытаясь отвлечь ее от мрачных мыслей. Они обсуждали скорое прибытие герцога Бишельи.

— Я слышала, он очень красивый мужчина.

— Донна Санча ждет его не дождется.

Лукреция не вслушивалась в их беззаботную болтовню. Чем они могли порадовать ее? Какое ей дело до него, даже если он окажется самым красивым мужчиной в мире? Она мечтала только об одном супруге, и у нее никогда не будет его. Три месяца назад его тело вытащили из Тибра.

— Ах, Педро, Педро, — с трудом удерживая слезы, прошептала она.

Как ей избавиться от этой несчастной привычки жить

воспоминаниями о прошлом? До недавних пор она в совершенстве владела даром своего отца — никогда не оглядываться назад. А вот теперь ее по ночам преследовали кошмары; днем же иной раз достаточно было выглянуть в окно дворца Санта Марии дель Портико, чтобы на какое-то мгновение поверить, будто все события минувших месяцев окажутся не более чем жутким наваждением, и она сейчас увидит своего Педро — такого же молодого и прекрасного, как в те дни, когда они любили друг друга и мечтали о будущем счастье. Но вот на глаза попадалась какая-нибудь женщина с ребенком или откуда-то доносился детский крик, и ее мучения немедленно возвращались.

— Я хочу видеть свое дитя, — стонала она. — Хоть бы на минуту поддержать его в руках. По какому праву его отняли у меня?

По праву силы, вот и весь ответ. После родов она лежала уставшая и беспомощная, а в это время ее возлюбленного завлекли в ловушку и убили; у нее не было возможности сопротивляться даже тогда, когда похитили ее ребенка.

За дверью слышались шаги, и какая-то служанка сказала:

— Госпожа, к вам пришла донна Санча.

Вместе с Санчей в комнату впорхнули три ее неизменные служанки: Лойзелла, Бернардина и Франческа. Беззаботная неаполитанка ни в грош не ставила римский этикет.

Обычно, глядя на Санчу, Лукреция не переставала изумляться — более красивой женщины она никогда не видела. Лукреция, со своими золотистыми волосами, длинными ресницами, нежной бархатистой кожей, открытым лицом и ямочкой над подбородком, придававшей ей какой-то по-детски невинный вид, слыла красавицей, но рядом с черноволосой синеглазой Санчей все-таки терялась, выглядела невзрачной простушкой. Кое-кто поговаривал, что Санча приложила руку к колдов-

ству — потому-то и обладала такой неотразимой красотой, перед которой не мог устоять ни один мужчина. Лукреция верила слухам. По ее мнению, Санча была способна на что угодно.

Но в последние месяцы они сблизились — Санча, как никто другой, умела утешать ее. Лукреция и не подозревала, что в сердце Санчи жили такие глубокие чувства. Правда, Санча, повелевавшая полчищами любовников, с улыбкой выслушала исповедь трагической страсти Лукреции и Педро. Она посоветовала: «Найди другого. Так будет легче забыть его».

В общем, они были слишком разными женщинами. Вероятно, Санча и сама понимала это.

Взглянув на пяльцы и иглу в руках Лукреции, Санча нахмурилась.

— Ты вышиваешь, а в любой момент может появиться мой брат.

Санча состроила недовольную гримасу; она села в кресло с высокой спинкой, а ее служанки пододвинули стулья и устроились возле ее ног. Служанки Лукреции притихли, надеясь, что их не прогонят из комнаты; Санча любила поговорить о пикантных подробностях из жизни знатных особ, и, если бы Лукреция забыла отослать прислугу, — а в последнее время она часто бывала рассеянной, — они могли бы узнать какие-нибудь интересные новости.

— Ох уж мне этот Гоффредо! — вздохнула Санча. — Только не суди меня слишком строго, моя дорогая сестра. Я люблю твоего брата, но для таких женщин, как я, супруг должен быть чем-то большим, чем просто прелестным мальчиком.

— Мой брат счастлив быть твоим супругом, — пробормотала Лукреция.

— Но он так молод! Во всяком случае — для меня.

— Ему уже шестнадцать лет.

— А мне двадцать один год, и для меня он все еще ребенок. Ты же знаешь, мы до сих пор не вступили в супружеские отношения.

Голос Санчи звучал негромко, но отчетливо. Она помнила о присутствии служанок. Ей хотелось, чтобы ее услышали — весь Рим должен был узнать новость о том, что ее брак не был полноценным браком. Правда, к несчастью для Санчи, свершение всех положенных процедур было засвидетельствовано королем и кардиналом Неаполя. Но как бы то ни было, Санча мечтала о разводе и понимала, что если с достаточной твердостью заявить о неполноценности брака, то ее заявление будет принято.

— Бедный, бедный Гоффредо, — сказала Лукреция.

Санча тут же переменила тему разговора.

— Ах, как блестят на свету твои волосы! Улыбнись, Лукреция. А то кажется, будто у тебя на уме похороны — не свадьба.

— Просто она еще не видела герцога, — улыбнулась Лойзелла.

— Уверяю, тебе он понравится, — кивнула Санча. — Внешне он очень похож на его сестру. — Санча рассмеялась. — Полагаю, ты сейчас надеешься, что наше сходство окажется чисто внешним. Так или нет?

— О Санча!..

Лукреция отложила пальцы с иглой и дотронулась до руки своей невестки. Санча посмотрела на нее с тревогой. Бедная Лукреция! — подумала она. Она слишком переживает из-за Педро. И совершенно напрасно изводит себя. Альфонсо может приехать прямо сегодня. Не хорошо получится, если он застанет невесту убивающейся по мертвому любовнику.

— Я желаю поговорить с синьорой Лукрецией наедине, — громко сказала она.

— Наедине?! — в один голос воскликнули Лойзелла, Бернардина и Франческа, и все трое с укоризной посмотрели на нее.

— Да, — твердо произнесла Санча, — именно наедине.

Санча, незаконнорожденная дочь неаполитанского короля, в нужную минуту умела повести себя с королевс-

ким достоинством, и в таких случаях ее доверенные служанки знали, что от них ожидают беспрекословного повиновения. Поэтому они немедленно встали и покинули комнату, а за ними последовали и служанки Лукреции.

— Ну, теперь мы можем поговорить начистоту, — сказала Санча. — Лукреция, перестань убиваться. Перестань убиваться, я сказала.

Лукреция покачала головой и тихо простонала:

— Разве это возможно... по своей воле?

Санча подалась вперед и обняла ее.

— Лукреция, прошло уже столько времени!

— Три месяца. — Лукреция изобразила жалкое подобие улыбки. — Мы клялись в вечной верности друг другу, а ты хочешь сказать, что три месяца это много.

— Все влюбленные клянутся в вечной верности, — терпеливо перебила Санча. — А что это значит? «Мы будем верны друг другу, покуда не кончится наша любовь». Вот предел того, что можно ожидать от любовника.

— У нас все было по-другому.

— Так всегда говорят. Если бы твой Педро был жив, ты бы уже забыла его. Но его убили... сделали из него мученика. Вот почему ты до сих пор помнишь его.

— Я бы все равно помнила его всю жизнь. Что бы ни случилось.

— Лукреция, просто он был твоим первым любовником! Ведь тот мужчина, за которого тебя выдали замуж... Джованни Сфорца... — Санча фыркнула. — Ты никогда не любила его!

— Это правда, — вздохнула Лукреция. — Его я никогда не любила, а теперь, кажется, ненавижу.

— Еще бы, не ненавидеть своего заклятого врага! Его ославили на всю Италию, объявили импотентом! Этого он никогда не простит тебе, Лукреция. Никогда — можешь быть уверена. Вот уж врагам-то не нужны никакие клятвы!

— Я солгала, — сказала Лукреция. — Тот документ я подписала, потому что от меня этого требовали, а я была

слаба и не могла сопротивляться. Господь накажет меня за то, что я сделала.

Санча нетерпеливо покачала головой.

— У тебя не было выбора. Разве Его Святейшество и Чезаре не решили, что ты подпишешь нужные им бумаги?

— Мне следовало проявить характер. На брак был свершен, и не раз.

— Тсс! Об этом лучше не говорить вслух. Как бы то ни было, ты развелась — избавилась от этого Сфорца. Ты должна радоваться своему освобождению. И перестать убиваться. Педро мертв; его уже ничто не вернет — все, что с ним связано, осталось в прошлом. Учись забывать, Лукреция. Да, он был твоей первой любовью, и ты до сих пор помнишь о нем. Но когда ты узнаешь еще с десятков-другой любовников, уверяю тебя, ты с трудом будешь вспоминать, как он выглядел.

— Санча! С твоим богатым жизненным опытом ты забываешь о многом — например, о том, что у нас родился ребенок.

— За ребенка не следует переживать. Он в надежных руках.

— Ты не понимаешь, да? Где-то живет бедное, несчастное дитя... мое дитя. Какая-то чужая женщина вскармливает его и укачивает, когда оно плачет. Это мой ребенок, мой сын — а ты просишь, чтобы я забыла его!

— Лукреция, тебе нельзя было иметь ребенка. — Санча вдруг рассмеялась. — Прости, ничего не смогла поделать с собой. Я представила, как ты стоишь перед всеми этими важными особами и уверяешь их, что ваш брак не свершен, а в результате у вас рождается ребенок — и рождается ровно через три месяца после того, как ты торжественно поклялась в своей целомудренности. Я подумала, что даже Непорочная Дева не смогла бы разрешиться от бремени в такой короткий срок.

— Пожалуйста, не надо, Санча. Я не вынесу этих разговоров.

— Дорогая сестра, просто ты еще молода и слишком глубоко переживаешь житейские неурядицы. Говорю тебе, когда придет мой брат, все будет по-другому. Ох, ну почему он еще не в Риме? А знаешь что, Лукреция? Я больше не буду утомлять тебя рассказами о его бесчисленных добродетелях и о том, как мы дружили в детстве. Скажу-ка я тебе кое-что другое. Это касается меня. Я собираюсь развестись с Гоффредо.

— Это невозможно.

Санча улыбнулась.

— И все-таки я разведусь с ним. Вот о чем я хотела тебе сказать — потому-то и прогнала служанок. Пока что им не следует знать об этом.

— Бедный Гоффредо. Он боготворит тебя.

— О его будущем позаботятся, а сам он с радостью передаст меня в руки моего нового супруга.

— Каким образом?

— Моим супругом станет человек, перед которым он преклоняется, — Чезаре.

— Это невозможно, — повторила Лукреция.

— А если этого пожелают Его Святейшество и Чезаре?

— Чезаре уже давно собирается оставить церковь — только Папа удерживает его от такого шага.

Санча придвинулась к Лукреции и прошептала:

— Ты не знаешь, кто сейчас принимает решения?

Лукреция промолчала. Санча добила того, чего хотела, — отвлекла ее мысли от случившегося с ней несчастья.

— Я часто замечала, — продолжила Санча, — как Его Святейшество во всем уступает Чезаре — из всех сил старается угодить ему. Кажется, Чезаре пользуется такой любовью, какой не знал даже Джованни Борджа. Неужели ты сама не замечала этого?.. Ну так вот. Твоему брату Чезаре нужна супруга — а какая же супруга ему желанней, чем я?

Санча застенчиво улыбнулась и опустила глаза. Глядя на нее, нетрудно было догадаться, что она сейчас дума-

ла о том, как будет ублажать своего Чезаре — самого могущественного человека в Риме и единственного мужчину, достойного стать ее супругом.

— Ты хочешь сказать, — вздрогнула Лукреция, — что они уже договорились о чем-то?

Санча кивнула.

— Но мой отец всегда желал, чтобы папское кресло досталось одному из его сыновей.

— Ну, на это существует Гоффредо.

Лукреции стало не по себе. Она слишком хорошо знала их, как знала и то, что именно ее брат и отец были убийцами ее любовника.

Санча потянулась, как кошка, нежащаяся в лучах мартовского солнца. Она томила ожиданием новых, еще неизведанных наслаждений.

А Лукреция вновь задрожала — от страха за свое будущее.

В своих апартаментах в Ватикане Папа Римский принимал сына Чезаре. Когда слуги раскланялись, Александр положил руку ему на плечо и, внимательно посмотрев в глаза, тихо произнес:

— Чадое мое, спешу порадовать тебя. Кажется, наша с тобой небольшая затея удалась на славу.

Чезаре улыбнулся, и у Папы потеплело на сердце. После смерти Джованни он стал с удвоенным вниманием относиться к своему второму сыну. И хотя прежде Александр души не чаял в Джованни — мало того, знал, кто был его убийцей, — этому сыну досталась вся отцовская любовь и сопутствующие ей почести, что некогда принадлежали его брату.

Посторонние не переставали удивляться тем загадочным узам, которые связывали всех Борджа. Что бы ни содеял какой-либо член этой семьи, какое бы зло ни причинил другому, связь между ними не ослабевала. Их всегда соединяли такие сильные чувства — как правило, любовь, если не считать случая с Джованни и Чезаре,

которые ненавидели друг друга, — что все остальное отступало на задний план, вытеснялось более важным и существенным.

Тем не менее Александр с затаенной опаской вглядывался в лицо сына, слывшего самым порочным человеком Италии. Чезаре был замечательно красив — как и все дети Папы, — и у него были такие же золотистые волосы, как у Гоффредо. Где бы он ни появился, его всюду выделяли благородная осанка и великолепные манеры; правда, сейчас его холеную кожу покрывали мелкие, чуть заметные красные пятна — последствия перенесенного французского недуга.

Кардинальская мантия очень шла стройной фигуре Чезаре, но блеск в его глазах сейчас говорил о том, что ему не терпелось навсегда расстаться с ней. А Александр собирался помочь сыну в осуществлении этой мечты.

— Отец, я слушаю вас, — наконец не выдержал молчания Чезаре.

— Ах да, прости, сын мой. Я просто подумал о том счастливом дне, когда французский король Карл решил, что ему будет приятно после обеда посмотреть игру в теннис. — Папа улыбнулся. — Бедный Карл! Представляю, сколько неожиданных курьезов подстерегало его в Амбуа!.. Кто бы мог подумать, что такое невинное развлечение, как присутствие при игре в теннис, будет иметь такие важные последствия для него... И для нас.

— Знаю, — сказал Чезаре. — Он пошел по одной из боковых галерей замка Амбуа и, оступившись в темноте, ударился головой о притолок.

— Удар был незначительным, — продолжил Папа. — Всего лишь небольшая ссадина, вот и все. Если не считать того, что, вернувшись в свои покои, он внезапно потерял сознание и умер от кровоизлияния в мозг.

— Но на трон сел Луи Двенадцатый, а я слышал, что он, как и его предшественник, полон решимости отвоевать итальянские земли, которые называет законной территорией Франции.

— Мы избавились от Карла. При необходимости избавимся и от Луи, — сказал Александр. — Но уверяю тебя, Луи принесет нам немало пользы. Я решил, что он станет нашим другом.

— Союзником?

Папа кивнул.

— Пожалуйста, говори тише, мой сын. Это дело должно остаться строго между нами. Король Луи Двенадцатый желает развестись со своей супругой.

— Его желание меня не удивляет.

— Хм. А вот в их народе ее очень даже почитают. Такая набожная, благочестивая женщина!..

— Горбунья, и к тому же бесплодная, — пробормотал Чезаре.

— Но — набожная. Она готова отречься от трона и удалиться в один из женских монастырей провинции Бурже. Конечно, только в том случае, если Луи добьется расторжения брака.

— Ему придется обратиться к Вашему Святейшеству, — усмехнулся Чезаре.

— Он просит о многом. Хочет жениться на супруге своего предшественника.

Чезаре ухмыльнулся.

— Слышал я о достоинствах Анны Британской. Немного прихрамывает, но, говорят, ее ум и обаяние скрадывают хромоту.

— Ее британские земли обширны и плодородны, — добавил Папа. — Стало быть, Луи охотится за ними — и за ней.

— А как Ваше Святейшество соизволит отнестись к его просьбе?

— Как раз об этом я и хотел поговорить с тобой. Я направлю королю Франции послание, а в нем сообщу, что всесторонне обдумываю прошение о разводе. И упомяну о своем сыне — своем возлюбленном сыне, — который желает оставить церковь.

— Отец!

Глаза Александра заблестели от слез. Он расчувствовался — увидел, какое удовольствие доставил своему любимцу.

— Не сомневаюсь, мой дорогой сын, очень скоро у тебя появится возможность навсегда сбросить этот пурпур, такой желанный для многих и такой обременительный для тебя.

— Отец, вы ведь знаете образ моих мыслей! Просто я чувствую, что мое призвание — не в делах церкви, а на другом поприще.

— Знаю, чадо мое, знаю.

— Отец, помогите мне обрести свободу действий, и обещаю — вы не пожалеете об этом. Мы с вами вместе увидим, как Италия сплотится под Тельцом могучей семьи Борджа! Наш родовой герб поднимется над каждым городом, над каждым замком! Отец, Италия должна объединиться; только так мы сможем противостоять нашим врагам.

— Ты прав, сын мой. Но прежде всего нужно освободить тебя от церкви. Я постараюсь заручиться поддержкой французского короля Луи. И попрошу его о кое-чем еще. Думаю, у тебя будет поместье во Франции... и супруга.

— Отец, как мне выразить свою признательность?

— Давай избавим друг друга от подобных разговоров, — сказал Папа. — Ты мой возлюбленный сын, а я желаю только одного — увидеть славу и счастье своих детей.

— Тогда скажите, что вы думаете о разводе Санчи и Гоффредо.

— На основании неполноценности их брака? Я не в восторге от этой идеи. Еще не улеглись слухи о разводе Лукреции и Сфорца — новый скандал всколыхнет их. Скоро мне привезут младенца, и я с нетерпением жду этого дня. Нет, лишние кривотолки нам не нужны. Неужели ты и впрямь так хочешь жениться на разведенной супруге вашего брата? Со всеми титулами, которые тебе достанутся после того, как ты оставишь церковь? Чего

ради? О да, Санча — восхитительная, страстная женщина. В искусстве любви ей нет равных. Но нужен ли тебе брак, чтобы наслаждаться ее достоинствами? Полагаю — нет, сын мой. Все эти месяцы она дарит тебе все, о чем только может мечтать ее супруг. Продолжай встречаться с ней. Я бы не хотел, чтобы ты прерывал эту связь. Но жениться на Санче! Принцесса, нет спору! И все-таки у нее есть один маленький недостаток. Она незаконнорожденная. Что ты скажешь о законнорожденной неаполитанской принцессе?

Чезаре улынулся.

Пресвятая Богородица, подумал Александр, как прекрасны мои дети и как сжимается мое сердце от любви к ним!

Рим встретил его спокойно, буднично. Толпы народа не стояли вдоль широких улиц, никто не бросал цветы под копыта коней. Даже герольды не возвестили о прибытии герцога де Бишельи. Папа не захотел устраивать торжественной церемонии его въезда в город. Скандал с разводом Лукреции еще не улегся — с тех пор прошло всего шесть месяцев, — а поскольку к прежним разговорам недавно прибавились слухи о ее ребенке, то лучше было не оглашать появления нового жениха.

Настороженно взглядываясь в лица редких прохожих, Альфонсо подъехал к дворцу Санта Мария дель Портико.

Санча ждала его в покоях Лукреции. Она догадывалась, какие чувства он должен был сейчас испытывать, представляла, какие рассказы ему доводилось слышать о семье, с которой он собирался породниться. И хорошо сознавала, что Альфонсо прибыл сюда не как почтенный жених, не как влиятельный принц, а как человек, олицетворяющий желание Неаполя наладить дружеские отношения с Ватиканом.

— Не отчаивайся, братец, — прошептала Санча. — Я позабочусь о тебе.

Она хотела попросить Чезаре, чтобы тот подружился

с ее братом. Разве не вправе она рассчитывать, что ее любовник окажет ей такую услугу? Тогда успех будет обеспечен. Если Чезаре благосклонно отнесется к молодому Альфонсо, — а при желании Чезаре мог быть милейшим из людей, — то его примеру последуют и остальные. Папа, что бы ни было у него на уме, будет любезен и обходителен; даже Лукреция, которая все никак не могла забыть своего Педро, смиростивится над Альфонсо.

Санче не терпелось показать брату власть, которой она пользуется в Ватикане. В отличие от любовных увлечений, ее родственные чувства были такими же постоянными, как и тщеславие.

Лукреция, сопровождаемая Санчей и служанками, пошла встречать суженого. Тот производил приятное впечатление. На какое-то мгновение ей даже показалось, что она несколько идеализировала образ Педро Кальдеса, хранившийся в ее памяти. Альфонсо был очень хорош собой. Внешне он походил на свою сестру, но в нем чувствовались застенчивость и скромность, которых не было у Санчи.

Ее тронула нежность, с которой он обнял супругу юного Гоффредо.

Затем Санча взяла брата за руку и подвела к невесте. Его красивые голубые глаза раскрылись от удивления, которого он не пытался утаить.

— Лукреция Борджа, — представилась Лукреция.

Его мысли были написаны на лице. Разумеется, ему рассказали о ней немало дурного, и он ожидал. Чего именно? Встречи с бесстыжей распутницей, которая в первую же минуту их знакомства заставит его дрожать от страха? А вместо этого увидел перед собой тихую, беззащитную девушку, чуть постарше его самого, но выглядывшую так же молодо, — нежную, открытую и неотразимо прекрасную!..

Его губы чуть дольше положенного задержались на ее руке; когда он поднял голову, глаза были по-прежнему широко раскрыты.

— Я не нахожу слов, чтобы выразить свое восхищение, — прошептал он.

В это мгновение она впервые за многие месяцы забыла о несчастьях, преследовавших ее.

Санча в небрежной позе лежала на кушетке, а вокруг сидели настороженные, притихшие служанки.

Она говорила о том, что очень скоро им придется распрощаться с их маленьким Гоффредо, потому что он уже не будет ее супругом. Его Святейшество разведет их — точно так же, как развел Лукрецию и Сфорца.

— Или почти так же, — сказала она. — Ведь я не на шестом месяце беременности буду стоять перед кардиналами и клясться, что мой брак не был свершен.

Лойзелла, Бернардина и Франческа радостно засмеялись. Они с удовольствием наблюдали за всеми любовными авантюрами своей госпожи и по мере возможности поощряли их.

Она взяла с них слово, что этот разговор останется между ними, и они пообещали никому не рассказывать о ее тайне.

Затем за дверью послышались шаги.

— Пришел ваш будущий супруг, — прошептала Лойзелла.

Санча игриво потрепала ее по щеке.

— А это значит, что тебе лучше уйти. Я просила его навестить меня. Вот он и пришел.

— Хорошенько же вы приучили его к послушанию, — засмеялась Бернардина.

Но Чезаре уже вошел в комнату, и вся их фривольность тут же куда-то подевалась. Он мельком взглянул на них — не так, будто собирался сделать один из своих обычных комплиментов, а так, будто они были неодушевленными предметами, недостойными его внимания. У них сразу пропала всякая охота шутить над ним.

Они спешно раскланялись и выскользнули за дверь.

Оставшись наедине с ним, Санча подняла руку.

— Проходи, Чезаре, — сказала она. — Сядь рядом со мной.

— Ты желала видеть меня? — спросил он, усаживаясь на стул.

— Да, желала. Я недовольна тобой, Чезаре.

Он высокомерно поднял брови. Глаза гневно блеснули.

Она продолжила:

— Мой брат прибыл в Рим. Он пробыл здесь уже целые сутки, а ты до сих пор игнорируешь его появление. Такую ли любезность тебе следует оказывать принцу Неаполя?

— Ах да... этот ублюдок, — пробормотал Чезаре.

— Вот как?.. Мой дорогой! Сам-то ты кем будешь, а?

— Правителем Италии. И очень скоро.

У нее загорелись глаза. Несомненно, так и будет. Она это знала и гордилась за него. Если кто-то и способен объединить Италию, то этот человек — Чезаре Борджа. Когда он взойдет на вершину власти, она будет рядом с ним. Ему понадобится королева, а лучшей королевы, чем его любовница, он не найдет. Она была счастлива. Оставалось только получить развод с ее нынешним супругом.

Их взгляды встретились, и она протянула ему руки. Он обнял ее, но Санча чувствовала, что его мысли где-то далеко.

Она отстранилась от него и сказала:

— Тем не менее я требую, чтобы ты оказал должное уважение моему брату.

— Именно это я и сделал. Большого он не заслуживает.

Она размахнулась и дала ему пощечину. Он схватил ее руку. Затем сдавил и стал с улыбкой наблюдать за ее побледневшим лицом.

— Пусти, — простонала она. — Пусти, Чезаре! Ты ломаешь мне руку.

— Я научу тебя хорошему поведению. Будешь как шелковая.

Она высвободилась и посмотрела на красные пятна, отпечатавшиеся на ее запястье.

— Прошу тебя, — спокойно произнесла она, — известить моего брата. Покажи, что ты рад видеть его в Риме.

Чезаре пропустил ее просьбу мимо ушей.

— Скоро он станет твоим братом, — продолжила она. — А если так...

— К первому супругу Лукреции я не относился как к своему брату. Не собираюсь считаться и со вторым.

— Ты ревнуешь! — не удержавшись, выпалила Санча. — Безумно ревнуешь к любовникам своей сестры! Чему же удивляться, если ваши семейные скандалы гремят на всю Италию?

— Ах! — откинувшись на спинку стула, улыбнулся он. — У нас скандальная семейка! Полагаю, моя дорогая Санча, этих скандалов не поубавилось с тех пор, как вы породнились с нами.

— Я настаиваю на том, чтобы ты почтил своим вниманием приезд моего брата.

— Достаточно уж и того, что мой отец позволил ему приехать сюда.

— Но, Чезаре! Ты обязан проявить хоть какое-то уважение к нему! Показать остальным, что он тебе небезразличен — хотя бы потому, что он мой брат.

— Ты считаешь, что наши с тобой отношения нуждаются в огласке?

— Но если я разведусь... если я избавлюсь от Гоффредо и мы с тобой поженимся.

Чезаре засмеялся.

— Моя дорогая Санча, — сказал он, — я вовсе не собираюсь жениться на тебе.

— Но... скоро состоится развод!

— Его Святейшество полагает, что нашей семье не нужен второй бракоразводный процесс. Как тебе известно, церковь осуждает разводы. Поэтому ты останешься замужем за нашим юным Гоффредо. Чем он тебя не уст-

раивает? Что касается меня, то, расставшись с этой мантией, я найду себе какую-нибудь другую супругу.

Санча не могла говорить. Она оцепенела от ярости.

— Более того, — продолжил Чезаре, явно наслаждавшийся ее попытками совладать с гневом, — когда я получу свои новые титулы — а я уверяю тебя, это произойдет очень скоро, — мне понадобится более достойная особа, чем незаконнорожденная принцесса Неаполя. Вот так-то, Санча. Тебе придется смириться с этим.

Санча все еще не могла оправиться от потрясения. Ее лицо побледнело, пальцы теребили атласную оборку платья. У него горела левая щека; он видел красные пятна на ее правом запястье. Их отношения всегда граничили с чем-то большим, чем неистовость страсти; занятиям любовью зачастую предшествовали ожесточенные потасовки.

— Кстати, — приложив левую руку к щеке, добавил Чезаре, — моя невеста будет твоей близкой родственницей. Ты ее знаешь: дочь твоего дяди, неаполитанского короля. Его законнорожденная дочь принцесса Карлотта.

— Моя кузина Карлотта! — воскликнула Санча. — Ты обманываешь себя, кардинал Борджа! Ублюдок Борджа! Уж не думаешь ли ты, что мой дядя позволит тебе жениться на его дочери?

— У Его Святейшества и у меня есть все основания полагать, что он мечтает об этом браке.

— Ложь!

Чезаре пожал плечами.

— Увидим, — сказал он.

— Увидим? Может быть, ты и увидишь — в грезах! Но не я! Этого никогда не будет. Неужели ты думаешь, что тебе достанется Карлотта? Король захочет получить немалое приданое за нее.

— Возможно, во мне он найдет все, что ему требуется, — возразил Чезаре.

Служанки, притаившиеся в передней, внезапно зад-

рожали. Они слышали хриплый хохот Санчи. Ее сегодняшнее свидание было слишком непохоже на все предыдущие. В комнате происходила отнюдь не одна из тех ссор, после которых они расчесывали волосы госпожи, а она с довольным видом рассказывала о неумемной страсти своего Чезаре.

— Говорю тебе! — закричала Санча. — Карлотты тебе не видать, как своих ушей!

— Прошу тебя, не кричи. Твои служанки подумают, что я убиваю тебя.

— Еще бы им не подумать! Они слишком хорошо знают тебя. Еще одно убийство — что оно для тебя значит? Убийца! Лжец! Ублюдок!

Он встал и с улыбкой посмотрел на нее.

Санча вскочила с кушетки, готовая с кулаками наброситься на него, — но он успел перехватить ее руку. Она вскрикнула от боли и плюнула ему в лицо.

Он сдвинул ее запястье.

— Поумерь свой пыл, Санча, — процедил он.

— Впрямь ли ты так спокоен, Чезаре? — спросила она.

— На сей раз — да.

— Не думай, что ты сможешь приходить ко мне и обращаться как со своей любовницей, покуда помышляешь о Карлотте.

— Я пришел к тебе по твоей же просьбе, — сказал он. — И, кажется, поспешил. Твои амбиции утомляют меня.

— Ну так убирайся отсюда прочь! — закричала она.

К ее величайшему изумлению он так и сделал — повернулся и вышел из комнаты.

Она пораженно посмотрела ему вслед. Затем обхватила голову руками и зарыдала.

Дверь снова открылась, и в комнату вбежали служанки. Все трое на какое-то мгновение застыли перед ней. Они впервые видели ее такой несчастной.

Служанки уговорили ее лечь, заботливо расчесали

волосы, положили на лоб холодный компресс. Они утешали свою госпожу и просили не плакать, не портить ее чудесные глаза.

Наконец Санча вытерла слезы и приподнялась на локте. Она поклялась отомстить Чезаре Борджа; поклялась, что не допустит его брака с ее кузиной. Она вылепит из воска небольшую фигурку своего мучителя; она вонзит раскаленные спицы в сердце этой восковой фигурки. Его покарает зло, потому что он глубоко уязвил ее и смеялся над ее мучениями.

— Во имя всех святых! — воскликнула она. — Я отомщу тебе, Чезаре Борджа!

Настал день свадьбы — второй в жизни Лукреции.

Та, другая свадьба, состоявшаяся пять лет назад, когда ей было всего тринадцать, теперь казалась каким-то мимолетным видением, ночным кошмаром — жутким и нереальным. Она не желала думать о ней. Тогда она была слишком молода для супружества, а рядом с ней стоял угрюмый, непривлекательный мужчина — вдовец, не обращавший ни малейшего внимания на ее красоту.

Ей хотелось счастья. Теперь она понимала, насколько походила на своего отца. Как тот убивался, узнав о смерти Джованни, его любимого сына! Вот так же и она себя почувствовала, когда услышала, что в Тибре нашли тело Педро Кальдеса. Тогда она взывала ко всем святым: «Пресвятые угодники, снизойдите ко мне! Дайте мне умереть!» Те же самые слова, что изо дня в день повторял Александр.

Он быстро оправился от своего горя. Его душа отвернулась от загробного мрака и обратилась к радостям жизни. Он был мудрым человеком; она считала его самым мудрым из всех людей, живущих на земле; в трудную минуту никто не смог бы повести себя так, как это удавалось ему.

Она искренне желала полюбить своего жениха. В чем

же дело? Он молод, красив и — хотя они познакомились всего три дня назад — уже достаточно пылок. Прежде он боялся встречи с ней; но те страхи рассеялись. Так и ее переживания пройдут, не оставят никакого следа. В руках Альфонсо, своего законного любовника, она забудет о той несчастной связи с Педро Кальдесом, которая с самого начала была обречена.

Она радовалась тому, что в Риме его встретили без пышных церемоний и они успели увидеться перед свадьбой. Ей было приятно услышать те слова, что он прошептал позавчера: «Вы ничуть не похожи на супругу, которую я думал найти здесь».

«Довольны ли вы тем, что ваши ожидания не сбылись?» — спросила она, а он ответил: «Я стыжусь своих бывших опасений и благодарен фортуне, позволившей мне повстречать вас».

Лукреции тогда показалось, что его слова не были пустым комплиментом.

Она не ошибалась. Альфонсо был счастлив; ему хотелось думать только о ней одной. Он знал, что Чезаре Борджа ненавидит будущего супруга своей сестры, но не придавал значения ни этому, ни другим признакам враждебности тех могучих сил, которые правили вечным городом. Приближенные Папы Римского заключали пари на то, через сколько дней Его Святейшество разочаруется в новом зяте и долго ли после того протянет бедный Альфонсо; все понимали, что Александр постарается избежать неминуемого скандала, связанного со вторым разводом его дочери. Однако Альфонсо не было никакого дела до слухов, доходивших до него. Все это время он с нетерпением ждал свадьбы.

Расшитое золотом платье, в которое служанки облачили его невесту, было так густо усыпано жемчугом, что весило не меньше иных воинских доспехов. Шю Лукреции обрамляло роскошное ожерелье из крупных кроваво-красных рубинов, а на лбу сверкал великолепный изумруд, выгодно оттенявший ее бледно-голубые

глаза. Она выглядела едва ли старше, чем в тот день, когда выходила замуж за Джованни Сфорца.

Вместе со свитой ее провели в ватиканские покои Его Святейшества — в хорошо известную ей залу с настенными фресками Пинтуриккьо и с лепным потолком, украшенным золотыми изображениями быка и папской короны.

Здесь она второй раз в жизни увидела Альфонсо. В своем пышном свадебном наряде он показался ей самым красивым юношей Италии.

Папа снисходительно улыбался, разглядывая молодую чету; его забавляло то, о чем так ясно говорили их глаза.

Они опустились на колени перед папским троном; свадебная церемония началась. Древний обычай требовал, чтобы жених и невеста склонили головы под занесенным над ними обнаженным мечом. Честь держать его выпала капитану испанской гвардии Хуану Червиллону. Он торжественно вынул меч из ножен и высоко поднял его над молодыми. В зале стояла тишина. Глядя на это сияющее стальное лезвие, почти все присутствующие задавались одним и тем же вопросом: «Сколько времени пройдет, прежде чем оно опустится на голову бедного жениха?»

После торжественной церемонии настало время праздничного веселья. Лукреция шла под руку со своим супругом, который то и дело бросал на нее восхищенные, восторженные взгляды. Он и она держались в стороне от свадебной процессии. Все замечали их поглощенность друг другом. Даже Папа несколько минут смотрел на них, а потом обвел глазами свиту и многозначительно кивнул в их сторону.

— Приятно смотреть на такую парочку! — воскликнул он. — И как быстро нашли общий язык! Готов держать пари, они ждут не дождутся, когда закончатся танцы и пир! Да, этот брак будет свершен — и довольно скоро, можете быть уверены.

Когда они входили в залу, где было приготовлено за-

столе, один молодой человек из свиты Санчи, слышавший о недавнем унижении его любовницы и решивший показать свою верность ей, внезапно подставил ногу проходившему мимо мужчине из свиты Чезаре. Мужчина растянулся на полу. Этот инцидент ободрил нескольких других поклонников Санчи. Они набросились на лежавшего и принялись колотить его. Слуги Чезаре — вспыльчивые как все испанцы — недолго терпели подобное обращение с их соплеменником. Завязалась потасовка, которая быстро превратилась в настоящее побоище.

Тщетно кардиналы и епископы призывали драчунов к порядку. В зале стоял такой невообразимый шум, что никто не слышал их голосов.

В этой неразберихе одного епископа свалили с ног. Другому в кровь разбили лицо. Александр с улыбкой наблюдал за священниками, потерявшими обычную степенность и важность. Прошло несколько минут, прежде чем он поднял руку и пригрозил строго наказать каждого, кто ослушается его приказа прекратить драку.

Все сразу успокоились. Неаполитанцы и испанцы стали расходиться по своим местам, а Александр повел жену и невесту к накрытому столу.

Стычка была относительно недолгой, но многие присутствующие увидели в ней предзнаменование будущих, более кровопролитных столкновений. До сих пор римляне поговаривали о возможном браке Чезаре и Санчи. Теперь казалось, что у сторонников Санчи появились какие-то счеты с окружением ее любовника. Не означало ли это, что Чезаре, собиравшийся оставить церковь, пожелает найти себе другую супругу?

Разгневанный вид Санчи подтверждал эти догадки — так же, как и невозмутимое спокойствие Чезаре.

Затем Папа, будто ничего не случилось, велел позвать музыкантов.

Начались танцы. Между ними устраивались различные театрализованные представления. Чезаре через некоторое время исчез, а потом появился в маскарадном

костюме единорога. Карнавальный наряд так удачно подчеркивал его красоту и изысканные манеры, что глаза Папы заблестели от гордости за сына; даже Лукреция на несколько мгновений отвела взгляд от жениха, чтобы посмотреть на брата.

Во время очередного танца Альфонсо сказал ей:

— Сегодня у меня был самый счастливый день в жизни.

— Надеюсь, вдвоем мы всегда будем счастливы, — ответила она.

— Что бы ни произошло, мы в любую трудную минуту сможем оглянуться на этот незабываемый вечер, — внезапно задумавшись о чем-то, сказал он.

— Нет, Альфонсо. Лучше не оглядываться назад. Давайте будем смотреть только вперед. — Она улыбнулась. — А вы, должно быть, здорово перепугались, когда услышали, что женитесь на мне. Не так ли?

— Я верил слухам, — признался он.

— Дурным слухам. Они всегда окружали нашу семью. Не обращайтесь на них внимания.

Он посмотрел в ее ясные, светлые глаза. И подумал: неужели она ничего не знает? Едва ли. Но понимает ли?.. Нет, слишком молода и невинна.

— Альфонсо, — продолжила она, — я хочу, чтобы вы знали, как я была несчастна — так несчастна, что уже и не надеялась хоть раз улыбнуться. А сегодня вы слышали, как я смеюсь. Это — впервые за много месяцев. Альфонсо, мне хорошо, потому что у меня появились вы.

— Я счастлив быть с вами.

— Вы должны и меня сделать счастливой. Пожалуйста, Альфонсо, сделайте меня счастливой.

— Я люблю вас, Лукреция. А ведь прошло всего три дня. Возможно ли полюбить в такой короткий срок?

— Надеюсь. И мне кажется, что я тоже полюблю вас, Альфонсо, мне очень нужна любовь. Я не смогу жить без нее.

— Лукреция, мы будем любить друг друга — всю нашу жизнь!

Он взял ее руку и торжественно поцеловал. В эту минуту их души наполнил тот же благоговейный трепет, который они испытывали, стоя на коленях перед папским троном.

Александр, наблюдавший за ними, прищелкнул языком и повернулся к одному из своих кардиналов.

— Какой стыд — удерживать их от брачного ложа! — сказал он. — Честное слово, никогда не знал, что два любовника могут так желать друг друга.

ГЛАВА 2 **ГЕРЦОГИНЯ ДЕ БИШЕЛЬИ**

Кардиналы, собравшиеся на консисторию, старались не смотреть друг на друга. Многие жалели, что не последовали примеру тех своих коллег, которые под различными благовидными предложениями на несколько дней исчезли из Рима.

Папа, величаво восседавший на троне, приветливо поздоровался с ними, но все они хорошо знали Александра и понимали, что за его внешней приветливостью кроется непреклонная решимость закончить начатое дело. Увы! Опять им пришлось столкнуться с одним из тех возмутительных желаний Александра, которые он порой изъяснял, руководствуясь интересами своей семьи, а не церкви. Чувство долга обязывало их противостоять беззаконным прихотям Борджа, но на это у них не хватало смелости.

Кардиналы со стыдом вспоминали недавний бракоразводный процесс, когда невинный вид Лукреции Борджа обманул многих из них. Вспоминали — и отдавали себе отчет в том, что Папа и его семья собираются снова одержать верх над ними.

Александр с затаенной гордостью смотрел на Чезаре, вышедшего вперед и повернувшегося лицом к собранию.

Прав был его сын, тысячу раз прав! Он рожден, чтобы править Италией. И добьется своего, если не будет скован законами церкви.

В левой руке Чезаре держал свиток с речью, над составлением которой он и Александр провели так много времени. Правую руку он приложил к сердцу, умоляя кардиналов уделить должное внимание его просьбе.

Александр предостерегал сына от неуместного высокомерия — и на этот раз Чезаре старательно выполнял отцовский наказ.

— О нет, не по своей доброй воле я вступил в церковь, — закончил читать Чезаре. — Меня заставили забыть о своем истинном призвании.

Сознавая, что все взгляды сейчас обратились на него, Александр тяжело вздохнул и опустил голову. Весь его вид говорил о том, что слова сына глубоко огорчили его. Несмотря на столь явное проявление отцовских чувств, все знали, что именно Александр помогал Чезаре избавиться от церковного сана и что он собственноручно написал слова, которые прочитал его сын. Но знали они и то, что любому, кто не будет действовать в соответствии с волей Папы, следует опасаться преследований.

— Эти факты я изложил перед вами, как того требовала моя совесть, — продолжил Чезаре, — и теперь мне остается только надеяться на ваше снисхождение к моему несчастью. Я верю, что вы сжалитесь надо мной и освободите от некогда произнесенных клятв.

Наступила тишина. Кардиналы снова посмотрели на святого отца — тот поднял голову, чтобы все могли видеть его глубокую задумчивость.

Чезаре повернулся к Папе.

— Будь я свободен, — воскликнул он, — моя жизнь была бы посвящена Италии! Я бы посетил Францию — которая уже давно угрожает нам — и не пожалел бы сил, чтобы спасти нашу страну от вражеского вторжения. Я бы принес мир на нашу землю!

Александр выпрямился.

— Просьба, которую изложил кардинал Валенсийский Чезаре Борджа, требует серьезного размышления, — сказал он. — Полагаю, с ответом спешить не следует. Через несколько дней мы соберемся еще раз — вот тогда-то и примем окончательное решение.

Чезаре пошел к выходу, а кардиналы принялись обсуждать услышанное. Среди них не было ни одного человека, который бы не считал, что присутствовал при театральном фарсе. Но что они могли поделать? Кто осмелился бы противостоять воле Папы Римского Александра Борджа?

Чезаре уходил с легким сердцем. Он знал, что не пройдет и недели, как исполнится его давнее желание. Свободный от церковных ограничений, он сможет стать военачальником. Он поведет солдат в бой.

У сестры он застал и ее супруга. Увидев шурина, тот невольно придвинулся к жене.

— Ха! — воскликнул Чезаре. — Вот и счастливая парочка. А что, сестренка, в Риме говорят, вы без ума друг от друга. Это и впрямь так?

— Я очень счастлива, — сказала Лукреция.

— Мы счастливы оба, — добавил Альфонсо.

Чезаре перевел взгляд на улыбающегося юношу. Внезапно его охватила злость. Мальчишка! Молоко на губах не обсохло, а уже встречается в чужие разговоры. И такой радостный, розовощекий! Небось и пудрой-то не пользуется. А вот холеная кожа Чезаре сплошь покрыта мелкими красными пятнышками, от которых ему, пожалуй, никогда не избавиться. Странно — он, знающий, что скоро вся Италия будет лежать у его ног, завидует румяным щечкам какого-то младенца.

— Кажется, вы не очень-то рады видеть меня, — сказал он.

— Напротив! Мы всегда рады видеть тебя, — поспешно заверила его Лукреция.

— Брат мой! Почему вы позволяете супруге говорить

вместо вас? — усмехнулся Чезаре. — По-моему, вам следует почаще проявлять себя хозяином положения.

— О! У нас вовсе не такие отношения, — ответил Альфонсо. — Я желаю доставлять только удовольствие своей жене — ничего более того.

— Ах, какой любящий супруг, — пробормотал Чезаре. — Лукреция, нам предстоит провести несколько праздничных дней. Пожалуйста, приготовься к ним. Какие развлечения устроить для тебя?

— Снова праздники! — воскликнула Лукреция. — Сколько можно? Нам с Альфонсо хорошо и без них. Мы охотимся, танцуем, слушаем музыку.

— Не сомневаюсь, у вас есть и другие удовольствия. Положенные всем молодоженам. Тем не менее праздники состоятся. Лукреция, тебе известно, что очень скоро я навсегда расстанусь с кардинальской мантией?

— Чезаре! — Она бросилась ему на шею. — Как я счастлива! Наконец-то сбудется твоя мечта! Ах, дорогой брат, я радуюсь вместе с тобой.

— И готова танцевать со мной на бале, который я собираюсь дать? Или посмотреть, как я насажу на шпагу одного-двух быков?

— Ох, Чезаре. Я не люблю такие зрелища. Они пугают меня.

Он нежно поцеловал ее и привлек к себе. Альфонсо был за его спиной и — как надеялся Чезаре — чувствовал себя лишним.

Тот и в самом деле смутился. Былые страхи внезапно вернулись; по телу пробежала дрожь. Он не мог отвести глаза от них — вот они, брат и сестра, о которых говорит вся Италия. Такие красивые, во многом похожие друг на друга. И все-таки разные. Чезаре стремится к власти, а Лукреция желает быть подвластной. Увидев их вместе, он вспомнил о своих прежних подозрениях. Ему захотелось вырвать Лукрецию из объятий ее брата. Спаси, увези куда-нибудь и жить с ней вдвоем, без этой порочной семьи.

Он едва слышал их голоса.

— Но не хочешь же ты, чтобы я стоял в стороне, когда другие будут расправляться с быками?

— Ошибаешься, хочу. Очень хочу.

— Дорогая, тебе самой станет стыдно за твоего брата.

— Мне никогда не будет стыдно за тебя. А с этими быками ты рискуешь жизнью.

— Ни в коем случае. Я справлюсь с любым быком.

Чезаре повернулся и насмешливо взглянул на Альфонсо. Затем внезапно выпустил сестру и воскликнул:

— Лукреция! Мы совсем забыли про твоего юного супруга! Смотри, он вот-вот расплачется.

Альфонсо почувствовал, как кровь бросилась ему в лицо. Он уже подался вперед, но между ним и Лукрецией стоял Чезаре — широко расставив ноги, держа правую руку на рукоятке шпаги. Альфонсо хотел немедленно обнажить оружие и бросить вызов обидчику, но не мог сдвинуться с места. словно какая-то дьявольская сила сковала его суставы.

Чезаре улыбнулся и вышел из комнаты. Когда дверь за ним закрылась, к Альфонсо вдруг вернулась вся его храбрость. Он подошел к Лукреции и взял ее за плечи.

— Мне не нравятся манеры твоего брата, — сказал он.

Лукреция смотрела на него широко раскрытыми невинными глазами.

— У него слишком много притязаний. Создается такое впечатление.

Альфонсо запнулся. У него были кое-какие вопросы, но он не смел задать их. Боялся навсегда утратить свое счастье.

Лукреция обвила руками его шею и поцеловала.

— Он мой брат, — просто сказала она. — Мы выросли вместе.

— Когда он с тобой, ты не замечаешь никого другого.

Лукреция прижалась щекой к его груди и засмеялась.

— А ты и впрямь ревнив.

— Лукреция! — воскликнул он. — Разве для этого нет никакой причины?

Она подняла на него глаза. Они были по-прежнему чисты и невинны.

— Ты же знаешь, мне не нужен никто кроме тебя, — сказала она. — Я была несчастна, безутешно несчастна — думала, что уже никогда не буду смеяться. Затем появился ты, и мне показалось, что моя жизнь началась заново.

Он поцеловал ее. Потом еще и еще — с каждым разом все более страстно.

— Пожалуйста, люби меня, Лукреция, — шептал он. — Люби меня, только меня.

Они опустились на пол, но, даже занимаясь с ней любовью, Альфонсо не мог забыть о Чезаре.

Чезаре стоял на арене. Зрители затаили дыхание — этот стройный, красивый мужчина слыл лучшим матадором Рима. Его испанское происхождение сейчас было особенно заметно. Вот он легко изогнулся и отпрыгнул в сторону от мчащегося быка, когда смерть уже казалась неизбежной.

Альфонсо сидел рядом с Лукрецией и смотрел на ее пальцы, теребившие оборку платья. Альфонсо не понимал супругу. Он мог поклясться, что она радовалась скорому отъезду Чезаре, — и в равной степени был уверен, что сейчас не видела никого кроме брата, фиглярничавшего на арене.

Альфонсо тихо шептал:

— Господи и все святые, сделайте так, чтобы он не ушел отсюда живым. Пусть этот разъяренный бык станет орудием правосудия — пусть отомстит за всех тех людей, которые приняли куда более ужасную смерть от руки этого человека.

Санча с холодной улыбкой наблюдала за акробатическими прыжками своего бывшего любовника. Она думала: сейчас... вот сейчас... бык поднимет его на рога, затопчет своими страшными копытами. Но не убьет, а

только изувечит его, чтобы он уже никогда не смог встать на ноги, чтобы не смог даже подойти к своей Карлотте Неаполитанской. Карлотта Неаполитанская! Много ли у него будет тогда шансов? Ну так пусть же от его красоты не останется и следа, чтобы я могла подойти к нему и смеяться над ним, как он смеялся надо мной!

Были и другие зрители, помнившие о страданиях, которые причинил им Чезаре Борджа, — многие молили Бога о его смерти.

Однако умри Чезаре в тот день — и три человека искренне оплакивали бы его: Папа, который смотрел на него с той же смесью гордости и страха, что и Лукреция; сама Лукреция; и рыжеволосая куртизанка по имени Фьяметта, которая рассчитывала найти у него богатство и неожиданно для себя полюбила его.

К бурному восторгу всех остальных зрителей Чезаре одержал победу. Все его быки были повержены. Он стоял в ленивой позе, попирая ногой голову одного из них, и с безразличным видом принимал аплодисменты толпы. Казалось, сейчас он олицетворял свое будущее. Как будто заранее знал, что с такой же самоуверенной и победоносной улыбкой будет стоять на руинах покоренной Италии.

Папа пригласил к себе сына, чтобы сообщить радостное известие.

— Луи обещает быть великодушным, Чезаре! — воскликнул он. — Смотри-ка, что он предлагает тебе! Герцогство Валанс и солидный доход в придачу.

— Валанс, — задумчиво произнес Чезаре. — Я слышал, это город на Роне. В провинции Дофине, недалеко от Лиона. А доход... сколько, вы говорите?

— Десять тысяч экю в год, — причмокнул Папа. — Весьма приличная сумма.

— Пожалуй. А Карлотта?

— Ты поедешь к французскому двору и немедленно начнешь ухаживать за ней. — Папа помрачнел. — Чадое мое, мне будет не хватать тебя. Наша семья тает на глазах.

— У вас появился новый сын, отец.

— Альфонсо? — поморщился Папа.

— По-моему, в нашем семействе только Лукреция радуется его новому прибавлению, — проворчал Чезаре.

Папа вздохнул.

— Лукреция женщина, а Альфонсо очень привлекательный юноша.

— Меня тошнит, когда я вижу их вдвоем.

Папа положил руку на плечо сына.

— Поезжай во Францию, сын мой. И возвращайся с принцессой Карлоттой.

— Она будет моей. А тогда я смогу заявить о своих правах на неаполитанскую корону. Отец, никто не помешает мне взять то, к чему я протяну руку.

Папа глубокомысленно кивнул.

— А если я унаследую трон Неаполя, — продолжил Чезаре, — то какая нам польза от юного супруга Лукреции?

— Не будем заглядывать так далеко вперед, — сказал Александр. — В прошлом я избежал немало препятствий — потому что не пытался воздвигать их.

— Отец, я уже сейчас знаю, как поступить с Альфонсо.

— Не сомневаюсь, сын мой. Но прежде всего нам нужно позаботиться о твоей женитьбе. Мне бы не хотелось, чтобы перед французским королем ты предстал как какой-то нищий оборванец.

— Мне понадобятся деньги.

— Не беспокойся. Мы найдем их.

— У испанских евреев?

— А почему бы и нет? Разве не должны они заплатить за убежище от испанской инквизиции, которое получили у меня?

— Должны. И, пожалуй, с радостью, — сказал Чезаре.

— Ну вот. А сейчас, сын мой, давай подумаем о твоих сиюминутных нуждах.

Внезапно Александру стало грустно. Грустно и немного тревожно. Когда-то он поклялся, что Чезаре навсегда останется в церкви, а вот теперь тот обретал свободу. Александр почувствовал бремя прожитых лет. Он понял, что сила воли, позволившая ему пройти через столько испытаний, слабела с каждым днем. И все больше уступала сыновьей.

И вот все приготовления позади. Золотых и серебряных дел мастера отсыпаются после работы над сокровищами, которые герцог Валансский возьмет с собой в Париж. Римские лавочники избавлены от всех запасов лучшего шелка, парчи и бархата — Его Святейшество не пожалел денег для своего сына Чезаре; лошадиные подковы сделаны из чистого серебра, ослиные сбруи украшены золотом; нарядам и драгоценностям Чезаре нет равных во всей Италии. Даже самые интимные предметы туалета изысканны и пошиты по последнему слову парижской моды. Он едет ко двору французского короля и должен во всем превзойти любого французского принца. Должен стать лучшим из них.

В один из солнечных октябрьских дней Чезаре покинул Рим. В своем бархатном плаще и в шляпе с пером он и впрямь выглядел как настоящий принц. Из-под плаща выглядывал белоснежный расшитый золотом атласный камзол. На нем ослепительно сверкали бриллианты и рубины. Чезаре не хотел, чтобы ему напоминали о его кардинальском прошлом, и поэтому скрыл тонзуру под завитым париком, который очень молодил его — прохожие, разумеется, не могли разглядеть мелких красных пятнышек на его холеной коже, следы перенесенного французского недуга.

Он был уже не кардиналом Валенси, а герцогом де Валентинуа, и итальянцы звали его Валентино.

Папа и Лукреция стояли на балконе и смотрели вслед кавалькаде, удалявшейся по улице Лата. Отец и дочь, сейчас они крепко держались за руки. У обоих по щекам текли слезы.

— Не плачь, моя маленькая, — всхлипнул Александр. — Скоро он вернется к нам.

— Верю, отец, — ответила Лукреция.

— И привезет с собой невесту.

Александр всегда был оптимистом — вот и сейчас не представлял, что Чезаре может подвести отца. Но некоторые сомнения все-таки не давали ему покоя. Что если неаполитанский король откажется выдать дочь за его сына; что если они передоверились лукавому Луи; что если все короли Европы ополчатся на ублюдка Борджа, вздумавшего жениться на принцессе королевской крови? Ничего! Ничего страшного! Чезаре все равно вернется с победой, говорил себе Александр и улыбался сквозь слезы. Сверкавшая в солнечных лучах фигура уезжающего сына казалась Папе воплощением его самого, Родриго Борджа, каким он был сорок лет назад.

С отъездом Чезаре во дворце Санта Мария дель Портико воцарился мир, и молодая чета предавалась наслаждениям супружеской жизни. Альфонсо уже не помнил своих прежних страхов — возможно ли было возвращаться к ним, когда Папа во всем старался угодить ему, а Лукреция больше всех на свете любила мужа?

Все говорили о перемене в характере Лукреции. Она почти каждый день выезжала на охоту вместе с Альфонсо, по вечерам устраивала танцы и пышные застолья, которые доставляли столько удовольствия ее супругу, — постоянным участником всех этих развлечений был и Папа. Альфонсо не переставал удивляться его обходительности и благодушию, а тот пользовался любым удобным случаем, чтобы показать, какие теплые чувства питает к человеку, подарившему счастье его дочери.

Лукреция становилась законодательницей моды; женщины не только носили золотистые парики, имитировавшие ее волосы, но и копировали наряды, подражали манере одеваться. А сама она по-детски радовалась, проводя целые часы в римских галантерейных лавочках, а

потом объясняя портным, как нужно кроить купленные ткани. Ее видели то в зеленом, то в синем и розовом, то в черном и белом — и все платья подчеркивали красоту юной Борджа, превосходно шли ее матовой коже и бледно-голубым глазам.

Лукреция не уставала веселиться и радоваться жизни. Она как будто почувствовала прилив новых сил. Вопреки всем ожиданиям ее вновь переполняло счастье. Помногу дней подряд она даже не вспоминала о Педро Кальдесе, а когда вспоминала, то говорила себе, что их любовь была всего лишь минутной прихотью, которая все равно не выдержала бы таких суровых испытаний. Ее отец оказался прав — как всегда. Она могла выйти замуж только за благородного мужчину. За такого, как ее Альфонсо.

Эти безмятежные дни летели быстро. В декабре Лукреция узнала, что у нее будет ребенок. Вот когда она по-настоящему ликовала — и молилась о том, чтобы ее блаженство всегда было таким же совершенным.

Альфонсо трогательно заботился о ней. Она должна почаще отдыхать, говорил он. Ей нельзя забывать о том бесценном бремени, которое она носит.

— Дорогой мой, у нас еще есть немного времени, — пробовала возразить она.

— У нас появилось величайшее сокровище, и мы должны с самого начала оберегать его, — настаивал он.

Как-то раз они лежали в постели и гадали о том, кто у них родится — девочка или мальчик. Обоим хотелось мальчика.

— Ну конечно, у нас будет мальчик, — нежно поцеловав ее, сказал Альфонсо. — Кто же еще может родиться от счастливейшего брака на земле? Но если будет девочка и если она будет похожа на свою мать, то я все равно буду благодарен ей.

Потом они занимались любовью, а еще позже говорили о тех многих достоинствах, которые нашли друг в друге, и как счастливы были жить вдвоем.

— Как-нибудь я отвезу тебя в Неаполь, — сказал Альфонсо. — Ты ведь не против побыть вдали от Рима?

— Со мной будешь ты, — вздохнула Лукреция, — и там будет мой дом. Но...

Он ласково прикоснулся к ее щеке.

— Тебе не хочется надолго покидать твоего отца, — догадался он.

— Мы будем часто приезжать к нему. Может быть, и он навестит нас.

— Как любишь ты его! Порой мне кажется, что тебе он дороже всех на свете.

Лукреция ответила:

— Больше всех на свете я люблю тебя, моего супруга. А к отцу питаю другие чувства. Почитаю — как, может быть, почитают Бога. Он всегда был со мной, добрый и мудрый. Ах, Альфонсо, знал бы ты, сколько душевной щедрости он подарил мне! Нет, его я люблю не так, как тебя. Ты — часть меня... с тобой мне хорошо и спокойно. И ты превосходный любовник. Но он... он — наш святой отец, а я — его дочь. Пожалуйста, не сравнивай мою любовь к тебе и к нему. Позволь мне быть счастливой — с тобой и с ним.

Альфонсо внезапно вспомнился саркастический смех Чезаре. Он даже вздрогнул — от зловещего предчувствия, что тень этого человека будет всю жизнь преследовать его, омрачая самые счастливые моменты, оскверняя его чистую любовь.

Но он ни словом не упомянул о Чезаре.

Как и Лукреция, Альфонсо хотел наслаждаться их сегодняшним счастьем. Не заглядывать слишком далеко в будущее. Какой смысл задумываться над завтрашним днем, когда нынешний так неповторимо прекрасен? Кто же будет расстраивать себя мыслями о грядущих выюгах, пируя на душистой зеленой траве перед Колизеем? Ведь никто не станет портить чудесный летний вечер, говоря: «А вот через месяц-другой здесь будет вовсе не так хорошо».

Санча потеряла покой. Ей очень не хватало прежних бурных свиданий с Чезаре. Она уверяла себя в том, что ненавидит его, и со времени разлуки сменила множество любовников, но ни один из них по-настоящему не удовлетворял ее.

Она постоянно думала о том, как он живет во Франции, как ухаживает за Карлоттой, законной дочерью ее дяди; эти мысли причиняли невыносимую боль. Ее, которую обвиняли в колдовстве, удивляясь такой неслыханной власти над мужчинами, ее, которую еще не покидал ни один любовник, ее унизили, оскорбили бесцеремонно и открыто, потому что прежде все знали о намерении Чезаре жениться на ней.

И вот, со своим французским герцогством и своими французскими владениями, он возомнил себя слишком важной персоной для брака с незаконной принцессой — позарился на более выгодную партию.

Она могла сколько угодно кричать на служанок, а в полночь, запершись в своих покоях, вонзая острые иглы в восковую фигурку, хранившуюся в ее туалетном столике, — это ничего не меняло. Все равно по щекам текли слезы. Она знала, что никакой другой мужчина не способен так волновать ее.

На людях Санча пыталась казаться веселой, всеми силами старалась скрыть досаду, но при папском дворе было слишком хорошо известно, какие чувства она питала к Чезаре. А кроме того, за ней пристально следил один человек, собиравшийся использовать ее в своих политических интересах.

Этим человеком был кардинал Асканио Сфорца, брат миланского герцога Лудовико и кузен того самого Джованни Сфорца, с которым не так давно развелась Лукреция. Их семья и прежде не доверяла Александру, а теперь, когда Валентино намеревался жениться на принцессе Неаполитанской, французенке по материнской линии и воспитаннице французского двора, союз Франции и Ватикана казался почти очевидным. С другой сто-

роны, легко было предположить, что со смертью короля Карла французские территориальные претензии отнюдь не уменьшились и однажды французы снова вторгнутся на их землю. Если это случится, то Милан — права на который уже давно предъявлял дом Орлеана — станет первой целью нападения. В прошлом Лудовико уже лишали герцогства, и он вовсе не горел желанием вновь уступать кому-то свой титул. Вот почему всех членов семьи Сфорца так встревожил визит Чезаре Борджа во Францию, в гости к их заклтому врагу.

Считалось, что женщины имели большое влияние на Папу. Злые языки даже называли его самым похотливым мужчиной в Италии. Зная об этой слабости Александра, Асканио Сфорца решил в отсутствие Чезаре подобрать к Папе с помощью дамы, близкой к папскому двору.

Вот он и пригласил к себе Санчу, вскоре после чего получил возможность прощупать глубину ее озлобленности семейством Чезаре.

— Как я понимаю, — лукаво начал он, — ваш дядя ошеломлен той честью, которую собирается оказать ему Валентино!

Санча не смогла совладать с гневом.

— Честью! — воскликнула она. — Мой дядя вовек не уступит его смехотворным притязаниям! Чезаре может сколько угодно просить руки Карлотты — все равно не получит ее.

— У Борджа будут кое-какие аргументы в их пользу.

— До тех пор, пока не зайдет речь о замужестве с дочерью моего дяди.

— Но существует могущественный альянс — между Францией и Ватиканом.

Санча сверкнула глазами.

— Порочный альянс! — воскликнула она. — Не так давно французы разграбили половину Италии. Я очень хорошо помню, как они захватили Неаполь и отняли трон у моего отца. Он из-за этого лишился рассудка. А

нам пришлось скрываться на острове Иския. Странно, что Валентино решил подружиться с теми, кто причинил столько несчастья Италии.

— В самом деле, странно и подозрительно, — пробормотал Асканио. — Полагаю, люди, пострадавшие в те годы, должны всеми силами препятствовать укреплению этого союза. Вы согласны?

— Всей душой.

— Герцог Миланский очень тревожится за свое будущее.

— Еще бы! У него есть все основания для беспокойства.

— Неаполитанское королевство тоже пострадало от французов.

Санча кивнула.

— Неаполь и Милан в прошлом враждовали, — сказал Асканио. — Но перед лицом общей опасности наши старые разногласия должны быть забыты.

Санча снова кивнула. Ей уже давно хотелось занять себя какой-нибудь интригой, а эта интрига была направлена против ее неверного любовника. Она воспрянула духом. Разумеется, для падения Чезаре Борджа брат миланского герцога мог сделать больше, чем те заклинания, которые Санча шептала, вонзая острые иглы в восковую фигурку на ее туалетном столике.

Впрочем, к Асканио Сфорца у нее был и другой интерес.

Теперь у Лукреции и Альфонсо появился свой небольшой двор, и в покоях дворца Санта Мария дель Портико с утра до вечера не утихало веселье. Зная об артистических пристрастиях молодых супругов, здесь собирался весь интеллектуальный цвет римского общества.

Однажды в их салон Санча привела кардинала Асканио Сфорца.

Увидев их вдвоем, Лукреция удивилась — вражда между Миланом и Неаполем все еще продолжалась. Тем не менее она радушно приняла обоих. А пока юная Борджа

развлекала кардинала игрой на лютне, Альфонсо взял сестру под руку и спросил, что ее заставило привести с собой такого человека, как Асканио Сфорца, — не только члена семьи, враждующей с арагонцами, но и близкого родственника первого супруга Лукреции, еще недавно распускавшего грязные сплетни о ней.

Санча обворожительно улыбнулась.

— Альфонсо, — сказала она, — ты любишь Лукрецию, а Лукреция любит тебя. Вдвоем вы счастливы. Но неужели ты забыл те чувства, с которыми приехал в Рим?

— Тогда я еще не знал Лукреции.

— Вспомни, Альфонсо! Ты ведь боялся не только ее.

— Его Святейшество стал моим другом, а Чезаре больше здесь нет.

— Ах, братец мой! Настроение Папы переменчиво, а Чезаре не будет вечно оставаться во Франции! Он хочет добиться руки моей кузины Карлотты. Если это ему удастся, он вернется в Италию.

Альфонсо нетерпеливо покачал головой. Ему хотелось наслаждаться своим счастьем, а мысль о возвращении Чезаре могла испортить не только сегодняшний, но и завтрашний день.

— Ему не позволят жениться на Карлотте.

— Разумеется! — воскликнула Санча. — Но тогда может случиться, что он приведет с собой французов. Альфонсо, ты еще не забыл наше бегство на остров Иския? А помнишь, как вернулись в Неаполь? Помнишь, что мы там увидели, что слышали собственными ушами?.. Если придут французы, все это повторится!.. Только теперь с ними будет маршировать Чезаре Борджа, их верный союзник!

— Борджа... будет воевать против Неаполя?

— Против Неаполя, против Милана и против всей Италии. Это семья коварных изменников, а Чезаре не очень-то дружелюбен к тебе, Альфонсо.

— Ох, лучше не вспоминай о нем. Может быть, во

Франции с ним произойдет какой-нибудь несчастный случай. Вряд ли французы полюбят его.

— Альфонсо, не будь ребенком. Посмотри правде в глаза. Мы должны защищаться. Сплотить Неаполь, Милан... все города, в которых сможем найти поддержку. Вот почему Асканио Сфорца пришел в твои покои. Он наш новый друг, а будут и другие. Ты станешь назначать им встречи. Пока остальные будут танцевать, петь, слушать музыку или читать стихи, мы начнем собирать всех наших друзей и готовиться к тому, чтобы в нужное время разрушить союз Ватикана и Франции.

— Политика, — поморщился Альфонсо. — Не люблю политику. К чему все эти разговоры о войне и насилии, когда есть поэзия, музыка... любовь, наконец.

— Боже, какой идиот! — взорвалась Санча. — Если ты желаешь по-прежнему наслаждаться жизнью, то тем более — учись защищать ее!

Альфонсо нахмурился. Он не хотел думать о неприятном, а слова Санчи возвращали его к страхам, пережитым по дороге в Рим.

— Как ты полагаешь, что скажет Папа, когда узнает об этих собраниях в нашей гостиной?

— А почему он должен узнать о них?

— Потому что он часто бывает здесь и слышит, о чем разговаривают гости.

— Мы не настолько глупы, чтобы в его присутствии обсуждать наши проблемы.

— Все равно, ему донесут.

— Не думаю. Мы не станем доверять наши секреты тем, кто не окажется среди нас. Кстати, нам нужно будет остерегаться Лукреции. Она всегда останется лояльной по отношению к своему отцу и брату. В их семье все преданы друг другу.

— Но это ее дворец. А я ее супруг. Как ты можешь требовать, чтобы я держал секреты от нее?

— Глупец! Очнись от своих любовных грез, пока у тебя не отняли ее. И не ее одну, не только Лукрецию! Как ты

считаешь, что с тобой произойдет, если французы начнут новое вторжение, а Папа будет на их стороне? Едва ли он заявит, что брак его дочери снова оказался неполноценным. Слишком уж очевидно, как ты проводил все эти ночи. Нет, братец мой, развод тебя не спасет.

Альфонсо задрожал; прежние страхи оживали в нем. После свадьбы его еще долго преследовали ночные кошмары — тогда он просыпался в холодном поту и, прижимаясь к Лукреции, просил поговорить с ним. Ему снилось, что обнаженный меч, который держали над ними во время свадебного ритуала, медленно опускался на его голову; что человеком, сжимавшим этот меч, был Чезаре; что Папа смотрел во все со стороны и благодушно улыбался, а Чезаре воспринимал его улыбку как приказ убить их зятя.

Санча возвращала ему ужас перед семьей Борджа.

— Альфонсо, дорогой мой брат, у нас еще есть время, чтобы кое-что предпринять. Если мы объединимся, то сможем победить французов. В прошлый раз они напали на нас только потому, что Италия была разрознена междоусобицами. Теперь мы не станем повторять прежних ошибок. Мы сплотимся и, что бы ни случилось между Францией и Римом, будем держаться друг друга. Наши шпионы в Ватикане будут сообщать нам обо всем, что там происходит. А уж вместе-то Милан и Неаполь непременно выстоят против альянса, который в Париже подготавливает Чезаре Борджа, желающий взамен получить французские земли и нашу кузину Карлотту.

— Но от меня-то что требуется? — в отчаянии спросил Альфонсо.

— Только одно — быть с нами. И поговорить с Лукрецией. Разумеется, так, чтобы она не догадалась о наших планах. Пусть твоя супруга попросит кое-какие привилегии у Его Святейшества. Он ведь ей ни в чем не отказывает, не так ли?

Альфонсо заморгал, и Санча рассмеялась.

— Ах, да не падай ты духом, Альфонсо! Право, жизнь

прекрасна и удивительна. Вот только не забывай, что она может очень быстро перемениться. Наша задача — не допустить этого. Мы должны сохранить то, что имеем. Полагаю, ты согласен со мной?

Альфонсо кивнул.

Его позвала Лукреция. Она хотела, чтобы он спел под ее аккомпанемент на лютне. Альфонсо подошел к ней с беззаботной улыбкой, и Санча осталась довольна тем, как ее брат умел скрывать свои чувства.

Он же отдал должное справедливости ее слов, а потому вскоре приступил к действиям; в последовавшие недели ему удалось незаметно убедить Лукрецию в непричастности Асканио Сфорца к клевете, которую распространял родственник кардинала. Поговорил он и о желательности добрых отношений между Неаполем и Миланом — городов, способных лишь сообща выстоять против возможного французского нападения.

— Никакого французского нападения не будет, — уверенно сказала Лукреция. — Ведь мой брат Чезаре стал другом французского короля, и во Францию он поехал как раз для того, чтобы предотвратить подобное бедствие.

Тогда Альфонсо повторил то, что ему на ухо шепнул Асканио.

Чезаре уже довольно долго гостил во Франции, а никакие известия о его браке все еще не поступили. Разумеется, о таких вещах лучше не говорить Его Святейшеству — всем известно, как он благоговеет перед сыном, — но не могло ли случиться так, что коварный король Франции посчитал Чезаре своим врагом и, не переставая воздавать ему всевозможные почести, в то же время удерживал его в качестве заложника?

Лукреция не на шутку встревожилась, а Альфонсо почувствовал растущее негодование — на ее всепоглощающую озабоченность делами семьи.

Теперь она только и будет думать, что о Чезаре да о том, что ее брата против воли не выпускают из Франции. Совсем забудет об их любви и страсти.

Когда же тень Чезаре перестанет омрачать его супружескую жизнь?

Свадебные торжества были в разгаре. Во главе стола, накрытого в огромной зале дворца, восседал король Франции — довольный сознанием того, что самая желанная из всех женщин наконец-то стала его супругой. Рядом с ним сидела королева Анна, молодая и прекрасная, и тоже сиявшая от удовольствия.

Вдова скончавшегося короля Карла, прежде она не проявляла большого желания вступить в брак с его преемником; однако все понимали, какие приятные чувства ей предстояло испытать, вновь очутившись на французском троне.

Она была богатой женщиной, и кое-кто мог сказать, что Луи позарился на ее британские владения. К счастью, обильные урожаем земли туманного Альбиона не были пределом его мечтаний. Взять хотя бы блаженную горбунью Жанну. Та оказалась не только безнадежно глупой, но и — непростительный грех для особы королевской крови — бесплодной супругой.

Анна сознавала свои достоинства и гордилась ими. Ей было двадцать три года — возраст, позволяющий подарить королю сына, в котором тот так нуждался. Ведь Луи в свои тридцать семь лет еще мог иметь детей.

Среди ее гостей был человек, известный во Франции как герцог де Валентинуа. Он казался странным, опасным мужчиной, этот новоиспеченный герцог; может быть, потому-то Луи и решил остерегаться его. Луи всегда был так осмотрителен; придворные зачастую подтрунивали над тем, что называли его скупостью, но даже самые язвительные насмешки приближенных Луи предпочитал слезам остальных подданных, которых опасался разорять своими прихотями. Вот и сейчас — на собственной свадьбе! — он едва ли выглядел как подобает королю. И самый богатый, самый изысканный и пышный наряд был у герцога де Валентинуа.

С этим вечером Чезаре связывал немало надежд, особенно актуальных с тех пор, как начал понимать, какую позицию по отношению к нему заняли французы. Карлотта тоже была на балу, и Чезаре, поднимая глаза, всякий раз видел ее — юную, прелестную, чем-то похожую на Санчу. Воспитанная при дворе Анны Британской, она на взгляд Чезаре казалась чересчур благой, но тем самым лишь сильнее интриговала его. Он не испытывал больших сомнений в том, что при первом же удобном случае сможет пристроить эту девушку возле своих ног. А потом — жениться на ней, какие бы препятствия ни возникли.

Чезаре не доверял французам. Они были слишком умны, коварны, а с другой стороны, слишком непривычной оказалась жизнь среди людей, которые не трепетали от страха перед ним. В Марселе, едва сойдя с палубы корабля, он понял, что очутился в стране, где герб с изображением пасущегося быка, увы, никого не повергал в ужас. Его дурная слава всюду летела впереди него; этот народ знал его как убийцу и человека с определенными политическими амбициями — знал, но не боялся.

Сейчас, разглядывая жалкого, потрепанного короля французов, он вновь вспоминал свою первую поездку по их земле. Его лошади гордо цокали серебряными подковами, многочисленная пышная свита держалась важно, с достоинством, а на нем самом был ослепительно роскошный наряд — бархат и атлас, сплошь усыпанные драгоценными камнями, каждый из которых стоил целого состояния. Более того, с собой он вез буллу о разводе, бесценный дар Его Святейшества. Нет, не дар, а величайшее одолжение, за которое Луи должен был заплатить сторицей.

Однако лишь самый простой люд выходил из домов и лачужек, чтобы посмотреть на него и его великолепный кортеж. Выходил, и... Чезаре видел их насмешливые взгляды, слышал, как они бросали ему в спину:

— Столько добра, и все для какого-то ублюдка!

— Вот куда уходят денежки, которые мы платим нашим священникам! Видать, папские индульгенции кое-кому идут на пользу!

— По сравнению с ним наш славный король выглядит как нищий! А ведь этот хлыщ — всего лишь герцог Валанса!

Они были настроены враждебно. Если он хотел произвести впечатление на французов, ему бы следовало повести себя скромнее.

Чезаре чувствовал, что они и теперь смеются над ним, что поношенный плащ и замусоленную шляпу Луи надел только для того, чтобы обратить всеобщее внимание на дурной вкус этого выскочки, кичащегося герцогским титулом и забывшего о своем незавидном рождении. Чезаре был среди чужих, и ему давали это почувствовать.

Он отчетливо помнил свою первую встречу с королем, который в то время отдыхал в Амбуа. Луи не был бы самим собой, если бы упрекнул его за неуместную пышность наряда или показал, что заметил великолепные бриллиантовые украшения на атласном камзоле своего гостя; вместо этого он сказал, что Карлотта Неаполитанская находится при дворе Анны Британской и что только от будущей королевы Франции зависит, когда они встретятся.

Чезаре заподозрил ловушку и не стал вручать буллу о расторжении брака.

Разве у них не было деловой договоренности? Разве папская булла не стоила французских владений, титула и супружества с неаполитанской принцессой?

Не совсем так, поправил Луи. Он был человеком слова — как же мог он заключать сделку, рассчитывая на то, что ему не принадлежит? Чезаре получил все обещанное. У него есть и поместье, и титул, и свобода добиваться руки Карлотты. Луи расплатился сполна. Следовательно, он вправе требовать буллу о разводе.

Вот когда Чезаре начал уважать этот народ и осознавать необходимость умерить свои запросы. Ему не оставалось ничего иного, как только вручить королю папскую буллу. Завладев желаемым, Луи обрадовался и тотчас стал готовиться к свадьбе. Своему гостю он милостиво разрешил устроиться при дворе.

Однако шли месяцы, а счастливый случай все не представлялся. Анна Британская ничего не обещала. Судя по ее словам, она и не очень-то нуждалась в замужестве. Это король так пылко ухаживал за ней.

Чезаре уже не раз слышал насмешки в свой адрес. Догадывался, о чем поговаривали в Риме. Представлял, какие эпиграммы пишут на стенах те недоброжелатели, которые не так давно боялись даже упоминать его имя. И знал, что любой ценой должен добиться свидания с этой девушкой.

Сейчас Карлотта изредка посматривала на него. Он улыбался ей, пускал в ход все свое обаяние, такое неотразимое для итальянок.

Она опускала глаза, притворяясь сосредоточенной на пище и на разговоре со своим соседом. Как вызывающе повели себя король и королева, посадившие ее рядом с этим мужчиной! Да кто он такой? Кто он, неизвестный ему блондин с бледным холеным лицом? (Чезаре теперь всегда обращал внимание на чужую кожу — помнил о своей, безнадежно испорченной перенесенной болезнью.)

Он обратился к французу, сидевшему справа от него:

— Кто этот мужчина, что сейчас разговаривает с госпожой Карлоттой?

Тот пожал плечами.

— Кажется, какой-то бретонский барон.

Невелика птица, подумал Чезаре. Стало быть, не соперник.

Когда застолье окончилось и начались танцы, ему показалось, что королева вспомнила о своих обязательствах, — она позвала и усадила рядом с собой Карлотту, а потом взглядом поманила герцога де Валентинуа.

Чезаре прикоснулся губами к руке Карлотты. Затем поднял глаза. Они бы испугали девушку, если бы та не находилась в людном бальном зале и не чувствовала поддержку королевы.

— Ваше Величество! Вы позволите нам потанцевать?

Анна ответила:

— С согласия вашей дамы, дорогой герцог.

Чезаре взял Карлотту за руку и чуть ли не силком поставил на ноги. А девушка и не сопротивлялась, изумленная такими манерами; Чезаре явно не знал этикета французского двора. Ну да ладно. Она потанцует с ним. Но даже под страхом смерти не выйдет за него замуж.

Партнером он был превосходным; ей пришлось это признать.

Он сказал:

— Не люблю французские танцы. Как вы полагаете, неужели они могут сравниться с нашими итальянскими — или испанскими?

— С вашими итальянскими! И с вашими испанскими! — ответила она. — Я провела достаточно времени во Франции, чтобы говорить — мои французские танцы.

— А вам не кажется, что вам уже давно пора возвращаться на родину?

— Мне и здесь хорошо. Королева добра ко мне, я очень люблю ее. Нет, мне бы не хотелось оставлять службу при французском дворе.

— Карлотта, вам не хватает романтики.

— Возможно, — сказала она.

— Но вы и не представляете, как много теряете при этом! Жизнь полна наслаждений — нужно только посмотреть вокруг.

— Я имею так много, что не желаю ничего иного.

— Но вы так молоды! Что вы знаете о тех радостях и захватывающих приключениях, которые таит в себе наша жизнь?

— Вы имеете в виду те радости, которым предавались вместе с моей кузиной?

- Вам уже рассказали обо мне?
- Ваша слава гремит по Франции, дорогой герцог.
- Зовите меня Чезаре.

Она не ответила — сосредоточилась на сложных танцевальных па.

— Вы ведь знаете, что привело меня сюда.

— О да. Вы приехали, чтобы собрать кое-какие долги — плату за развод короля.

— Ах, как это по-французски! То соблюдение всех мелочей этикета, то порыв чувств, почти страсть! При-знаюсь, это сочетание меня пленяет. Я очарован вами, мадам Карлотта.

— Значит, не обидитесь на мою искренность. Я знаю о ваших намерениях по отношению ко мне.

— Прекрасно! Мы сможем обойтись без слишком долгих ухаживаний!

— Дорогой герцог, от моего отца я еще не получала разрешения смотреть на вас как на своего ухажера.

— Ну что ж, скоро получите.

— Боюсь, вы ошибаетесь.

— Вы меня не знаете. Я не отступаю перед препятствиями.

— Мой дорогой герцог, неужели какой-то документ о законном рождении для вас важнее, чем человеческие чувства, наслаждаться которыми вы только что призывали меня? Разве вы не знаете, что моя кузина Санча испытывает к вам гораздо большее влечение, нежели законнорожденная дочь ее дяди?

Чезаре побагровел. Эта девица, при всей ее целомудренности, была остра на язык, а он не имел ни малейшей склонности затягивать ухаживания. И так уже его выставили на посмешище — положение, которое ему казалось невыносимым, — как во Франции, так и в Италии.

— Законное рождение бесполезно для того, у кого нет никаких других достоинств, — процедил он.

— А вы, дорогой герцог, надо полагать, с лихвой наделены этими достоинствами?

Он сжал ее руку, и она вздрогнула.

— В полной мере, — прошипел он. — Скоро вы это поймете.

Он отпустил ее руку, и она пробормотала:

— У вас очень рассерженный вид, синьор герцог. Пожалуйста, не хмурьтесь. А то другие подумают, что вы недовольны вашей партнершей. Если это так, то, прошу вас, отведите меня к королеве.

— Вы еще побудете с вашей госпожой. Но только не сейчас. Я слишком долго ждал возможности поговорить с вами.

— В таком случае — говорите. Прошу вас.

— Я приехал во Францию, чтобы сделать вас своей супругой.

— Вы забываете, дорогой герцог, что я — неаполитанская принцесса и что вам не следует разговаривать со мной в таком тоне, не заручившись сначала согласием моего отца.

— Такова воля Его Святейшества.

— Вы меня не так поняли — не святого отца. Я имела в виду своего отца, короля Неаполя.

— Он знает — Папе угоден наш брак.

— И тем не менее, монсеньор, от своего отца я не получала никаких указаний о том, что могу выслушать вас.

— Вы получите все надлежащие указания.

— Дорогой герцог, вы, надеюсь, понимаете, что как послушная дочь я должна подождать их.

— Я вижу, вы дама с характером. И полагаю, можете принимать самостоятельные решения.

— Вы правы. Одно из таких решений — ждать распоряжений моего отца. По-моему, королева делает мне знаки вернуться к ней. Вы отведете меня на место?

— Нет, — сказал Чезаре.

Она молча высвободилась, повернулась и не спеша пошла к королеве.

Несколько секунд Чезаре смотрел ей вслед. Потом

заметил обращенные на него удивленные взгляды и отошел в сторону. Он скрежетал зубами от ярости. Карлотта не удостоила его и половиной того внимания, какое уделяла ничтожному бретонскому барону.

Король вызвал Чезаре к себе. Проницательные глаза Луи скользнули по его изысканному камзолу, по драгоценным камням, сверкавшим на руках и шее. Чезаре с трудом подавил в себе раздражение, которое обычно чувствовал в присутствии короля Франции. Эта бесстрастность уязвляла его больше, чем откровенные насмешки. Чезаре казалось, что своим нарочито невыразительным взглядом Луи хотел сказать: «Мы понимаем, почему вы носите столько украшений, мой незаконнорожденный герцог. Вся эта сверкающая мишура должна отвлекать наше внимание от самих вас — ублюдка, недавно избавившегося от кардинальской мантии».

Во Франции Чезаре приходилось учиться выдержке, что было нелегко для человека с его темпераментом.

Он опустился на колени перед королем и на какое-то время вообразил коварную улыбку Луи, который дольше положенного задержал его в таком положении.

Наконец ему было разрешено встать. Затем Луи сказал:

— Мой дорогой герцог, я получил одно не очень хорошее известие и глубоко сожалею о том, что именно мне предстоит сообщить его вам.

Эти слова Луи произнес с сочувственным видом, но Чезаре не мог избавиться от мысли, что под маской соболезнования таилось злорадование.

— Это известие из Неаполя, — продолжил он. — Федерико решительно возражает против вашего брака с его дочерью.

— Ах вот как, сир? — спросил Чезаре таким тоном, что у монарха поднялись брови.

Наступила тишина, затем Чезаре добавил:

— Прошу Ваше Величество сказать мне, на каком основании король Неаполя отказывается выдать за меня свою дочь.

— На основании вашего рождения.

— Моего рождения! Я сын Папы Римского!

Луи чуть заметно улыбнулся.

— Мой дорогой герцог, существует печальное, но логичное положение, согласно которому у Папы должны быть только законнорожденные дети.

Чезаре сжал правую руку в кулак и с силой ударил им по левой ладони. Он едва удержался от того, чтобы не схватить этого человека за плечи и не встряхнуть его — пусть даже тот был королем Франции.

— Это глупо! — воскликнул он.

Король грустно кивнул.

— И я не сомневаюсь, — продолжил Чезаре, — что ради выполнения обещаний, данных моему отцу, Ваше Величество сможет пренебречь возражениями какого-то мелкого монарха.

— Милейший, не забывайте — я выполнил свою часть нашего уговора. Я дал вам поместье, титул и свое согласие на то, чтобы вы ухаживали за вашей дамой. Остальное не в моей власти. Ну, посудите сами, не могу же я заменить отца девушки, когда жив ее родитель!

— Сир, если мы женимся здесь, то он просто-напросто встанет перед свершившимся фактом.

Луи позволил себе изобразить на лице выражение крайнего изумления.

— Вы просите меня встать между дочерью и ее отцом? О нет, этого я не мог бы сделать даже ради моих друзей. Более того, я получил возражения от всех государств Европы. Вот, например, письмо от моего брата, английского короля Генриха Восьмого. Он пишет, что глубоко потрясен возможностью смешения убудочной и королевской крови; в частности — тем, что сын Его Святейшества может жениться на законнорожденной дочери какого-либо короля. — Луи улыбнулся. — Полагаю, наш брат в не меньшей степени потрясен тем, что у Его Святейшества вообще может быть какой-то сын — но это даже вне всякого разговора.

— А сам-то он, Тюдор! — не совладав со своей яростью, закричал Чезаре. — Давно ли Тюдоры так уверены в их собственной легитимности?

У короля снова поднялись брови, а выражение глаз стало таким холодным, что Чезаре мгновенно представил себя заложником в стране, воюющей против Италии.

— Я не могу обсуждать с вами дела моего брата, — ледяным голосом сказал он и махнул рукой — показывая, что аудиенция закончена.

Чезаре быстрыми шагами вышел из королевских покоев. Слуги, поджидавшие снаружи, на почтительном расстоянии последовали за ним. Он оглянулся на них. Догадывались ли они о его унижении?

Внезапно у него появилось желание схватить одного из них за ухо, затащить в свои апартаменты и приказать отрезать ему язык. Ему и всем остальным. Никто в Риме не должен узнать о том, что он вытерпел во Франции. Сначала — насмешки какой-то спесивой девчонки. Теперь — прием у короля, где его вообще не считали за человека, имеющего какое-либо право на рождение! А что сегодня делает король, то завтра будут повторять его приспешники.

Но осторожность все-таки возобладала. Всего несколько мгновений назад он осознал, в каком положении оказался. Что если бросить все и немедленно покинуть Францию? Позволят ли ему уехать? Мог ли он жениться на Карлотте, когда, казалось, вся Франция и вся Европа ополчились против него? И мог ли он вернуться в Италию, где все будут смеяться над ним?

Нет, ему не следовало позволять себе то, что было привычно в Италии.

Тем не менее он запомнил лицо слуги, которого — померещилось ли ему? — забавляло унижение его господина.

Понемногу готовясь к родам, Лукреция будто и впрямь чувствовала, что наступило самое счастливое время в

ее жизни. Она отказывалась оглядываться назад; не желала и смотреть в будущее. Настоящее было наградой за все — за пережитое в прошлом и за все, что могло когда-либо произойти.

Ее любовь к супругу, казалось, крепла с каждым днем. Папа, восхищавшийся их преданностью друг другу, не устал повторять, что и сам чувствует растущую привязанность к своему зятю.

В покоях дворца Санта Мария дель Портико по-прежнему встречались литераторы и кардиналы; вокруг тех и других постепенно сгущалась атмосфера политической напряженности. Вскоре образовалась антипапская, антифранцузская, партия, а поскольку ее собрания проходили в апартаментах Лукреции, то со стороны Альфонсо выглядел одним из ее лидеров.

Однако сам он, как и Лукреция, быстро уставал от политики. Ему едва исполнилось восемнадцать лет, и в жизни существовало множество вещей, гораздо более интересных, чем какие-то интриги. Порой его раздражали такие люди, как Асканио Сфорца, который с неутомимым постоянством — или так казалось ему? — следил за поведением гостей, по-своему толковал их слова, искал скрытые колкости, намеки. К чему все это? Жизнь прекрасна. Вот и наслаждайся ею. Таков был девиз Альфонсо.

Папа был обходителен и заботлив. Никто больше, чем он, не радовался беременности Лукреции, и Альфонсо изумлялся той разительной перемене, которая всякий раз происходила с этим великим, всемогущим человеком, когда рядом с ним оказывалась его любимая дочь. Гуляя с супругами в садах Ватикана, он высказывал свои мысли о будущем их ребенка. Мягкие, напевные интонации его голоса так завораживали Альфонсо, что тот почти видел прелестного золотоволосого мальчика, играющего — ах, как быстро летит время! — в этих садах и парках.

Казалось невероятным, что у такого человека могут

быть враги; Альфонсо был совершенно счастлив и не вспоминал о Чезаре.

Однажды Папа сказал ему:

— Дорогой зять, у меня есть к вам небольшое предложение. Давайте-ка мы с вами возьмем двоих моих кардиналов и отправимся на охоту в Остию. В тамошних лесах полным-полно дичи, и вы, надеюсь, не пожалеете о проведенном времени. — Он улыбнулся, увидев удивленное лицо Альфонсо. — Что касается Лукреции, то ей лучше остаться здесь и немного отдохнуть. В последние дни она выглядит усталой, а мы должны думать о ребенке. Кроме того, у вас будет хороший стимул побыстрее набить ягдташ и вернуться к вашей любимой супруге. О! Я представляю, как вы обрадуетесь, встретившись с ней!

Лукреция посоветовала ему ехать и ни о чем не беспокоиться; она знала, как он обожал охоту, а его отсутствие не могло затянуться больше, чем на несколько дней. Поэтому Альфонсо пустился в путь, составив компанию Папе и кардиналам Борджа и Лопесу. Тогда-то, в лесах Остии, ему довелось убедиться в том, что его тесть ко всему прочему был и превосходным охотником. Право, он начинал верить в слухи о сверхъестественных силах, владевших Папой Римским Александром Четвертым! Вот только силы эти были не от дьявола, нет — от Бога.

А затем настал тот незабываемый день, когда Альфонсо со сладко замирающим сердцем вернулся в Рим, проехал по широким улицам и наконец, жмурясь от яркого февральского солнца, увидел Лукрецию, поджидавшую его на балконе дворца.

Золотоволосая и стройная — всего только на третьем месяце беременности, — она легко сбежала по лестнице и, не в силах сдержать чувств, бросилась ему на шею. Альфонсо нежно обнял ее, потом со слезами на глазах воскликнул:

— Ах, как я счастлив... как счастлив быть дома!

Он и сам удивился тому, что теперь называл своим домом этот город, жизнь в котором еще не так давно представлял себе с ужасом и отвращением.

Когда они остались вдвоем, она сказала, что очень скучала по нему. Скучала и никак не могла дождаться его возвращения.

— Ты когда-нибудь думала, что будешь так счастлива, как сейчас? — спросил Альфонсо.

— Нет, — ответила она. — И даже не представляла, что на свете бывает такое счастье.

Это была правда. Во время свиданий с Педро Кальдесом она знала, что никогда не будет так безмятежно наслаждаться встречами с ним. Они мечтали о небольшом домике под Римом, где могли бы жить вместе. Но в таком случае ей пришлось бы навсегда расстаться с отцом, любовь которого слишком много значила для нее. А сейчас она не теряла ничего из того, чем так безумно дорожила. Ее счастье было полным. Ей казалось, что когда родится ребенок, она забудет о своем первенце, потеря которого причинила ей столько боли.

Она сказала Альфонсо:

— Да, со мной такое впервые, но я думаю, что буду еще счастливей, когда смогу прижать к себе нашего ребенка.

Они лежали, держась за руки. А когда заснули, то и во сне не разнимали рук.

Следующий день разрушил все их планы.

Утром к Лукреции пришла Санча.

— Погода обещает быть чудесной, — сказала она. — Значит, пора готовиться к поездке в виноградники кардинала Лопеса.

Лукреция вспомнила. Вчера вечером кардинал пригласил обеих дам к себе, и они с радостью согласились навестить его угождая.

— А что, — с улыбкой добавила Санча, — беременность тебе к лицу! Ты выглядишь даже лучше, чем несколько месяцев назад.

— Это мне счастье к лицу, дорогая сестра, — ответила Лукреция.

— И ты не разочарована в моем брате? — спросила Санча.

— Ты же знаешь о моих чувствах к нему.

— Заботься о нем, Лукреция. Заботься, когда вернется Чезаре.

— У тебя есть новости от него?

— Я знаю, что он собирается жениться на Карлотте, но это мне было известно еще до его отъезда.

Лукреция грустно улыбнулась. Она понимала ревность Санчи и сочувствовала ее несчастью.

Санча со злостью добавила:

— Он уехал в октябре. Сейчас уже февраль. И все еще нет никаких известий о его браке. Говорю тебе, Лукреция: вашего брата держат там в качестве заложника. Фигурально выражаясь, его заковали в золотые, но — цепи. Почему Чезаре до сих пор не женился? Потому что король Франции не желает отпускать его обратно на родину!

— Ты хочешь сказать, что он так привязался к Чезаре. Санча рассмеялась.

— Видимо, ты полагаешь, что весь мир разделяет твою любовь к нему? Вынуждена тебя разочаровать — ты ошибаешься! Король Франции намеревается не сегодня-завтра напасть на Италию, а поскольку любимый сын Папы Римского находится у него в руках, то он может быть уверен в том, что Папа не станет препятствовать его планам.

— Ты серьезно? Чезаре... заложник?

— А почему бы и нет? Вспомни, ему ведь это не впервой. Правда, в прошлый раз он сумел сбежать, но, думаю, то геройство теперь ему выйдет боком. Французы редко забывают унижения, которым иные смельчаки решаются подвергать их.

— Санча! Ты хочешь сказать, что Чезаре в опасности?

— Пожалуй, да. Но только не в той, которой ты так

боишься. Я не сомневаюсь, о себе-то он сможет позаботиться. А вот жениться на Карлотте... Едва ли ему это удастся. — Санча пожала плечами. — Ладно! Какую шляпку ты выбираешь?

Лукреция постаралась сосредоточить внимание на шляпках. Ей не хотелось думать о том, что Чезаре находится в какой-либо опасности — не важно, в какой именно. Если он не добьется руки Карлотты, то найдет другую невесту. Так или иначе, скоро ее брат вернется домой. Поэтому она не будет омрачать своего счастья, напрасно переживая за него.

Поместье кардинала Лопеса, освещенное яркими лучами февральского солнца, было не по-зимнему живописно. Лукреция решила веселиться, как все прошлые месяцы. Она желала прогнать от себя тяжелые мысли, которые пробудила в ней Санча.

Кардинал Лопес и его прислуга устроили для гостей настоящее пиршество. Встав из-за стола, они пошли на скачки, которые к их приезду устроил кардинал. Затем стали играть на свежем воздухе. Было много смеха, но Лукреция все-таки не могла избавиться от какого-то смутного беспокойства. Ей не терпелось поскорей увидеться с Альфонсо — он наверняка рассеет ее тревогу, а отец... нет, отцу лучше не досаждать этими надуманными страхами.

Они уже шли обратно. Желая побыстрее вернуться к Альфонсо, Лукреция побежала вниз по склону холма, у подножья которого находилась конюшня кардинала. По пути она оглянулась и крикнула:

— Эй, поторапливайтесь! Давайте бежать наперегонки!

Бернардина, шедшая следом, сначала завизжала от радости, а потом, схватив Франческу за платье, закричала:

— Вперед! Ну-ка, кто будет первой?

— Только не ты! — засмеялась Лукреция и пустилась весь дух.

Она была впереди всех и уже подбегала к конюшне, когда вдруг споткнулась о камень и упала. К несчастью, Бернардина бежала всего лишь в двух шагах позади, а потому не успела отскочить и упала на нее. Франческа навалилась сверху. Несколько секунд обе лежали на Лукреции и со смехом пытались встать на ноги. Наконец это им удалось, и они, продолжая смеяться, пошли дальше. Затем внезапно остановились и посмотрели назад. Лукреция лежала неподвижно — в том же самом положении, в каком упала.

Папа сидел у постели дочери. Ее привезли во дворец и тотчас сообщили о несчастном случае в Ватикан. К моменту появления Папы здесь уже собрались лучшие лекари Рима. Они опасались, что последствия могли быть серьезными. Лукреция лежала бледная и неподвижная. Она потеряла ребенка.

Открыв глаза и увидев своего отца, она сразу все поняла. Александр был бледен как полотно.

— Дорогой отец... — начала она.

Он тотчас нагнулся к ней. Сейчас она нуждалась в его утешениях.

— Дочь моя, ты поправишься, — прошептал он. — Непременно поправишься.

У нее задрожали губы.

— Мой ребенок.

— Ох, но ведь это несчастный случай. Вы с Альфонсо любите друг друга, и у вас будет еще много детей. А что касается этого... мы даже не знаем, был ли это мальчик.

— Мальчик или девочка — все равно я любила его.

— Мы все любили его. Увы, ему не было суждено появиться на свет. — Папа тяжело вздохнул. — Ах, дочь моя, главное — ты спасена. Я благодарю всех святых за эту их милость. Да как же мне убиваться из-за нерожденного внука, когда у меня осталась любимая дочь? Лукреция, ты не знаешь, сколько ужасов я пере-

жил, услышав о твоём несчастном случае! Я молился за твою жизнь, как еще никогда и ни за что не молился!.. И вот, мои молитвы услышаны. Моя возлюбленная дочь спасена. А ребенок... Говорю тебе, у вас еще будут дети.

— Отец, — сказала она, — побудьте со мной. Пожалуйста, никуда не уходите.

Он улыбнулся и кивнул.

Она откинулась на подушки и постаралась думать о детях, которые будут у нее и Альфонсо; когда у них появится ребенок, живой ребенок, она перестанет убиваться из-за этого, неродившегося; ей нужно смотреть в будущее; она должна забыть о тех страхах, которые пробудила в ней Санча.

А между тем во Франции Чезаре все еще ничего не добился. Он уже жалел о том, что пустился в эту авантюру. Впервые в жизни ему пришлось испытать такие унижения. Карлотта Неаполитанская ненавидела его. Своим друзьям она заявила, что и под угрозой смерти не станет супругой Борджа, который ко всем ее титулам может прибавить только прозвище «Мадам Кардинальша». Разумеется, друзья Карлотты позаботились о том, чтобы эти слова достигли его ушей.

Правда, при встречах она напускала на себя простодушный вид и говорила, что он не должен винить ее за свой неуспех при дворе. Ей, мол, просто нельзя не слушаться своего отца, упрямство которого одобряют все короли Европы — кроме короля Франции, конечно же.

Это была явная издевка, и Чезаре с трудом сдерживал ярость, копившуюся в нем с каждой прошедшей неделей.

Однажды король вызвал его к себе. С ним была королева, и он не отпустил тех нескольких министров, что стояли возле трона. Чезаре сразу почувствовал — ему предстоит испытать какое-то новое унижение.

— У меня для вас печальная новость, дорогой гер-

цог, — вздохнул Луи, и Чезаре показалось, что люди, стоявшие у трона, едва удержались от смеха.

— Я слушаю вас, сир, — призвав на помощь все свое самообладание, выдавил Чезаре.

— Двое наших подданных вступили в законный брак, — сказал Луи. — Боюсь, это событие вас не порадует.

— Я имею какое-то отношение к этим двоим подданным Вашего Величества?

— Непосредственное, дорогой герцог. Одна — принцесса Карлотта.

У Чезаре непроизвольно дрогнули губы; кровь бросилась в лицо. Он сжал кулаки — с такой силой, что ногти впились в ладони.

Его голос задрожал, а потом сорвался на крик:

— Она... вышла замуж?!

— Да, за одного бретонского барона. — Король пожал плечами. — Разумеется, ее отец дал согласие на этот брак, и мы с королевой не смогли воспрепятствовать его решению.

Правая рука Чезаре сама собой потянулась к рукояти шпаги. Перед ним были враги: это они все так подстроили. А он-то старался, вез им папскую буллу о разводе! Без нее, небось, король и королева не смогли бы сейчас быть вместе — и вместе же издеваться над ним! Ведь они намеренно оскорбили его, дав понять, что какого-то бретонского барона считают более важной персоной, чем сына Папы Римского.

Это было невыносимо. Они требовали от него слишком многого. Он не может терпеть подобные унижения.

Вероятно, Луи понял его чувства, потому что быстро добавил:

— Ах, мой дорогой герцог, при дворе есть и другие дамы. Кто знает, может быть, они окажутся менее капризными.

О Пресвятая Богородица, мысленно взмолился Чезаре, помоги мне успокоиться! Уйми этот жар в крови, который призывает меня совершить убийство!

Ему удалось выдать из себя:

— О каких дамах изволит вести речь Ваше Величество?

Луи благодушно улыбнулся.

— Представляю ваше разочарование, дорогой герцог. Но не отчаивайтесь — я могу предложить вам неплохую замену. У моего родственника, короля Наварры, есть прелестная юная дочь. Что вы скажете о браке с Шарлоттой Наваррской?

У Чезаре застучало в висках. Он настраивался на Карлотту, но Шарлотта и в самом деле была приемлемой альтернативой.

— Ален д'Альбре, — продолжил король, — кузен мой, подойдите-ка и скажите нам, что вы думаете о партии между нашим добрым другом герцогом де Валентинуа и вашей малышкой Шарлоттой.

Король Наварры обошел трон и встал перед королем Франции. Вид его был мрачен. Он сказал:

— Сир, до сих пор я думал, что кардиналам не дано права вступать в брак.

— Наш герцог уже не кардинал, — напомнил ему Луи. Чезаре не удержался и воскликнул:

— Меня освободили от обета безбрачия! Я вправе жениться, как и любой другой мужчина!

— Я не могу верить на слово, — упрямо произнес Ален Наваррский. — Мне нужны доказательства того, что человек, бывший кардиналом, уже не связан celibатом.

Чезаре выкрикнул:

— Глупец! Весь мир знает, что я свободен!

Наступила полная тишина. Луи холодно оглядел его. Этот чужеземец забыл о строгости французского этикета — ну что ж, пусть теперь пеняет на себя.

Чезаре опомнился.

— Прошу простить мою несдержанность. Но все это легко доказать.

— Тем более, — с угрюмым видом заметил Ален.

— Вы должны простить его настороженность, — добавил Луи. — Он отец, и ему не чужды отцовские чувства.

— Ваше Величество может объяснить ему, что я свободен.

— Мы в полной мере докажем ему ваши слова, — сказал король. — Но на это уйдет некоторое время.

— Мне понадобится документальное подтверждение, Ваше Величество, — заявил Ален.

Король встал и, подойдя к Алену, взял его под руку; затем повернулся и поманил к себе Чезаре; наконец, держа обоих мужчин под локоть, подвел их к узкому окошку в углу залы. Остальные заговорили между собой — чтобы своим молчанием не смущать частную беседу короля.

— Такое подтверждение у вас будет, — обращаясь к Алену, негромко сказал он. — Его Святейшество доставит его вам без малейшего промедления. — Он повернулся к Чезаре. — Аманье, брат Шарлотты, будет вашим братом, дорогой герцог. Он уже давно мечтает о кардинальской мантии. Кардинальская мантия, Ален! Полагаю, увидев в ней своего сына, вы быстрее примете правильное решение, не так ли?

— Доказательство, сир, — сказал Ален. — Документальное доказательство для меня и кардинальскую мантию для моего сына. Когда я получу всё это, тогда... тогда я не буду препятствовать замужеству своей дочери.

Чезаре промолчал. Ему требовалась хоть какая-то невеста. Без нее он не мог возвращаться в Рим. А Шарлотта д'Альбре была такой же дочерью короля, как и Карлотта.

В свадьбе с ней он видел единственный способ избежать позора, но в то же время не мог не насторожиться.

Насколько соответствовал истине слух, ходивший при дворе: «Король держит Чезаре Борджа своим заложником»?

Что если ему предложили этот брак, руководствуясь всего лишь здравым желанием превратить его в добро-

вольного гостя, а не подневольного? Чезаре не сомневался — король даже сейчас обдумывает различные планы нападения на Милан. Мог ли он, великий Чезаре, вновь оказаться в унижительном положении заложника?

Тем не менее брак с родственницей короля Франции вполне устраивал его.

Он решил жениться на Шарлотте — и как можно скорее.

Королевский двор переехал в Блуа. Так пожелал король, собиравшийся отметить свадьбу Чезаре Борджа, герцога де Валентинуа, и юной Шарлотты д'Альбре.

Сейчас Луи пребывал в отменном настроении. Ему нравился этот величавый замок, высящийся над берегом полноводной Луары. Здесь он родился в один из июньских дней тысяча четыреста шестьдесят второго года. И здесь же в апреле тысяча четыреста девяносто восьмого года принял запыхавшегося посыльного, который встал перед ним на колени и воскликнул: «Король умер! Да здравствует король!»

С Блуа его связывали приятные воспоминания.

Вот почему он решил, что свадебные торжества должны состояться в замке Блуа. Его войска были готовы к марш-броску на Милан, а любимого сына Папы Римского ему удалось на семь месяцев задержать во Франции. Супружество еще на несколько месяцев привяжет Чезаре к Франции, поскольку он не покинет жену, пока она не забеременеет. Более того, Борджа отныне будут накрепко прикованы к французскому королевскому дому — хоть и велика честь для них, но скоро они узнают ее истинную цену.

Теперь у него появилась возможность управлять действиями Папы Александра Четвертого — первая победа будущей итальянской кампании. Получил он и желанный развод. Право, недурной задаток за дочку Алена д'Альбре, ничтожное имение и титул.

На торжества он взирал с благодушной улыбкой. Ах,

какие пышные церемонии! Ну ничего, пусть Борджа роскошится. Пусть себе бросает деньги на ветер, если ему так хочется. Его отец богаче всех на свете — отчего же сынку не покрасоваться перед французскими циниками? Лучше уж тот потратится на свадьбу, чем на снаряжение итальянской армии.

Погода стояла теплая, солнечная, и все с восторгом приняли предложение Чезаре провести праздник на открытом воздухе. Прямо на земле были расстелены украшенные цветами богатые ковры, а по бокам, в форме квадрата, натянуты на жерди великолепные расшитые золотом гобелены. Получился как бы огромный зал — со столами, ломящимися от всевозможных яств, с пространством для танцев, с гобеленами вместо стен и с голубым небом вместо потолка.

Папа, обрадовавшись известию о свадьбе сына, прислал в подарок невесте шкатулку, полную драгоценных камней. Юная провинциалка Шарлотта была поражена такой щедростью.

Ей недавно исполнилось шестнадцать лет, а выглядела она еще моложе. Привезли Шарлотту только вчера, и даже Чезаре, встретив ее робкий взгляд, был тронут ее застенчивой простотой. К тому же он понял, что она заранее готова обожать его — преклоняясь перед величием своего суженого и еще не зная всех слухов, ходивших о нем.

Танцуя с ней под голубым небом импровизированного бального зала, Чезаре решил сделать ее счастливой — на то время, пока он будет оставаться во Франции. Пока не убедится в том, что супруга ждет ребенка.

Его замыслы были так же честолюбивы, как и прежде. Подобно королю Луи, он вынашивал планы покорения Италии. Поэтому ему не терпелось покинуть супругу и с победой вернуться в Рим — чтобы оттуда начать завоевывать родную землю, а может быть, и весь мир.

Лукреция снова была в положении, и отец каждый день навещал ее.

Когда в Рим на взмыленном коне прискакал Гарсия —

гонiec, которого Чезаре отправил на родину с сообщением о браке, — Папа Римский радовался так, словно состоявшаяся свадьба была его собственной. Он послал за Лукрецией и велел немедленно позвать беднягу гонца, едва не валившегося с ног от усталости и не успевшего даже перевести дух после долгой дороги.

Увидев его состояние, Александр распорядился о том, чтобы ему принесли мягкое кресло и бутылку доброго вина, но не пожелал ни на минуту откладывать наслаждение от рассказа Гарсии.

— Святой отец, свадьба прошла превосходно, — выдохнул Гарсия.

— А брачная ночь?

— Тоже, Ваше Святейшество. Я ждал до утра, чтобы привезти вам это известие.

— Сколько раз? — поинтересовался Папа.

— Шесть, святой отец.

— О! Сын достоин своего отца! — рассмеявшись, воскликнул Александр. — Право, я горжусь моим мальчиком.

— Его Величество король Франции высоко оценил достоинства господина герцога.

Александр еще громче рассмеялся.

— Говорят, Ваше Святейшество, господин герцог превзошел лучшие достижения Его Величества.

— Бедный Луи! — воскликнул Папа. — И не думал, что Валуа будут соперничать с Борджа!

Затем он пожелал узнать все подробности свадебной церемонии и брачной ночи, рассказ о которой попросил повторить два или три раза подряд.

В последующие дни приближенные никак не могли понять загадочного поведения Папы. Тот почти не слушал своих кардиналов и все время задумчиво бормотал:

— Шесть раз! Неплохо... совсем неплохо, сын мой.

Санча забеспокоилась. Она подстерегла брата, когда тот шел в апартаменты супруги.

Альфонсо насвистывал веселую мелодию — одну из тех, что Лукреция часто играла на лютне. Его безмятежная, почти блаженная улыбка могла кого угодно довести до белого каления.

— Альфонсо, — прошипела Санча. — А ну-ка, ступай за мной. Нам нужно поговорить.

Он вытаращил глаза.

— Санча! Кажется, ты чем-то встревожена?

— Чем-то встревожена! Да если бы у тебя была хоть крупинка здравого смысла, ты бы тоже не был так беззаботен!

Альфонсо поморщился. После отъезда Чезаре Санча сильно переменилась. Ни один любовник ее не устраивал, и она вечно была чем-то недовольна.

— Ну, — нетерпеливо произнес он. — Что случилось?

— Французы готовят вторжение.

Внезапно на Альфонсо напала зевота. Он с трудом подавил ее.

— Можешь не отворачиваться, Альфонсо, это ничего не изменит. Ситуация настолько серьезна, что даже Асканио Сфорца обеспокоен.

— О Господи, когда же он утомонится?

— Милый мой! В отличие от тебя, он знает, что творится вокруг него!

— Что на сей раз?

— Интрига.

— По правде говоря, Санча, я не могу представить тебя не связанной с какими-нибудь интригами. Но, признаюсь, мне больше нравилось, когда они были любовными.

— Как по-твоему, что произойдет, когда вернется Чезаре?

— Полагаю, он станет твоим любовником. И ты перестанешь его ревновать к супруге-француженке.

— Теперь он крепко-накрепко связан с королем Франции, а французы всегда хотели получить Милан... и Не-

аполь. Мы с тобой принадлежим к видному неаполитанскому роду. Не забывай об этом, Альфонсо. Чезаре нашему дяде никогда не простит отказа в браке с Карлоттой. Чтобы отомстить королю Федерико, он объединится с французами. И я не хотела бы оказаться в Неаполе, когда туда вступит Чезаре со своими войсками.

— Мы с тобой не только неаполитанцы, — сказал Альфонсо, — но еще и родственники Его Святейшества, а он дружелюбен с нами.

— Альфонсо, ты глупец... безнадешный глупец!

— Санча, я устал от тебя.

— Ну и ступай к своей супруге! — в сердцах воскликнула Санча. — Ступай... упивайся своей любовью, пока у тебя не отняли ее. Альфонсо, я тебя предупредила. Будь осторожен, когда Чезаре вернется в Италию.

— Теперь ему придется соблюдать приличия, принятые при французском королевском дворе.

— Ах, брат мой, не все родственники Луи желают заботиться о своей репутации. У некоторых есть и другие, очень честолюбивые желания. — Внезапно она схватила его за руку. — Альфонсо, ты мой брат, — с жаром сказала она. — Так давай же будем вместе, как было всегда.

— Разумеется, Санча, мы будем вместе.

— Тогда... не поддавайся иллюзиям, брат мой. Не позволяй усыплять свою бдительность. Опасность уже совсем рядом... и она грозит всему нашему дому. Не забывай — ты не только супруг Лукреции, но еще и неаполитанский принц.

Семнадцатилетнего Гоффредо никто не воспринимал всерьез. Никто. Все радовались свадьбе Чезаре и беременности Лукреции, а ему, младшему сыну Папы Римского, по-прежнему не уделяли сколько-нибудь должного уважения. Его не окружали почетом и уважением, привычными для Чезаре, а в прошлом — для Джованни. Он знал, почему. Кое-кто поговаривал, что Гоффредо

не был сыном Папы; и, судя по всему, Александр разделял эту точку зрения.

Сам же Гоффредо благоговел перед семьей Борджа и полагал, что если не будет принят в ее круг, то жизнь потеряет для него всякий смысл.

Чтобы привлечь внимание к сходству между ним и Чезаре (а также и Джованни, покуда тот был жив), он взял в привычку после наступления темноты брать с собой слуг и бродить по римским улочкам, заходя в таверны, приглядывая женщин легкого поведения или задираясь к подвыпившим мужчинам. Так, бывало, любил проводить досуг Джованни, и Гоффредо очень надеялся услышать от горожан: «О, этот парень пойдет по пути своих братьев!»

Однажды ночью, когда он и его слуги прогуливались по мосту Сан-Анджело, стражник приказал им остановиться.

Гоффредо, немного встревоженный, но решивший показать себя истинным Борджа, выступил вперед и спросил, что это за грязное отродье мешает его ночному моциону.

Стражник обнажил меч, а из темноты вышли двое других солдат. У Гоффредо появилось желание ретироваться, но он понимал, что Чезаре и Джованни поступили бы иначе.

Его противники оказались людьми не из робкого десятка; кроме того, они знали, что Папа не питал к Гоффредо той фанатичной любви, которой пользовались остальные члены его семьи. Чезаре был во Франции; Джованни — в могиле. Вот римские стражники и решили, что не позволят молодому Борджа вселять страх в сердца добрых горожан и что ему нужно преподать урок.

— Прошу вас, мой господин, — миролюбиво сказал старший стражник, — ступайте своей дорогой и не причиняйте римлянам беспокойства.

— А я вас прошу соблюдать правила хорошего тона, — вспыхнул Гоффредо. — Особенно, когда разговариваете с мужчиной из рода Борджа.

— Я стою на посту, — возразил стражник, — и не должен блюсти ничего кроме покоя горожан.

У Гоффредо не оставалось иного выхода, как только набраться ярости, положенной в таких ситуациях всем истинным Борджа, и с кулаками наброситься на дерзкого обидчика; однако стражник был наготове. Его меч вонзился в бедро Гоффредо, и юноша со стоном упал на камни моста.

Увидев Гоффредо, Санча внезапно представила себя вдовой. Бледного и истекающего кровью, его принесли во дворец на импровизированных носилках из двух связанных плащей. Тело юноши было неподвижно, глаза закрыты.

Санча потребовала отчета о случившемся и узнала, что ее супруг не подчинился стражнику, приказавшему гулякам спокойно идти своей дорогой, и тот напал на него.

— Если бы не мы, — сказал один слуга, — вашему супругу была бы суждена та же участь, что постигла его брата, герцога Гандийского, тело которого однажды утром нашли в Тибре.

Санча взялась за дело. Прежде всего она вызвала лекарей, а когда убедилась в отсутствии серьезной угрозы для жизни супруга, дала волю своей ярости. Еще бы! Никто не посмел бы напасть на Джованни или Чезаре — перед ними все трепетали от страха! А с Гоффредо обошлись, как с каким-то сопливым мальчишкой. Словно он и не был сыном Папы Римского.

Она решила строго наказать стражника, осмелившегося поднять руку на Гоффредо, — дать хороший урок всем, кто не желал оказывать должного уважения ее супругу.

Рано утром она попросила аудиенции у Александра, который разозлил ее своей безучастностью к судьбе сына. Он не только не уволил своих слуг, но и не уделил невестке ни одной из тех обворожительных улыбок, что были так привычны для любой знатной и мало-мальски привлекательной женщины Рима.

— Ваше Святейшество! — воскликнула Санча. — Неужели этому негодяю не воздадут по заслугам?

Папа смерил ее изумленным взглядом.

— Я говорю о том дерзком солдате, — продолжила Санча, — который осмелился напасть на моего мужа.

Папа грустно вздохнул.

— Ах, мне жаль нашего маленького Гоффредо. В самом деле, печальная история. Но, насколько мне известно, стражник исполнял свой долг.

— Долг — применить оружие против моего супруга? Гоффредо чуть не умер от потери крови!

— Гоффредо вел себя вызывающе. Когда его вежливо попросили уgomониться и идти своей дорогой, он ни с того ни с сего набросился на человека, призванного наблюдать за порядком в городе. По-моему, у стражника не было выбора. Он должен был защищаться и охранять покой горожан.

— Вы хотите сказать, что ему это сойдет с рук?

— А почему бы и нет? Гоффредо напал первым — он и по лу чил по заслугам.

— Но он же ваш сын!

Папа пожал плечами и с безразличным видом посмотрел в окно. Он явно сомневался в словах Санчи. Она потеряла последние остатки самообладания.

— Ваш ублюдок! — крикнула она.

— На этот счет у меня есть кое-какие сомнения.

— Сомнения?! Да какие тут могут быть сомнения? Он и внешне напоминает вас! И ведет себя — как вы! Разве это не похоже на всех Борджа — рыскать по улицам, чтобы найти женщину и изнасиловать?

— Моя дорогая Санча, — сказал Папа, — мы все знаем, что ты только частью производишь из королевского рода и что эта часть — ублюдочная. Пожалуйста, не бравируй тем, что составляет основу твоей крови.

— Я вам скажу правду! — закричала Санча. — Вы не только Папа Римский, но еще и отец бесчисленного множества детей! Большинство их вы никогда не реши-

тесь признать своими — но если речь идет о таком близком вам сыне, как Гоффредо.

Папа поднял руку.

— Санча, я прошу тебя уйти.

— Не уйду! — продолжала кричать Санча, словно и не замечая обеспокоенности в папской свите. — Вы не презирали моего рождения, когда женили меня и Гоффредо!

— Для Гоффредо ты — подходящая пара, — сказал Папа. — Я не знаю, кто его отец. Как и в твоём не была уверена твоя мать.

— Я дочь короля Неаполя.

— Так говорит твоя родительница. Но люди порой выдают желаемое за действительное. И уж конечно, твоё поведение позволяет усомниться в её словах.

Санча вспыхнула. Вызов был брошен не только её рождению, но и красоте. Никогда ещё Папа не позволял себе такой озлобленности в отношениях с женщинами.

Он холодно добавил:

— Ты уйдёшь добровольно?

Это была угроза. К Санчи уже направились двое здоровенных охранников. Не пожелав подвергнуться новому унижению и быть вытолкнутой за дверь, она быстро поклонилась и вышла из комнаты.

В своих апартаментах Санча немного успокоилась и через некоторое время пришла к выводу, что поведение Папы было верным признаком опасности, нависшей над страной. Очевидно, Александр решил твердо стоять на стороне французов. Сегодня её оскорбили — как же поступят с её братом? Едва ли Лукреция способна спасти его.

В тот же день её навестил Асканио Сфорца.

Узнав о том, что произошло в покоях Папы Римского, он нахмурился.

— Думаю, вторжение неизбежно, — сказал он.

Санча согласилась.

— Что же делать? — спросила она.

— Вам лично — оставаться здесь и следить за обстановкой. Почаще бывать у Лукреции. Через нее узнавать последние новости из Ватикана. Сам я срочно отправляюсь в Милан. Мой брат Лудовико должен начать приготовления к войне — ему понадобится кое-какая помощь. Что касается вашего брата...

— Да, — нетерпеливо сказала Санча, — как быть с ним?

— Трудно угадать, какую ему готовят участь.

— Пока что Папа опекает его, как малого ребенка.

— И в присутствии свиты оскорбляет его сестру.

— Может быть, это я вынудила его. Совсем потеряла рассудок, узнав о вчерашнем несчастье.

— Нет, он не обошелся бы с вами подобным образом, если бы хоть чуть-чуть заботился о благе Неаполя. Не полагайтесь на его доброе отношение к вашему брату. Когда придут французы, а с ними и Чезаре, они постараются избавиться от Альфонсо. Чезаре всегда ненавидел супругов Лукреции, и его ненависть не будет меньше оттого, что Лукреция по-настоящему любит своего нынешнего мужа.

— Вы думаете, мой брат скоро окажется в серьезной опасности?

Асканио угрюмо кивнул.

— Как только станет известно о моем отъезде в Милан. Папа знает о наших собраниях — было бы невозможно держать их в тайне от него. Его доносчики и шпионы шныряют повсюду, а потому он сразу поймет, что мы встревожились. Начиная с того момента, как я покину Рим, положение Альфонсо будет становиться все более угрожающим.

— Тогда не лучше ли ему немедленно уехать в Неаполь?

— Постарайтесь убедить его в том, что отъезда нельзя откладывать ни на один день.

— Это будет нелегко. Он не захочет расставаться с Лукрецией.

— Если вы его любите, — тихо произнес Асканио, — то сделайте все возможное, чтобы он уехал отсюда.

Лукреция лежала на постели, а служанки расчесывали ее волосы. Она была на шестом месяце беременности и почти все время нуждалась в отдыхе.

Но усталость не убавляла ее счастья. Еще три месяца — и у них родится ребенок, думала она. У нее уже появлялись кое-какие мысли о колыбельке для младенца.

— Скоро ли ее сделают для моего малютки? — спросила она у служанок. — Почему ее не поставят в моей спальне, чтобы я могла каждое утро смотреть на нее и говорить: «Осталось только восемьдесят четыре дня... только восемьдесят три... восемьдесят два...»

Служанки разом перекрестились.

— Ох, госпожа, лучше не искушать судьбу, — сказала одна из них.

— Но я же знаю — на этот раз все будет хорошо, — проговорила Лукреция и закрыла глаза.

Из счастливого будущего ее мысли внезапно перенеслись в несчастное прошлое. Она увидела себя одетой в просторное белое платье и стоящей перед множеством кардиналов и епископов. Тогда ее беременности тоже шел шестой месяц — и она клялась в том, что была целомудренна. Иначе ей не удалось бы развестись с Джованни Сфорца.

Вот ведь, подумала она, как не везло мне в жизни! Мой первый ребенок похищен у меня и растет у какой-нибудь неизвестной мне женщины. (Пресвятая Богородица, сделай так, чтобы она была добра к нему!) А второго я лишилась еще раньше, чем могла узнать, кто у меня был — девочка или мальчик.

Однако на этот раз все должно быть по-другому. Надо только получше заботиться о ее третьем ребенке.

— Почему все еще нет моего супруга? — спросила она. — Он уже давно должен был прийти ко мне.

— Скоро он придет, госпожа, — уверила ее та же служанка, что говорила с ней.

Но Лукреция ждала, а он все не шел. Наконец она задремала. Затем проснулась — ее разбудил ребенок, зашевелившийся в животе. Она положила руку на плод и нежно улыбнулась.

— На этот раз все будет хорошо, — прошептала она. — Наверняка он окажется мальчиком. И мы назовем его Родриго — в честь самого лучшего из отцов, какие только были у женщин.

Услышав голоса в передней, она села и прислушалась. О чем они так встревоженно переговариваются?

— Госпожа спит. Подождите, пока она проснется.

— Она бы пожелала узнать сразу.

— Нет... нет... Лучше ей оставаться в неведении. Пусть как следует выпится.

Она встала, набросила халат и прошла в переднюю. Там стояло несколько человек. Они молча посмотрели на нее.

— Что-то случилось, — сказала она. — Что именно?

Все продолжали молча смотреть на Лукрецию.

— Говорите. Я приказываю, — повысив тон, обратилась она к одному из них.

— Госпожа, герцог Бишельи...

У нее потемнело в глазах. Она пошатнулась и, чтобы не упасть, оперлась о дверной косяк. Какая-то служанка успела подхватить ее под руки.

— С ним все в порядке, госпожа, — быстро проговорила она. — Ничего особенного. Просто он уехал из Рима.

Лукреция повторила, как эхо:

— Уехал из Рима!

— Да, госпожа, — с небольшой свитой, всего несколько часов назад. Видели, как он во весь опор помчался на юг.

— Я... я понимаю, — сказала Лукреция.

Она повернулась и пошла в комнату. Служанки последовали за ней.

От Альфонсо было письмо.

Час спустя его принесли Лукреции. Она жадно схватила этот запечатанный листок бумаги — знала, что супруг не мог покинуть ее, не оставив о себе какого-нибудь известия.

Затем прочитала. Его жизнь без нее не имеет смысла. Но его вынудили уехать. Вокруг них зреет заговор. Если замыслы заговорщиков сбудутся, то он погибнет и его смерть принесет ей величайшее несчастье. В такой ситуации у него нет выбора. Он всегда знал, чем грозит ему пребывание в Риме, но раньше позволял себе наслаждаться счастьем и закрывать глаза на опасность; увы, сейчас угроза слишком велика, чтобы можно было пренебрегать ею. Его сердце разрывается от горя, но он надеется, что их разлука не окажется долгой. И будет ждать ее в Неаполе.

Это письмо Лукреция прочитала несколько раз; по ее щекам текли слезы. Она все еще держала его в руках, когда доложили о приходе Папы.

Его Святейшество попросил ее не вставать. Он подошел к ее постели и присел рядом.

Служанки без лишних напоминаний вышли из комнаты, и тогда она поняла, как прогневал его неожиданный отъезд Альфонсо.

— Дурак! Перепуганный дурак! — бранился он, удивляя Лукрецию столь необычной для него несдержанностью. — Почему он сбежал от такой молодой и очаровательной супруги?

— Отец, он сбежал не от меня.

— Все скажут, что он сбежал от тебя. Не сомневаюсь, Джованни Сфорца будет очень рад — и всему миру поведаст о своей радости. А через три месяца у вас должен родиться ребенок! Этот юный кретин не имеет ни малейшего представления о том, к чему его обязывает твое положение.

— Дорогой отец, не судите о нем слишком строго.

— Он причинил тебе страдание и нанес урон пре-

стижу всей нашей семьи. С какой же стати превозносить его?

— Отец, что вы собираетесь делать?

— Вернуть его в Рим. Я уже выслал за ним погоню. Полагаю, скоро мы получим возможность лицезреть этого молодого идиота.

— Он тревожится за свою жизнь, отец.

— Тревожится за свою жизнь! Какое он имеет право?

Мы что угрожаем ему?

— Отец, его положение весьма серьезно. Дружба Цезаря с французами...

— Моя маленькая Лукреция, не обременяй свою златокудрую головку такими сложными материями. Ей пристало услаждать глаз, а не заниматься политикой. Твой супруг наделал кучу ошибок, потому что пытался разобраться в вещах, которые оказались выше его понимания. Не сомневаюсь, тут замешана его сестра с ее друзьями. Но тебя-то, я надеюсь, они не успели сбить с толку своими коварными измышлениями?

— Отец, а если и впрямь начнется война с Францией?

— В любом случае, я не дам тебя в обиду. И уж конечно, верну твоего супруга. Ты ведь этого хочешь, не так ли?

Лукреция кивнула. Она снова заплакала — знала, что Папа не выносит слез, но не могла удержаться от них.

— Ну, не надо, дочка. Вытри-ка свои чудесные глазки, — сказал он.

Она послушно полезла под подушку, и Папа увидел письмо Альфонсо, лежавшее вместе с носовым платком.

Он потянулся за ним. Лукреция поспешно выхватила его из отцовских рук. Александр нахмурился, и она топорпливо произнесла:

— Это письмо от Альфонсо.

— Написанное после отъезда?

— Нет, он приготовил его заранее, а посыльный передал мне. Альфонсо объясняет, почему уехал и... и...

Папа явно желал завладеть письмом и ждал, что дочь

отдаст его отцу; она же словно и не замечала его требовательного взгляда, и он решил не настаивать. Александр не желал портить отношений с Лукрецией. Он знал, что ее супруг считает его своим врагом, и не хотел, чтобы Лукреция разрывалась между ними.

— Странно, что он не взял тебя с собой, — сказал Александр. — Сначала разглагольствовал о своей любви, а потом бросил тебя.

— Это из-за нашего ребенка. Он боялся, что ехать придется слишком быстро и что в результате пострадает я и мое дитя.

— И все-таки покинул тебя!

— Он хочет, чтобы я приехала к нему в Неаполь.

Александр поджал губы. Лукреция поняла — у него нет никакого желания расставаться с дочерью.

Немного поколебавшись, он произнес:

— Едва ли он так печется о твоём состоянии, как я забочусь о нём. А может быть, по молодости не понимает, чем такая прогулка грозит женщине, которая готовится стать матерью. Нет, моя драгоценная дочка, я никуда не отпущу тебя. По крайней мере, до тех пор, пока ты не разрешишься от бремени.

Их глаза встретились, и Александр понял, что Лукреция уже не была настолько наивным ребенком, чтобы поддаться на его уловку. Она знала о существовании заговора и полностью отдавала себе отчет в эгоистическом характере его любви к ней — а сейчас убедилась и в том, что у Альфонсо были все основания не доверять ему.

Лукреция разрыдалась. Она сознавала свое бессилие перед ним.

Александр не выносил слез. Он осторожно поцеловал ее и не спеша направился к двери.

Альфонсо благополучно добрался до Неаполя и, как Папа ни настаивал на его незамедлительном возвращении, продолжал оставаться у себя на родине, а король Федерико, упорно не желал выдавать племянника.

Папа выходил из себя — скоро вся Италия будет гадать о том, насколько серьезны опасения Альфонсо, если он готов даже расстаться с супругой, о его любви к которой знали не только в Риме.

Этим летом Александр чаще, чем когда-либо прежде, страдал от обмороков. Порой у него багровело лицо, на висках выступали узловатые вены, и тогда он едва ли мог сохранять свое обычное хладнокровие и невозмутимость.

Как раз в один из таких случаев, которые обычно предшествовали обморокам, он вызвал к себе Санчу и сказал, что она должна готовиться к отъезду в Неаполь — коль скоро король не отпускает своего племянника, то, надо думать, приютит и ее.

Санча попробовала возражать. У нее не было ни малейшего желания уезжать из Рима. Ей хотелось жить там, где она жила все последние годы. В Вечном Городе.

Он даже не взглянул на нее.

— В этом городе имеют значение не твои желания, а мои, — холодно сказал он.

— Ваше Святейшество, мое место — рядом с моим супругом.

— Твое место там, где я тебе сказал.

— Прошу вас, учтите хотя бы желание моего мужа.

— Я уже учел его и принял решение.

Санча не выдержала.

— А я отказываюсь уезжать отсюда, — выпалила она.

— Тогда тебя придется выпроводить силой, — сказал Папа.

Он уже не был прежним дамским угодником! Ее красота ничего не значила для него. Она отказывалась верить своим ушам.

Разъяренная унижением, она выкрикнула:

— Если я уеду, то возьму Гоффредо с собой!

— Гоффредо останется в Риме.

— И Лукрецию! — продолжала кричать она. — Я заберу Лукрецию и Гоффредо! О! Они с радостью согласятся! Лукреция просто мечтает встретиться с супругом! Если мое место в Неаполе, то ее место тоже там!

Александр промолчал.

Тогда она повернулась и с чувством некоторого удовлетворения — он был явно встревожен — вышла из его комнаты.

Великолепный кортеж, с утра стоявший перед дворцом Санта Мария дель Портико, только что тронулся в путь. Толпы горожан издали любовались его сорока тремя изящными повозками и роскошным экипажем с балдахином из дамасского шелка.

В этом экипаже, на розовых атласных подушках сидела Лукреция, а впряженной в него лошастью правил Гоффредо. Ему предстояло привести кортеж в Сполето.

На балконе дворца стоял сам Александр, пожелавший присутствовать при отъезде дочери. Вот он поднял руку и трижды благословил свою любимицу.

Лукреция была рада покинуть Рим. Уж больно нелегкие выдались последние несколько дней. Санчу вынудили вернуться в Неаполь, и Лукреция прекрасно понимала, что ее и Гоффредо отправляют в Сполето, опасаясь их бегства в Неаполь — к супругу и супруге, с которыми они теперь были в разлуке.

Она знала, что многочисленные слуги, сопровождавшие кортеж, ни на минуту не выпустят их из виду, а в случае каких-либо происшествий будут держать ответ перед Папой.

Распорядившись о переезде дочери, Александр сказал, что уже давно собирался сделать ее полновластной правительницей Сполето и Фолиньо. Судя по его словам, она должна была навестить эти города, чтобы познакомиться с ними и заранее расположить к себе их жителей.

Однако Лукреции казалось, что в этих словах заключалась только половина всей правды. Александр боялся ее побега. Он не мог сделать дочь узницей в Риме — и поэтому решил сделать ее узницей в Сполето. Теперь она должна была жить в замке, практически не отлича-

ющемся от крепости, а кроме того, расположенном в ста пятидесяти милях к северу от Рима, что намного увеличивало расстояние между ней и Альфонсо.

В огромном замке Сполето ее излюбленным местом стало кресло у самого большого окна отведенных ей покоев. Здесь она сидела часами и смотрела на дорогу, петлявшую между лощиной и склоном горы Луко. Ее губы шептали: «Пресвятая Богородица, пошли мне сюда Альфонсо».

Прошли несколько недель. Август сменился сентябрем, а в ноябре у нее должен был родиться ребенок.

Она не переставала думать о супруге — не верила, что он может не приехать. И вот однажды утром, уже в середине месяца, ее разбудила взволнованная служанка. Из соседней комнаты доносились чьи-то громкие, радостные голоса. Она еще не успела встать с постели, как вдруг дверь распахнулась и через мгновение Альфонсо уже держал ее в своих объятиях.

От счастья у нее из глаз брызнули слезы. Дрожащей рукой она ощупывала его лицо — будто хотела убедиться в том, что встретилась с ним наяву, а не в одном из своих привычных снов.

— Альфонсо, — наконец прошептала она. — Вот ты и приехал.

Он немного смутился.

— Лукреция, не знаю, как я мог покинуть тебя. Мне казалось, так будет лучше. Я думал...

У нее не повернулся язык упрекнуть его.

— Может быть, это и впрямь было к лучшему, — сказала она; сейчас ей не хотелось вспоминать о том, что он бросил ее.

— Лукреция, я думал, что ты приедешь ко мне. Знал бы я, как долго продлится наша разлука, — поверь, ни за что не покинул бы тебя!

— Не надо, не говори о прошлом. Мы снова вместе, а это главное, — сказала она. — Ах, мой милый Аль-

фонсо, мне кажется, теперь я никогда не позволю тебе отлучаться от меня — ни на одну минуту!

Принесли завтрак, и они принялись за него прямо на постели Лукреции. В покоях было шумно и весело. Вскоре здесь собралось множество знатных горожан. Они танцевали, Альфонсо пел, а Лукреция подыгрывала ему на лютне. Супруги улыбались и обнимались в перерывах между песнями.

В Сполето они жили недолго, но счастливо. Альфонсо ни на шаг не отходил от Лукреции, и не в их правилах было тревожиться мыслями о будущем. Папа не мешал их счастью, а большего им и не требовалось.

Их не беспокоило то обстоятельство, что французская армия уже вторглась на землю Италии. Они будто не слышали известия о том, что Лудовико, не сумевший добиться по мощи от австрийского императора Максимилиана — тот сейчас воевал со шведами, — вместе со своим братом Асканио бежал из Милана и таким образом оставил город открытым для французов. Увы, будучи превосходным политиком, Лудовико никогда не мог показать себя хоть сколько-нибудь стоящим воином. Он был способен разработать блестящий план боевых действий, но нуждался в твердой руке, чтобы этот план осуществить. Казалось, Луи предстояло одержать такую же легкую победу, какая несколькими годами раньше выпала на долю Карла.

Впрочем, одна новость все-таки привлекла внимание супругов. Чезаре был в Милане.

— Наконец-то! Скоро я снова увижу моего любимого брата! — воскликнула Лукреция. — Ах, как мне не терпится услышать о его похождениях во Франции!

А Альфонсо, слушая ее, внезапно ощутил какой-то неприятный холодок, пробежавший у него по спине, — как быстро она забыла о своем муже! Тень Чезаре вновь омрачила его жизнь.

Но забыть об этом было нетрудно. Лукреция принесла лютню; Гоффредо вызвался спеть веселую неаполи-

танскую песню, и Альфонсо с радостью согласился подпевать ему.

Александр ликовал. Чезаре вернулся на родину и совсем скоро мог предстать перед своим любящим отцом. Французы захватили Милан, неаполитанцы встревожились, — а Римский Папа не находил ни малейшего повода для огорчений. Чезаре был родственником французского короля, и Борджа могли не опасаться французов.

Мысленно Александр уже видел будущие владения его семьи. В свое время сюда войдут и Милан, и Неаполь, и Венеция, и все остальные итальянские республики и королевства, общими силами способные противостоять любому иноземному вторжению. Однако сейчас Чезаре возглавит папское войско, чтобы выполнить другую задачу. Для начала нужно образовать объединенную Римскую республику. Такие города, как Имола, Фаэнца, Форли, Урбино и Пезаро (о да, Пезаро — непременно; Джованни Сфорца придется ответить за клевету на семейство Борджа), — такие разрозненные города не устоят перед Чезаре. А ведь на стороне Чезаре будут и французы, его новые союзники!

Пожалуй, только одно досаждало Александру — разлука с любимой дочерью. Вот почему он послал в Сполето распоряжение о том, чтобы Лукреция и Альфонсо срочно перебирались в Непи (тот самый город, что был отдан Асканио Сфорца, поддержавшему Родриго Борджа во время выборов на папское кресло, — а позже отобран у него), где он, Александр, собирался встретиться с супругами.

Кстати, почему бы Чезаре не направиться из Милана прямо в Непи? Там он и Александр могли бы обсудить планы на будущее.

Чезаре выехал из Милана, горя желанием встретиться с семьей. Ему не терпелось повидать Лукрецию — пусть даже с ней будет ее супруг; он хотел вновь чувствовать на себе восхищенные взгляды Гоффредо; но больше всего желал услышать слова, которые приготовил для него отец.

Наконец-то Цезаре делал то, к чему всегда стремился: он был воином, и папские войска ждали его приказа о начале боевых действий.

Родная земля, чистый, бодрящий воздух Италии — все придавало ему уверенности в своих силах. Во Франции он все же чувствовал себя иностранцем, знал о слежке, постоянно ведущейся за ним. Французы не любили его; они подвергли его множеству унижений, а Цезаре был не из тех людей, которые могут простить глумление над собой. Он запомнил всех своих обидчиков и каждое нанесенное ему оскорбление — даже если это был всего лишь мимолетный взгляд или случайно вырвавшееся слово. Глупцы! Они не ведали, над кем смеялись! У Цезаре есть железное правило, и оно гласит: никто не может обидеть его и остаться в живых.

На их счастье, возмездие должно подождать. Сначала ему нужно покорить Италию и осуществить великую мечту своей жизни.

Лукреция увидела брата, когда он еще только подъезжал к замку Непи, и первой вышла встречать его. У нее был огромный живот — до родов оставалось несколько недель, — и Цезаре внезапно разозлился на сестру. Он вспомнил о ее супруге. Ему уже говорили об их любви.

— Ах, Цезаре, вот ты и вернулся! — воскликнула она. — Знал бы ты, как я скучала по тебе!

Он взял ее лицо в свои ладони и внимательно взгляделся в него. Оно-то, по крайней мере, почти не изменилось.

— Тебе нужно было думать о своем супруге и ребенке, — сказал он.

— Цезаре, дорогой мой! Неужели ты не знаешь, что я никогда не перестаю думать о тебе?

Этого ответа он и ждал — именно так она говорила в прежние дни.

К ним подошел Папа. Он обнял и нежно поцеловал сына. Его губы дрожали от волнения.

— Мой ненаглядный сын, наконец-то... наконец-то!

— Отец, лучше бы наша встреча произошла раньше.

— Ничего, уж теперь-то мы будем вместе!

Своему зятю Чезаре едва кивнул. Альфонсо опешил; улыбка застыла на его лице. Он нерешительно посмотрел на Лукрецию, но сейчас она не замечала супруга, с которым провела столько счастливых дней в Сполето. Глаза Лукреции сияли гордостью за своего брата.

Папа и Чезаре заперлись в покоях, отведенных Его Святейшеству. Они склонились над картой Италии, отмечая на ней границы будущего королевства.

— Все эти города один за другим покорятся нам, — сказал Папа. — А некоторые, полагаю, сдадутся без боя. Они испугаются войны.

— Я найду способ испугать их.

— Итальянцы — народ, привыкший к наслаждениям, — продолжил Папа. — Нашествие Карла еще раз доказало это. Они любят маршировать в парадном строю — парады всегда красивы и красочны, а потомки древних римлян, как известно, обожают красоту и краски. Им нравятся карнавалы, потешные бои... но настоящая битва... нет! Думаю, такая задача им сегодня не по силе.

— Зато я справлюсь с ней.

— Ты самоуверен, сын мой.

— Плох тот военачальник, что идет в битву, сомневаясь в своих силах. Неуверенность в себе — верный залог поражения.

— Чадо мое, тебе предстоит стать великим военачальником.

— Не я ли всегда говорил то же самое? Не забывают, отец, у меня было достаточно времени, чтобы настроиться на решительные действия.

Он с явным осуждением посмотрел на Александра, и тот вздрогнул, внезапно вспомнив про свой преклонный возраст. Папа подумал о том времени, когда ему придется передать бразды правления в руки своего сына.

Александр перевел взгляд на карту и провел по ней указательным пальцем.

— Мы подчиним себе всех баронов Романьи, — сказал он. — Они все будут вынуждены признать папскую власть. Ты — знаменосец церкви, сын мой.

Чезаре пристально взглянул в отцовские глаза. Да, Романья попадет в полную папскую зависимость, а поскольку Папа будет находиться в зависимости у своего сына, то Чезаре станет единоличным правителем этих республик. Но его амбиции этим не удовлетворятся.

Он намеревался объединить всю Италию и править ею как полноправный монарх.

Лукреция проснулась еще до рассвета и увидела, что Альфонсо лежит с открытыми глазами. По его лицу она поняла — у него бессонница.

— Альфонсо, — прошептала она. — Что с тобой?

— Не могу заснуть, — ответил он.

— Почему, Альфонсо?

Он промолчал; тогда она приподнялась на локте и осторожно прикоснулась к его лицу. Он взял ее руку и поцеловал. Его губы дрожали.

— Что с тобой, Альфонсо? — снова спросила она.

Поколебавшись, он солгал:

— Не знаю. Наверное, приснилось что-нибудь.

Она придвинулась к нему и нежно поцеловала.

Он знал, как горячо она любила своего брата, — и не мог сказать: «Это все из-за того, что в Непи приехал твой брат. Пока он здесь, у меня не будет ни минуты покоя. Мне все время кажется, что замок наполнен призраками — жуткими, чудовищными, — и они медленно приближаются ко мне. Одни хотят предостеречь меня, другие угрожают. Я закрываю глаза — и вижу Чезаре. Он усмехается, а в руке у него сияет меч».

Весь Ватикан праздновал счастливое событие: Лукреция благополучно разрешилась от бремени, и ребенок оказался мальчиком.

Его назвали Родриго — в честь Папы, который сразу же осмотрел младенца и радостно объявил, что его внук

отнюдь не только именем похож на своего деда. С маленьким Родриго на руках он гордо расхаживал по комнате Лукреции и выглядел помолодевшим на десяток лет. Он уже строил планы о будущем мальчика и спрашивал у присутствующих, видели ли они когда-нибудь более здорового и очаровательного малыша, чем его внук.

Лукреция лежала довольная, но обессиленная — роды были долгими и трудными. Рядом с ее постелью сидел Альфонсо. Он держал в ладонях руку супруги. Ликование Папы вызвало у него добрую улыбку.

Чезаре не поехал с ними в Рим, и Альфонсо смог забыть о своих ночных кошмарах.

За окнами дворца Санта Мария дель Портико, на площади Святого Петра слышалась барабанная дробь. Там маршировали солдаты Его Святейшества. И хотя Папа не переставал радоваться новорожденному, все знали, что его войска готовятся к боевым действиям против людей, пришедшихся младенцу родственниками по отцовской линии.

Санча сейчас была в Риме — по просьбе Лукреции Александр разрешил невестке вернуться к мужу. Более того, вняв мольбам любимой дочери, он не только не препятствовал возвращению Санчи, но и встретил ее так, будто между ними ничего не произошло.

С приездом сестры Альфонсо воспрянул духом — в Риме у него было не так много друзей, а ей он доверял не меньше, чем супруге.

В тот же день состоялась пышная церемония крещения младенца. Во дворец Санта Мария дель Портико было приглашено множество знатных гостей, и ни одному из них не пришло бы в голову, что лишь накануне Папа подписал указ, объявивший недействительными все прежние права на владение городами Пезаро, Форли, Урбино, Имола и Фазенца — на том основании, что их хозяева не уплатили церкви подать за свои титулы.

Из дворца торжественная процессия направилась в

Сикстинскую капеллу, украшенную фресками Боттичелли и Перуджино.

Младенца нес прославленный испанский военачальник Хуан Червиллон, которого Лукреция считала одним из своих самых преданных друзей; маленький Родриго, завернутый в отороченную горностаем парчу, мирно поспывал в его могучих руках.

У алтаря архиепископ Козенцкий (Франческо Борджа) принял мальчика у Хуана Червиллона и поднес к купели, а кардинал Карафа совершил обряд крещения.

Затем по желанию Папы младенец был вручен одному из членов семьи Орсини — чтобы все присутствующие могли убедиться в дружеских чувствах, которые Александр питал к этому древнему роду.

Хитроумный замысел Его Святейшества испортил маленький Родриго. Безмятежно спавший все предыдущее время, он вдруг разразился истошным визгом и не переставал надрываться в крике до тех пор, пока его не передали в другие руки.

Кардиналы и епископы многозначительно переглянулись. Дурной знак, решили они. Борджа и Орсини следует остерегаться друг друга.

Затем начались неприятности, и они затронули всех. Даже Лукреция и Альфонсо не смогли остаться в стороне от тревожных событий, последовавших за крещением младенца.

На второй день после той торжественной церемонии к Лукреции зашел ее добрый приятель Хуан Червиллон. Он сказал, что уже давно не был на родине и хочет вернуться в Неаполь, чтобы повидаться с супругой и семьей.

— Непременно езжайте, Хуан, — сказала Лукреция. — Вероятно, ваши родные соскучились по вас так же, как и вы по ним.

— Сегодня я спросил разрешение у Его Святейшества, — задумчиво произнес он.

— И его вам дали?

— Да, но как-то неохотно.

Альфонсо, присутствовавший при их разговоре, заметил:

— Оно и понятно. Вы хорошо служили святому отцу.

— Я никогда не забуду, — сказала Лукреция, — что это вы, мой добрый Хуан, уговорили короля Федерико отпустить Альфонсо ко мне в Сполето.

— Я всего лишь был послем Его Святейшества.

— Но вы многое сделали для нас, Хуан. Пожалуйста, зайдите к нам попрощаться перед отъездом. Не отчаивайтесь, я вас не задержу — только возьму слово, что вы покинете нас ненадолго.

Он поцеловал ее руку.

— Обязательно зайду, дорогая Лукреция, — сказал он.

В тот день приехал Чезаре. Денег, отпущенных Его Святейшеством на военную кампанию, оказалось недостаточно, и он немало времени провел в Ватикане, обсуждая с Папой планы боевых действий.

Навестив Лукрецию, Чезаре сказал, что она неважно выглядит, и был резок с Альфонсо — как будто тот провинился перед ним, не уследив за здоровьем его сестры; на младенца он даже не взглянул.

Позже Лукреция услышала, что он настраивал Папу против маленького Родриго.

— Он ревнует, — сказал Альфонсо, и Лукреция заметила, что с приездом Чезаре в его глазах вновь появился страх. — Ему не нравится, что ты любишь меня, а Папа — нашего ребенка.

— А вот и ошибаешься, — возразила она. — Он просто перенервничал — ведь я все еще не оправилась после родов. В нашей семье всегда были сильны родственные чувства.

— Ах, какая дружная семья! — воскликнул Альфонсо. — Настолько дружная, что один брат убивает другого!

Она вздрогнула и посмотрела на него с таким болезненным видом, что он поспешил успокоить ее.

— Прости, Лукреция, я сказал не подумав. Повторил то, о чем болтают сплетники. Пожалуйста, забудь мои опрометчивые слова!.. Давай забудем обо всем и будем помнить только о нашей любви.

Но как можно было забыть об этих и других страхах, когда двумя днями позже случилась такая ужасная трагедия!

Узнав о ней, Альфонсо, бледный, с дрожащими руками, пришел к Лукреции.

— Бедный Хуан Червиллон, — простонал он, — никогда он не придет в Неаполь, куда так стремился! Жена и дети уже никогда не увидят нашего несчастного Хуана. Его убили вчера вечером, когда он возвращался домой после своего прощального ужина.

— Хуан... мертв? Но ведь он только вчера заходил к нам!

— Увы! В Риме умирают быстро.

— Кто совершил это ужасное злодеяние?

Альфонсо не ответил — только затравленно посмотрел на нее.

— Убийцу призовут к ответу, — сказала Лукреция.

Он покачал головой и с горечью произнес:

— В связи с этим событием кое-кто вспоминает смерть твоего брата, герцога де Гандиа. Он тоже погиб, когда возвращался домой с ужина. Хуана уже похоронили — в городском предместье, на кладбище Санта Мария дель Транспонтина. Говорят, никому не позволили даже взглянуть на его раны.

Лукреция закрыла лицо руками. Внезапно Альфонсо закричал срывающимся, почти истерическим голосом:

— Многие слышали, как незадолго перед смертью он едко вышучивал любовную связь Санчи и твоего брата Чезаре! А еще говорят, он знал слишком много секретов Папы!.. Его бы все равно не пустили из Рима!

Лукреция не отрывала рук от лица. Она не могла видеть отчаянных глаз своего супруга.

Известие о смерти Хуана Червиллона положило начало ужасу, который вскоре охватил весь город. Люди стали гибнуть один за одним — иных находили заколотыми на боковых римских улочках, после наступления темноты; тела других утром вытаскивали из Тибра; третьи умирали при весьма загадочных обстоятельствах. Последние были различны — от внезапного приступа удушья до мучительной агонии, продолжавшейся порой по несколько суток. И только одна закономерность объединяла эти смерти — всем им предшествовало угощение за столом Папы Римского Александра Четвертого.

Борджа вновь применяли свое испытанное оружие, и весь Рим знал его название: яд. На них работали специально обученные аптекари, которые приготавливали смертоносные зелья и порошки по рецептам, привезенным этой семьей из ее родного городка Эль-Бурго, что на стыке границ Наварры, Арагона и Кастилии. Говорили, что тайны приготовления самых изощренных ядов Борджа добыли у испанских монахов, издавна селившихся в тех местах.

Одной из жертв этого древнего оружия стал португальский епископ Фердинандо д'Альмаида, который вместе с Чезаре ездил во Францию и там был свидетелем его многочисленных унижений.

Между тем Чезаре со своими войсками уже одержал целый ряд блестящих побед и сейчас приготовился сосредоточить внимание на Форли — городе, что находился в руках графини Екатерины Сфорца, слывшей одной из храбрейших женщин Италии.

Екатерина полностью сознавала свою беспомощность перед превосходящими силами Чезаре. Имола, ее первое убежище, пала под натиском его войск; тогда она направила в Рим посланников с письмом, в котором просила Папу о милосердии.

Милосердия Александр проявлять не стал, поскольку считал Форли неотъемлемой частью будущего королевства Романья; он арестовал посланников и под пытками

заставил их подписать показания о том, что письмо графини Сфорца якобы было обработано ядовитым составом, способным мгновенно умертвить любого прикоснувшегося к нему человека.

Ватикан оцепенел от ужаса. Лукреция, едва услышав о злодейском покушении на отца, опрометью бросилась в апартаменты Папы, бесцеремонно растолкала слуг и упала в его объятия.

— Ну-ну, не плачь, — приласкал ее Александр. — Но что случилось? На тебе лица нет.

— Вас чуть не убили! — всхлипнула Лукреция.

— Ах, вот в чем дело, — улыбнулся он. — Право, я благодарен этой опасности. Приятно видеть, как мое возлюбленное чадо заботится о своем отце.

— Я не смогла бы жить без вас.

— Но ведь у тебя есть супруг! И ребенок!

Его глаза внимательно следили за ней. Он ожидал ответа: «Разве могут они быть для меня важнее, чем мой обожаемый святой отец, мой любящий и любимый родитель?»

Она поцеловала его руки, и он почувствовал на них ее горячие слезы. В какой-то степени они возместили отсутствие желанного признания.

— Все к лучшему, моя дорогая, — пробормотал он. — Все к лучшему. Эти злодеи получают по заслугам. Борджа никому не прощают своих обид.

— Никто не осмелится... — начала она.

И осеклась. Внезапно ей вспомнилось улыбающееся лицо Хуана Червиллона, который незадолго до гибели посмел непочтительно отозваться о ее брате Чезаре. А затем подумалось о множестве таинственных смертей, последовавших за его убийством.

В поход на Форли Чезаре выступил, твердо решив отомстить за покушение на жизнь его отца. Он должен был беспощадно покарать город, чья графиня осмелилась бросить вызов семье Борджа. Ей предстояло узнать силу, так долго таившуюся в их Пасущемся Быке.

Стоя на одной из башен замка, Екатерина видела, какое огромное и превосходно вооруженное войско штурмовало высокие стены Форли. Она понимала безнадежность своего положения, но без боя сдаваться не собиралась. Недаром ее величали храбрейшей женщиной Италии. Екатерина была незаконнорожденной дочерью герцога Галеаццо Мария Сфорца, и, таким образом, ее предком был прославленный кондотьер Франческо Сфорца. Шестнадцатилетней девушкой она вышла замуж за Джероламо Риарио — племянника Папы Сикста, который сделал его графом Форли. Жестокостям ее супруга не было предела, и однажды народ взбунтовался. Разъяренные крестьяне ворвались в замок, схватили графа, сорвали с него одежду и обнаженным сбросили с одной из башен. Позже ее выдали за Джакомо де Фео, который тоже слыл жестоким человеком и в результате тоже оказался растерзанным обезумевшей толпой; однако на этот раз Екатерина была уже старше — она собрала солдат и бросилась в погоню за убийцами своего супруга; в конце концов солдаты окружили их селение и по ее приказу разрубили на куски всех мужчин, женщин и детей, которые там жили. Вот каким характером обладала графиня Екатерина Сфорца.

Теперь она руководила обороной замка, стремясь достичь только одной цели — причинить наибольший урон войскам Чезаре. И с самого начала знала, что рано или поздно сопротивление будет сломлено.

Когда Чезаре со своими солдатами ворвался в замок, она встретила его в одиночестве — немолодая, но все еще соблазнительная красивая женщина, стоявшая посреди трупов и спокойно поправлявшая растрепанные волосы.

— Я сдаюсь, — с достоинством сказала она.

— За неимением иного выхода, графиня, — напомнил ей Чезаре.

Он подошел ближе и остановился, разглядывая ее; их глаза встретились — он ухмыльнулся.

Эта женщина пробовала отравить его отца. Так сказали ее посланники, когда их провели через камеру пыток. Что ж, он ей покажет, как вынашивать злодейские планы против семьи Борджа!

Екатерина внимательно смотрела на своего противника. Ей доводилось слышать рассказы о рыцарстве французов, и сейчас она вспомнила о галантном французском военачальнике Иве д'Аллегре, который отпустил невредимой попавшую к нему в плен Джулию Фарнезе.

— Я требую передать меня французской стороне, — сказала она.

— С какой стати? — продолжал ухмыляться Чезаре. — Разве вы не моя пленница? Даже и не мечтайте — я не отпущу вас.

В это мгновение Екатерина подумала о том, что она поступила правильно, когда усала прочь своих детей. Что касается ее самой, то в жизни ей выпало немало походов — недаром говорили, что, овдовев, она окружила себя мужчинами, готовыми на многое ради того, чтобы оказаться в ее постели.

Она поняла значение его ухмылки. Поняла, но не встревожилась; скорее — наоборот. Вот только не желала давать ему знать об этом. Слухи о его свирепости — как и грубые манеры — бросали вызов ее буйной натуре.

— Что вам от меня угодно? — предостерегающе подняв руку, спросила она.

Он отбил ее руку, и она вздрогнула.

— Воспользоваться правом синьора.

Глаза Екатерины яростно вспыхнули.

— Вам не хватает того, что вы насильно овладели моим городом?

— Вижу, вы отлично понимаете свое положение, — сказал Чезаре.

— Прошу вас оставить меня.

— Ваше дело — не просить, а покоряться силе, — снова ухмыльнулся он, на сей раз — похотливо.

Чезаре схватил ее за плечи. Внезапно эта женщина

напомнила ему Санчу. Его бывшая любовница умела ценить неистовые наслаждения.

Он громко крикнул:

— Эй вы! Оставьте меня наедине с графиней!

Она попыталась вырваться, и схватка началась.

Чезаре демонически хохотал. Пусть дерется — все равно ей никуда не деться! Будет помнить, что он взял приступом ее замок, — помнить и знать, что ни одна крепость не устоит перед ним.

Это было больше, чем сексуальное похождение, — это был символ.

В Рим Чезаре вернулся во время карнавалов, и горожанам представилась удобная возможность повеселиться, а заодно польстить Папе. Было много масок, изображающих победы Чезаре над его врагами; в честь него слагались баллады и поэмы, на улицах бродячие актеры наперебой превозносили добродетели этого отважного воина.

Чезаре пребывал в благодушном настроении. Судьба улыбалась ему. В присутствии Папы он танцевал с Лукрецией — и все танцы были испанскими. Он возобновил визиты к Санче, и весь Рим говорил, что они вновь стали любовниками. Гоффредо преклонялся перед братом и во всем старался ему подражать; он радовался тому, что его супруга доставляла удовольствие великому Чезаре, и считал своей огромной заслугой супружество, благодаря которому смог подарить Чезаре лучшую из всех любовниц, каких только доводилось тому иметь.

Что касается Санчи, то у нее были к нему смешанные чувства. Она и ненавидела его, и находила неотразимым, но, как и прежде, от ненависти страсть только разгоралась.

И лишь одно открытие неприятно поразило Чезаре. Лукреция уже не была прежней послушной, уступчивой девочкой. Мало того, Чезаре все чаще думал, что в свое время она могла оказаться более преданной супругу, чем ему, надежде и славе семьи Борджа.

Лукреция присутствовала на тех собраниях, где представители неаполитанской и миланской партии замыслили заговор против Чезаре! Лукреция, его родная сестра, чуть было не стала его врагом!

Чезаре замечал привязанность Папы к внуку. Если мальчик был в Ватикане, Александр непременно находил какой-нибудь предлог, чтобы выйти к нему. Играя с маленьким Родриго, он порой походил на старого ма-разматика, и его любовь к отпрыску Альфонсо уж во всяком случае не уступала чувствам к Лукреции.

У Чезаре возникли кое-какие подозрения, и он принялся скрупулезно вникать в положение дел в Ватикане. Муж его сестры был его врагом и имел большое влияние на Лукрецию, а та в свою очередь имела влияние на Папу.

Он стал строить планы, непосредственно касающиеся этого смазливового соплыка, за которого они выдали Лукрецию.

В Риме только один человек имел право повелевать чувствами Папы, и только одному мужчине должна была служить сестра этого человека.

Чезаре не мог мириться с создавшимся положением. Недаром его девиз гласил: «Цезарь не уступает никому».

Он был властителем Рима. Он был Цезарем.

Молнии с оглушительным треском раздирали темноту над Вечным Городом. Заканчивался праздник Святого Петра, а на улицах не было ни души: все горожане укрылись в домах, как только упали первые крупные капли ливня и прогремели первые раскаты этой небывало свирепой грозы.

Александр был в своих апартаментах. К нему пришли его камергер Гаспаро и епископ Капуанский, желавшие обсудить какие-то формальности одной дворцовой церемонии.

— Ну и темень! — взглянув окно, сказал Папа. — Пожалуй, тут не прочтешь и строчки.

— Буря свирепеет с каждой минутой, Ваше Святейшество, — заметил епископ.

— Придется зажечь свечи, — ответил Александр. — Смотрите-ка, дождь заливает в окна!

Гаспаро направился к двери, чтобы велеть принести свечи, а епископ подошел к окну, когда грянул очередной раскат грома и с чудовищным скрежетом обвалился кусок крыши, находившийся прямо над папским креслом.

Гаспаро закричал от ужаса. Опомнившись, он и епископ бросились в облако пыли, поднявшееся над тем местом, где несколько мгновений назад сидел Папа.

Оба задыхались и кашляли. Убедившись в том, что вдвоем им не поднять тяжелых брусьев, выскальзывавших из их рук, — под струями ливня пыль почти сразу рассеялась, — они кинулись за подмогой.

— Папа убит! — выбежав из апартаментов, крикнул Гаспаро. — Там обрушилась крыша, и его завалило камнями!

Слуги и стражники со всех ног помчались в папские покои, а очень скоро весь Рим облетела весть: «Папа мертв. Это Господь покарал Папу за все его злодеяния. Слава Богу, свершилось небесное правосудие!»

Народ стал готовиться к восстанию — что неизменно следовало за смертью очередного Папы. Самые мудрые забаррикадировались в своих домах; у ворот Ватикана встали отряды гвардейцев.

В апартаментах Папы слуги трудились в поте лица, разбирая осыпавшиеся камни и брусья.

— Не может быть, чтобы он выжил, — говорили иные.

Слуги крестились; увиденное казалось им делом рук самого Бога. Они только удивлялись тому, что Господь вместе с Папой не покарал его сына. Комнаты Чезаре, находившиеся над апартаментами его отца, были насквозь пробиты теми же балками, что обрушились на папское кресло; однако Чезаре вышел из своих покоев за несколько мгновений до того, как молния ударила в трубу и от сотрясения стала обваливаться крыша дворца.

Ворвавшись в комнату, где уже работали слуги, Чезаре ужаснулся. Внезапно он осознал, как много в его жизни значил отец. Если Папа умер, то выберут другого Папу — но что тогда будет с грандиозными планами Чезаре? Как он сможет осуществить их без помощи святого отца? Кто захочет считаться с ним, если за его спиной не будет стоять вся мощь католической церкви, олицетворяющая его родителем?

— О мой отец! — закричал он. — Вам нельзя умирать! Вы не умрете!

Вывхватив у кого-то топор, он с яростью бросился разбивать завал. Через несколько минут у него были в кровь изодраны руки, пот лился градом по всему телу.

— Господин мой, — вздохнул Гаспаро, — Его Святейшество не мог выжить.

Чезаре обернулся и с размаху ударил камергера по лицу.

— Работай, а не болтай! — завопил он. — Святой отец лежит под этими обломками, и он еще жив! Говорю вам всем, он еще жив!

Слуги стонали от напряжения, но повиновались его приказам. Наконец они растащили огромные брусья, и в грудe камней Чезаре увидел край отцовской мантии. С торжествующим криком он схватил его, и вскоре из-под обломков извлекли окровавленного Александра. Он был без сознания, но жив.

Чезаре немедленно скомандовал:

— Помогите мне отнести его на постель. Позовите лекарей. И поторапливайтесь! Если мой отец умрет, вы все отправитесь на тот свет.

Когда Чезаре встал на колени и принялся громко благодарить Бога и всех святых за спасение его отца, Александр медленно открыл глаза. Перед тем, как его вынесли из комнаты, он увидел своего сына и слабо улыбнулся.

Слуги переглянулись и задрожали. У них всех мелькнула одна и та же мысль: «Эти Борджа — не люди. Они наделены силами, о которых мы ничего не знаем».

Александр был живуч, как Титан. Через несколько дней после происшествия, которое оказалось бы роковым для большинства людей его возраста, он уже сидел на постели, бодро разговаривал со своими родственниками, принимал послов и вел все дела церкви и государства так же энергично, как и двадцать лет назад. И одному члену своей семьи он теперь уделял больше теплоты и ласки, чем всем остальным: его обожаемой Лукреции. Чезаре было известно об этом.

Александр знал о переживаниях Чезаре, но понимал он и то, что его недавние истерические вопли в немалой степени были обязаны спасительной папской парче, под прикрытием которой Чезаре мог продолжать осуществление своих тщеславных планов. Чезаре, как и любой мало-мальски сведущий в государственных делах итальянец, отдавал себе отчет в полной зависимости нынешней военной кампании от сохранности этого волшебного покрывала. У Чезаре были веские причины оберегать жизнь своего отца.

Однако совсем иной страх стоял в прекрасных глазах Лукреции. Милое бескорыстное дитя! Она и не думала о собственном будущем, когда дни и ночи проводила у постели израненного отца. Ее руки нежно касались его разгоряченного лба — в первое время у него был сильный жар, — а губы то и дело шептали: «Мой дорогой, бесконечно любимый отец, как бы я смогла жить без вас?»

Ему было приятно сознавать, что его сын умел ценить и наилучшим образом использовать отцовскую поддержку; однако чистая любовь Лукреции сейчас больше всего на свете радовала Александра.

Он пожелал, чтобы она одна ухаживала за ним, и ей пришлось покинуть дворец Санта Мария дель Портико. Она поселилась в Ватикане, рядом с его личными апартаментами, и теперь могла в любую минуту прийти на зов своего отца.

Ее переезд вызвал неудовольствие двух близких ей

людей — Альфонсо и Чезаре. Альфонсо — поскольку ему не позволили последовать за супругой, что могло означать ее будущую зависимость от отца и еще большее отдаление от мужа. Чезаре — потому что он увидел, насколько влияние Лукреции на Папу сейчас превосходило его собственное.

Чезаре ни на мгновение не забывал о причастности Альфонсо к неаполитанско-миланской партии, образовавшейся незадолго до французского вторжения. Он знал, что среди заговорщиков преобладали неаполитанцы и что последние до сих пор не переставали испытывать на прочность союз между Борджа и французами.

Задумываясь над той ролью, которую мог исполнять Альфонсо на тайных собраниях, проходивших во дворце Санта Мария дель Портико, Чезаре говорил себе, что его зять не только досаждал ему своим существованием. Он был опасен. Лукреция слишком сильно любила его — и имела слишком большое влияние на Папу. Что произойдет, если через нее Альфонсо пожелает воздействовать на решения, принимаемые Его Святейшеством?

Чезаре пришел к выводу о том, что вчерашний молодкосос стал его самым грозным врагом.

В тот юбилейный тысяча пятисотый год Рим испытал небывалое нашествие пилигримов. Христиане съезжались со всех частей Европы, и многие, как по причине бедности, так и набожности, проводили ночи, расположившись прямо под стенами собора Святого Петра.

Однажды Альфонсо допоздна задержался в ватиканских апартаментах Лукреции. Они были одни, и Альфонсо, в последний раз прощаясь с супругой, горько посетовал на необходимость уходить от нее.

— Дорогой, мой отец скоро поправится, — сказала Лукреция. — Тогда я буду жить с тобой во дворце Санта Мария дель Портико.

— Он уже достаточно здоров, чтобы ты могла покинуть его, — угрюмо возразил Альфонсо.

— Все равно, я нужна ему. Потерпи еще немного, мой дорогой супруг.

Альфонсо поцеловал ее.

— Мне очень не хватает тебя, Лукреция.

Она нежно прикоснулась к его лицу.

— А мне — тебя.

— Лукреция, ненаглядная моя! Без тебя каждая ночь кажется нескончаемой! И мне все время снятся эти.

— Твои кошмары, дорогой? О, если бы я была рядом — я бы рассеяла все твои страхи! Но... уже скоро, Альфонсо... может быть, на следующей неделе.

— Ты так думаешь?

Она кивнула.

— Я поговорю с отцом.

Они обнялись; время уже близилось к полночи, когда Альфонсо наконец покинул ее.

Со своим слугой Томазо Альбанезе и оруженосцем-неаполитанцем, поджидавшими его в передней, он вышел на площадь Святого Петра. Было темно и безлюдно, если не считать группы пилигримов, что расположились на ступенях собора.

— Вполне может быть, — обращаясь к Альбанезе, сказал Альфонсо, — что со следующей недели нам уже придется совершать эти ночные прогулки. Моя супруга переезжает в Санта Мария дель Портико.

— Разделяю вашу радость, мой господин, — ответил Альбанезе.

Они приблизились к пилигримам, осаждавшим собор Святого Петра. Альфонсо едва глянул ни на них — слишком обыденное зрелище те представляли собой. Однако когда он миновал их, сзади неожиданно началось какое-то движение, что-то зашелестело, послышался топот чьих-то ног, и опешивший Альфонсо со своими двумя слугами внезапно оказался окруженным.

Дальнейшее произошло в несколько секунд. Пилигримы сбросили свои изодранные плащи — и в темноте блеснули обнаженные шпаги. Альфонсо понял, что по-

пал в засаду. Но он был молод, силен и умел обращаться с оружием.

— Защищайся! — выхватывая шпагу, крикнул он.

Однако не успел он дать эту команду, как кто-то уже ранил его в плечо и горячая кровь хлынула на расшитый золотом атласный камзол.

Альбанезе и оруженосец обнажили шпаги и отчаянно отбивались от нападавших, но те обладали численным преимуществом, а Альфонсо уже истекал кровью.

Вот и еще одна рана — на сей раз в бедро. Альфонсо со стоном упал на землю. Тотчас двое нападавших подхватили его под локти и поволокли к стоявшей неподалеку лошади. Альбанезе и оруженосец Альфонсо бросились вдогонку, зовя на помощь ватиканскую гвардию.

За оградой папской резиденции послышался чей-то громкий крик, а затем — топот бегущих ног.

— Сматываемся! — во все горло крикнул один из нападавших, и все они, повскакав на коней, умчались прочь, прежде чем появился первый папский гвардеец.

— На нас напали! — закричал Альбанезе. — Нужно срочно осмотреть нашего хозяина!

Вдвоем они подняли Альфонсо и с помощью гвардейцев отнесли его в папскую резиденцию.

— Моя супруга... — теряя сознание, прошептал Альфонсо. — Отнесите меня к моей супруге... только к ней, ни к кому другому.

Лукреция сидела у постели своего отца, а Санча заботливо поправляла подушки под его головой, когда в роскошную спальню Папы Римского внесли окровавленного Альфонсо.

Лукреция испустила вопль ужаса и вместе с Санчей бросилась на колени перед супругом, которого слуги осторожно положили на пол.

— Альфонсо... дорогой мой! — закричала Лукреция.

Он задрожал и открыл глаза.

— Спаси меня, Лукреция, — прошептал он. — Не подпускай его ко мне.

Санча приказала слугам:

— Немедленно позовите лекарей. Пусть кто-нибудь из вас поможет нам донести его до постели. Да, принесите воды и жгуты. О, дорогой мой брат! Не бойся, мы спасем тебя.

Несколько мгновений Альфонсо смотрел на Лукрецию. Затем собрался с силами и внятно произнес:

— Я знаю, кто хотел убить меня. Это твой брат. Цезаре!

Его глаза закрылись, и каждый присутствовавший подумал, что он уже никогда не откроет их снова.

Его отнесли в личные апартаменты Папы, в комнату со стенами, расписанными Пинтуриккьо. С ним остались Лукреция и Санча. Они распоролли его камзол и остановили кровотечение; затем стали ждать лекарей, которые могли зашить раны.

— Нам придется по очереди ухаживать за ним, — сказала Санча. — Иначе он не выживет.

Лукреция согласилась. Она уже осознала обоснованность тех страхов, которые так омрачали счастье Альфонсо, и теперь была полна решимости выходить супруга. Она понимала, от кого предстояло защищать его.

— Я прикажу поставить еще две кровати в этой комнате, — сказала она.

— Правильно — для нас обеих, — кивнула Санча. — Если он переживет эту кошмарную ночь, мы сами станем готовить для него пищу, но отсюда будем выходить только поодиночке. Кому-то из нас нужно все время быть рядом с ним.

— Так и сделаем, — сказал Лукреция.

Их разговор был прерван появлением неаполитанского посла.

— Как состояние моего господина? — спросил он.

— Пока не можем сказать ничего определенного, — ответила Санча.

— Их Святейшеству угодно, чтобы я видел, как лекари будут зашивать раны.

Санча пожала плечами.

— Почему они так долго не идут? — воскликнула Лукреция. — Неужели не понимают, что дорога каждая минута?

Санча обняла ее.

— Дорогая сестра, — сказала она, — ты перевозбуждена. Крепись, скоро они будут здесь, и если ночь пройдет хорошо, то мы с тобой спасем его.

Когда лекари наконец пришли, посол встал рядом с Альфонсо, чтобы наблюдать за их работой, а Санча отвела Лукрецию в угол комнаты.

Там она тихо спросила:

— Лукреция, ты понимаешь, что это значит, что все это значит?

— Я слышала его слова, — ответила Лукреция.

— Нам придется бороться за него — бороться с твоим братом и моим любовником.

— Я знаю.

— Его бы сбросили в Тибр — как твоего брата Джованни. Тот же самый метод!.. Слава Богу, что на сей раз он не удался!

— Слава Богу! — прошептала Лукреция.

— Будут и другие попытки.

— И их постигнет та же участь!

— Папа придерживается иного мнения. Вот почему он вызвал ночью неаполитанского посла и велел ему посмотреть, как лекари будут зашивать раны. Он не хочет, чтобы через некоторое время в Риме стали думать, будто его врачи впрыснули яд в кровь Альфонсо. Но ты-то любишь его, да? Ведь он твой супруг — то есть, должен значить для тебя больше, чем кто-либо! Поэтому, я могу доверить тебе своего младшего брата?

— Могу ли я доверить тебе своего супруга?

Тогда они расплакались и принялись утешать друг дружку. Наконец Санча сказала:

— Сейчас не время слезам. Если он поправится, мы должны будем охранять его. Нам нужно беречь силы, Лукреция.

— Санча, дорогая моя, — всхлипнула Лукреция, — как хорошо в такое время иметь друга, на которого можно положиться.

Санча улыбнулась сквозь слезы.

На улицах стояли небольшие группы людей, обсуждавшие неудачную попытку покушения на Альфонсо Бишельи. Ватикан будоражили самые противоречивые слухи и предположения.

Жизнь Альфонсо все еще висела на волоске от смерти. За ним ухаживали две женщины. В углу его комнаты стояли две кровати, но они еще ни разу не были заняты одновременно. Женщины спали по очереди, сами готовили пищу на переносной печи — и ни на минуту не оставляли раненого без присмотра.

Санча потребовала, чтобы за дверями покоев постоянно находился кто-нибудь из прислуги — Альфонсо или ее собственной. Она послала гонцов к королю Федерико, и вскоре из Неаполя прибыли знаменитый хирург Галеано да Анна и личный врач Федерико, мессир Клемент Гактула.

Когда в перерывах между сном и беспамятством Альфонсо видел, что рядом с ним неотлучно находились Лукреция или Санча и что лечили его врачи, присланные королем Неаполя, он как будто чувствовал новый прилив сил, и это благотворно сказывалось на его состоянии.

Папе досаждало отсутствие дочери в его собственных больничных покоях. Он даже намекал на излишнюю мелодраматичность ситуации, когда две женщины так самоотверженно опекают одного выздоравливающего мужчину.

Александр не на шутку тревожился. Ему было хорошо известно, на ком лежала ответственность за нападение, а это значило, что он мог лишь делать вид, будто желал наказать людей, покушавшихся на его зятя.

Во всем Риме говорили, что, если Альфонсо опра-

вится после этой попытки убийства, то очень скоро последует другая — вероятно, более удачная. Всем было ясно, что за его жизнью охотится не кто иной, как Чезаре Борджа, окаянный Валентино.

Эти дни были невыносимо тяжелы для Лукреции. Могла ли она сейчас не вспоминать о тех жутких, мучительных временах, когда однажды услышала, что тело ее любовника нашли в Тибре? Она ведь знала, кто убил несчастного Педро — тот же самый человек, который пытался покончить с Альфонсо.

Порой Альфонсо начинал метаться в бреду, и тогда Лукреция бросалась к его постели, чтобы хоть немного успокоить супруга. Она понимала, какие кошмары не давали ему покоя; его губы не переставали шептать одно имя — Чезаре!

В конце концов Лукреция решила, что ей необходимо повидаться с братом; она должна показать ему, какие глубокие чувства питает к Альфонсо. Чезаре любит ее. Разве не были они близки друг другу? Разумеется, он откажется от своих смертоносных замыслов, когда узнает о ее безмерной любви к супругу.

Она оставила у Альфонсо Санчу и пошла к брату.

Чезаре обрадовался ее приходу — и в то же время насторожился.

— Дорогая моя сестренка, ты все реже даришь мне удовольствие видеть тебя!

— Я все время провожу у своего супруга.

— Ах, да. Как его самочувствие?

— Чезаре, он будет жить, если его противники не предпримут другую, более успешную попытку расправиться с ним.

— Возможно ли это, когда его опекают двое таких бдительных ангелов-хранителей? — улыбнулся Чезаре. — Моя очаровательная, ты выглядишь уставшей. Вам следовало бы немного отдохнуть. А еще лучше — отправиться со мной на верховую прогулку. Что ты скажешь о поездке... ну, например, в Монте-Марио?

— Нет, Чезаре. Я должна вернуться к супругу.

Он обхватил ладонями ее затылок и легонько сдвинул пальцами.

— У тебя нет времени на твою семью?

— Наш отец уже выздоровел, — сказала она, — тебе я сейчас не нужна, а мой супруг лежит при смерти. Ох, Чезаре! — Ее голос внезапно дрогнул. — Вокруг столько ужасных разговоров! Люди говорят...

Она заколебалась, и его пальцы крепче сдавили ее шею. Он приблизил к ней свое лицо — в глазах появился какой-то пугающий блеск.

— Ну, о чем же говорят люди? — спросил он.

— Они говорят, что за убийством герцога Гандийского и покушением на жизнь Альфонсо стоит один и тот же человек.

Она подняла голову и заставила себя посмотреть ему прямо в глаза.

— Чезаре, что ты на это скажешь?

Он сильно сжал губы. Затем шумно втянул воздух через нос и, наконец, твердо произнес:

— Если так, то, полагаю, у этого человека были веские основания для подобных действий. И мне думается, твой муженек заслужил свои раны.

До сих пор она пыталась убедить себя в том, что не Чезаре виноват в покушении на ее супруга, но теперь уже не могла поддаваться прежнему самообману.

Чезаре притянул ее к себе, и она внезапно почувствовала, что он всю жизнь смотрел на нее просто, как на прелестного домашнего котенка, с которым забавлялся в свое удовольствие, но всерьез считаться никогда не собирался. Он поцеловал ее.

— Тебе нужно отдохнуть, — повторил он. — Но я не буду настаивать на том, чтобы ты сегодня поехала со мной. Мне бы хотелось, чтобы ты сама изъявила такое желание.

— Это произойдет не раньше, чем поправится Альфонсо, — высвободившись из его рук, твердо ответила она.

— Ну что ж, — сказал он. — В таком случае тебе с Санчей придется запомнить: что не удалось сегодня, то может удалиться завтра.

Лукреция опустила глаза и промолчала. Ее горло сдавили спазмы, которые она приписала страху.

Вернувшись, она решила посоветоваться с Санчей.

— Я была у Цезаре и теперь знаю, что он не успокоится до тех пор, пока не убьет Альфонсо.

— Для меня это не новость, — ответила Санча.

— Он предпримет новую попытку. Что нам делать?

— Мы здесь для того, чтобы помешать ему.

— Санча, возможно ли это?

— Пока мы с тобой поблизости, едва ли кто-нибудь осмелится напасть на него. Цезаре под подозрением. Если кого-то поймают с поличным, то на допросе может открыться очень многое. А Цезаре в этом не заинтересован.

— Ах, Санча! Учитывая причастность Цезаре, мой отец постарается сделать так, чтобы никакого дознания не было.

— Все равно, совершить убийство здесь, в Ватикане, — это не так просто. Скорее, они будут ждать, пока он поправится, а потом попытаются заманить его в какое-нибудь тихое местечко. Тогда можно будет снова напасть на него. А сейчас... я думаю, что сейчас нам нужно оберегать его от яда.

— Санча, мне страшно. Такое же чувство я испытывала давным-давно, когда еще совсем маленькой девочкой шла вечером по какой-нибудь аллее и попадала в тень кустарника или деревьев — тогда мне казалось, что в темноте меня подстерегают дикие звери и призраки, которые вот-вот набросятся на меня.

— С одним существенным различием, — мрачно заметила Санча. — Сейчас нас подстерегают не призраки.

— Санча, мы должны увезти его из Рима.

— Я уже думала об этом.

Лукреция вопросительно посмотрела на нее.

— Как только он немного окрепнет, мы незаметно вынесем его отсюда. Переоденем в наряд одного из наших слуг и в повозке отправим к моему дяде Федерико. Полагаю, нам это удастся.

— Санча, спасибо тебе за все, что ты сделала для моего супруга.

— Который мне приходится братом, — напомнила Санча. — Послушай, Лукреция. Когда завтра придут врачи, нам нужно будет спросить их совета. Ты знаешь того маленького горбуна из прислуги Альфонсо?

— Это тот, что обожает Альфонсо, как родного сына, и с самого первого дня дежурит за этими дверьми?

Санча кивнула.

— Мы можем довериться ему. Он приготовит лошадей и повозку. Как только у Альфонсо затянутся раны, они вдвоем сбегут отсюда.

Лукреция сидела у постели Альфонсо и держала его за руку. Он только что очнулся от своих кошмарных сновидений.

Она нагнулась к нему.

— Альфонсо, мой милый, все хорошо. Это я... Лукреция.

Альфонсо открыл свои голубые глаза, и она почувствовала щемящую нежность к нему — у него был точь-в-точь такой же взгляд, как у маленького Родриго.

— Лукреция, — прошептал он, — побудь со мной.

— Я здесь. Я никуда не уйду. Постарайся заснуть, мой дорогой.

— Я боюсь заснуть. Лукреция, мне снятся кошмары.

— Знаю, любимый.

— Он все время здесь... в моих снах. Он стоит надо мной... с этой своей ухмылкой, с этим свирепым блеском в глазах... и с мечом, занесенным для удара. А на этом мече кровь, Лукреция. Не моя — твоего брата.

— Ты только сам себя мучаешь.

— Он не остановится до тех пор, пока не избавится от меня. Он твой брат, и ты любишь его. Слишком любишь. Твой отец защищает его. Вы все его защищаете.

— Я лишь об одном думаю, Альфонсо, — как защитить тебя и как уберечь от всех этих тревог. Послушай, мой дорогой, у нас есть план. Как только ты немного окрепнешь, мы незаметно вывезем тебя из Рима.

— А ты?

— Я уеду следом за тобой.

— Поезжай со мной, Лукреция.

— А наш ребенок?

— Мы должны ехать вместе. Хватит с нас разлук.

Она подумала — устроить побег для нас троих? Нет, слишком опасно: тройной риск! Но ей не хотелось расстраивать его, объясняя все трудности, с которыми им пришлось бы столкнуться. Пусть он мечтает об их побеге. Пусть его ночные кошмары сменятся счастливыми снами.

— Хорошо, — сказала она. — Мы уедем вместе.

— Лукреция, мне не терпится поскорей покинуть этот город. Навсегда — с тобой и маленьким Родриго. Но когда же?... Когда?

— Когда ты окрепнешь.

— Но ведь это будет еще так не скоро!

— Нет. Твои раны заживают. Врачи говорят — у тебя завидное здоровье. Теперь уже осталось недолго ждать. Вот об этом и думай, Альфонсо. Думай об этом все время.

Он послушался ее совета, и, когда заснул, на его губах появилась счастливая улыбка.

Альфонсо уже мог ходить по своей комнате. Иногда он сидел на балконе и разглядывал ватиканские сады или просто подставлял лицо солнечным лучам. Врачи сказали, что вскоре он сможет даже сидеть в седле.

Он с нетерпением ждал этого дня.

Сначала Санча и Лукреция помогали ему передвигаться, поддерживая под локти. Затем настал тот знаменательный день, когда он впервые вышел на балкон самотостоятельно.

— Ну, теперь уже совсем скоро, — прошептала Лукреция.

— Нужно подождать, пока он не окрепнет настолько, чтобы выдержать долгую поездку, — сказала Санча.

Они решили, что Альфонсо начнет делать физические упражнения, и он решил тут же испытать свои силы. Увидев стоявшего внизу маленького горбуна, который все время находился неподалеку от своего хозяина, он подозвал его и велел принести арбалет — ему хотелось проверить, хватит ли у него меткости подстрелить какую-нибудь птицу в саду.

Арбалет принесли, и он выстрелил.

Выстрел оказался неудачным, и горбун побежал в сад за стрелой.

Чезаре прогуливался в саду вместе с одним из своих командиров, доном Микелетто Кореллой. Внезапно ему на глаза попался горбун, державший в руке стрелу и направлявшийся к входу в здание.

— Это, случаем, не слуга моего зятя? — спросил Чезаре.

— Должно быть, он. Недаром же ваш зять стоит с арбалетом в руках. Взгляните-ка — вон на том балконе.

— Во имя всех святых! — воскликнул Чезаре. — Мы с вами едва избежали смерти!

Корелла улыбнулся вместе со своим начальником.

— Если бы стрела попала одному из нас в сердце, мы бы и впрямь не остались в живых. Ведь я не привык обходиться без ваших мудрых советов, мой командир!

— Значит, он покушался на мою жизнь!

— Никто не обвинит вас, мой командир, если в сложившихся обстоятельствах вы примете самые решительные ответные меры.

Чезаре положил руку на его плечо, и они дружно засмеялись. Им представился случай, которого оба так долго ждали.

Наступил полдень — время, когда почти все обитатели папской резиденции отдыхали от августовского зноя. Альфонсо лежал в постели. Утренние физические упражнения утомили его, и он спал, улыбаясь во сне. Лукреция и Санча сидели по обеим сторонам постели. Они дремали.

Внезапно за дверями комнаты послышалось какое-то движение, и Санча пошла узнать, что случилось. Лукреция последовала за ней. В коридоре они увидели солдат, те арестовывали прислугу Альфонсо.

— В чем дело? — строго спросила Санча.

— Простите за беспокойство, мадонна, — сказал Микелетто Корелла, — но эти люди обвиняются в заговоре против Папы.

— Это невозможно! — воскликнула Лукреция.

— Такова воля Его Святейшества.

— Какой такой заговор? — спросила Санча.

— Не знаю, мадонна. Я всего лишь исполняю приказ.

Он поклонился и в некотором замешательстве посмотрел на них, будто был смущен необходимостью расстраивать таких прелестных дам. Затем добавил:

— Его Святейшество отдыхает в своих покоях. Почему бы вам не сходить к нему и не попросить освободить этих людей, если вы так уверены в их невинности?

Санча и Лукреция помчались в апартаменты Папы.

Его там не было.

Тогда они внезапно переглянулись и, не сговариваясь, побежали в комнату Альфонсо.

И опоздали.

Альфонсо лежал поперек постели. На его горле остались синеватые пятна — от безжалостных рук Микелетто Кореллы.

ГЛАВА 3

ЗАМОК НЕПИ

Погребальная процессия остановилась у небольшой часовни на площади Святого Петра, а затем направилась к кладбищу Санта Мария делье Феббри. Было уже темно, и впереди шли двадцать факельщиков в черных плащах с балахонами. В тишине раздавались только звуки шагов и тихие голоса монахов, молившихся за душу покойного.

Дворец Санта Мария дель Портико погрузился в траур. Слуги говорили шепотом, встречаясь в коридорах, опускали покрасневшие глаза.

В покоях мадонны Лукреции не было слышно плача: она и ее золовка корили себя в случившемся и пытались утешать друг друга.

Санча то приходила в ярость, то вновь впадала в отчаяние.

— Как мы могли оказаться такими дурами? — воскликнула она.

Лукреция потупилась.

— Нам не следовало поддаваться на их уловку.

— Потратить столько сил, провести столько бессонных ночей, самим готовить пищу, выхаживать его, ни на минуту не оставлять без присмотра, а затем... оказаться такими дурами!

Лукреция закрыла лицо руками.

— Ох, Санча, меня не покидает ужасное чувство, что я приношу несчастье всем, кто меня любит.

— Глупости! — закричала Санча. — Они бы не посмели это сделать, если бы мы не оставили его одного. Во всем виновата только беспросветная тупость.

— Мы ведь отлучились совсем ненадолго.

— Ровно настолько, чтобы этот мерзавец успел задушить его.

— Он сказал, что, когда они вошли в комнату, у Альфонсо началось кровотечение.

— Кровотечение! — воскликнула Санча. — Ты что, не видела синяков у него на горле? Пресвятая Богородица, забуду ли я их когда-нибудь?

— Прошу тебя, Санча, не надо.

Внезапно в дверях показалась запыхавшаяся Лойзелла. Ее глаза грозили вылезти из орбит.

— Сюда идет Валентино, — пролепетала она. — Вот-вот будет здесь.

Дверь тотчас закрылась. У Лойзеллы не было ни малейшего желания кокетничать с Чезаре Борджа.

— Как он смеет! — воскликнула Санча.

Лукреция задрожала. Она не желала видеть его — боялась выдать чувства, которые не могла не испытать при встрече с убийцей своего супруга.

Послышался топот солдатских сапог, и, когда дверь снова распахнулась, двое солдат встали на страже. Затем в комнату вошел Чезаре.

Лукреция отвернулась. Санча с ненавистью и презрением посмотрела на него.

Он холодно усмехнулся.

Санча выпалила:

— Убийца! Как смеешь ты приходить сюда? Как смеешь осквернять наше горе?

Чезаре подошел к Лукреции.

— Правосудие свершилось, — ледяным тоном произнес он.

— Правосудие? — повернувшись к нему, медленно проговорила Лукреция. — Убийство человека, который никому не причинил зла, — это ты называешь правосудием?

Его лицо немного смягчилось.

— Что он никому не причинил зла, это не его заслуга. У него просто не хватило времени. Но он действовал так, что было ясно — либо он, либо я. Мне пришлось защищаться, вот и все.

— Он бы и пальцем тебя не тронул, — сказала Лукреция. — Не допустил бы, чтобы я страдала вместе с тобой.

— Дорогая сестра, у тебя слишком покладистый характер. Ты не знаешь, до чего людей доводят амбиции. Видишь ли, незадолго до смерти он покушался на мою жизнь. Хорошо еще, что я заметил его, когда он стоял на балконе и держал в руках арбалет!

— Он всего лишь стрелял в голубя — хотел испытать свои силы, — сказала Лукреция.

— Тебе нужен был предлог! — воскликнула Санча. — Вот ты и воспользовался этим случаем!

Чезаре явно игнорировал ее. Он продолжил:

— Существовал заговор... против меня... и против Папы. Дорогая сестра, ты позволила дурачить себя. Заговорщики собирались в твоих покоях — пока вы болтали о поэзии и искусстве, твой супруг и его друзья обсуждали планы военных действий. Его смерть была вполне своевременна.

— Так ты признаешь себя виновным в убийстве? — спросила Санча.

— Я признаю только то, что смерть Альфонсо Бишельи была угодна правосудию, — такая же участь ждет всех предателей. Лукреция, я пришел, чтобы сказать тебе следующее: вытри слезы и не оплакивай тех, кто замыслил заговор против твоего отца и брата. — Он взял ее за плечи. — Часть твоей прислуги уже находится под арестом. Так нужно, Лукреция. Девочка моя, не забывай того, что ты сама говорила, — кем бы мы ни были, прежде всего мы — Борджа.

Он хотел заставить ее улыбнуться, но выражение ее лица осталось каменным.

Она сказала:

— Чезаре, уйди. Пожалуйста, немедленно уйди.

Он опустил руки и, повернувшись, быстро вышел из комнаты.

Папа пригласил ее, руководствуясь самыми лучшими побуждениями, но принял довольно сухо: отрешенное выражение лица и безутешная скорбь в глазах Лукреции

отнюдь не пришлись ему по душе. Альфонсо умер; его уже ничто не вернет. А ей всего двадцать лет, она прелестна, как ангел, и он собирается устроить для нее брак не хуже прежнего. К чему же такой отчужденный вид?

Он поцеловал ее и на несколько секунд прижал к себе. Для возбужденного состояния Лукреции этого оказалось достаточно, чтобы вызвать у нее приступ иступленных рыданий.

— Ну хватит, хватит, дочь моя, — поморщился Александр. — Сколько можно лить слезы?

— Отец, я его так любила! — всхлипнула она. — Я во всем обвиняю себя.

— Ты... обвиняешь себя? Но это же глупо!

— Я поклялась смотреть за ним... и покинула его... оставила ровно настолько, чтобы подручные моего брата успели убить его.

— Мне не нравится этот разговор, — сказал Папа.

Она закричала:

— Но ведь это правда!

— Дитя мое, твой супруг предал нас. Он принимал наших врагов и вступил с ними в заговор. Он сам виноват в своей смерти.

— Отец, и вы можете сказать такое?

— Дорогая моя, я должен говорить то, что считаю правдой.

— В ваших глазах Чезаре не может сделать ничего дурного.

Он с потрясенным видом уставился на нее.

— Дитя мое, ты критикуешь нас — твоего отца и твоего брата — и все из-за своего слепого увлечения каким-то... чужаком!

— Он был моим супругом, — напомнила она.

— Он не был одним из нас. Ты меня изумляешь. Вот уж никогда не предполагал, что услышу от тебя такие высказывания!

Она не упала на колени и не стала молить о прощении, что непременно сделала бы несколько месяцев на-

зад, а вместо этого она продолжала стоять, сохраняя каменное выражение лица и ничуть не беспокоясь о том, какое неодобрение могла вызвать в своей семье, — так велико было ее горе, так опустошительно подействовала на нее потеря любимого человека.

— Отец, — наконец сказала она, — пожалуйста, разрешите мне пойти прилечь.

— Разумеется, ступай, если тебе так угодно, — сказал Папа таким холодным тоном, каким еще никогда не разговаривал с дочерью.

Александр никак не мог успокоиться. Положение сложилось довольно деликатное. Король Неаполя желал знать, каким образом погиб его родственник. Убийство герцога Бишельи сейчас обсуждалось во всех республиках и королевствах. Наверняка при этом вспоминалось убийство Джованни, герцога Гандийского. И говорилось примерно следующее: «Чезаре Борджа убил брата, а теперь и зятя. Кого же Валентино сделает своей следующей жертвой? Ясное дело, вступать в эту семью — небезопасно».

И вот в такой-то ситуации, размышлял Александр, нужно найти для Лукреции нового жениха; нужно — и все-таки придется подождать, пока улягутся слухи.

Но забудут ли когда-нибудь о позоре ее первого супруга и о смерти второго?

Прежний Александр обругал бы Чезаре за излишнюю поспешность действий, благодаря которой все поняли, кто убил его зятя. Нынешний Александр поступил иначе — воспользовался своим хитроумием, чтобы найти оправдание сыну.

Он позвал Чезаре, и они поговорили на эту тему.

— Чадо мое, сейчас к нам присматриваются во всех республиках и королевствах Италии, — начал он. — Многие полагают, что против нас не было никакого заговора, что Альфонсо ни в чем не провинился и что убийство было совершено из ненависти.

— Какое нам дело до их мнений?

— Всяким действиям, сын мой, лучше придавать видимость благих намерений. Альфонсо был просто глупым мальчишкой, но он был принцем Неаполя.

Чезаре щелкнул пальцами.

— Вот он и получил свой урок этот Неаполь со всеми своими ублюдочными принцами и принцессами.

— Нам нужно думать о будущем, Чезаре. Никто не должен говорить, что принц Неаполя... или, к примеру, Милана... или Венеции... может приехать к нам в Рим, каким-то образом вызвать наше недовольство, а потом расстаться с жизнью. Иначе, когда мы пожелаем пригласить к себе такого принца, он не будет спешить с приездом в Рим, что, конечно же, огорчит нас. Нет! Все эти люди должны зарубить себе на носу, что Альфонсо организовал заговор против тебя, и тебе пришлось принять ответные меры, прежде чем он смог бы тебя убить. Ты арестовал его слуг?

— Они сейчас в замке Сан-Анджело.

— Пусть там и остаются. Тебе предстоит провести допросы по этому заговору и кое-какие показания послать в Неаполь, как, впрочем, и в Милан. А еще лучше — распространить их по всей Италии.

— Считайте, что с этим делом уже покончено, — проворчал Чезаре.

— Нет. С подобными делами не может быть покончено до тех пор, пока остаются свидетели.

— Хорошо. Я это сделаю... в подходящее время.

— Ну вот и превосходно, сын мой. Полагаю, подходящее время наступит до твоего отъезда в армию.

Чезаре вдруг сжал правую руку в кулак и ударил по левой ладони.

— И подумать только! — воскликнул он. — Моя родная сестра снова будет препятствовать нам!

— Она очень любила своего супруга.

— Она любила нашего врага!

Папа тяжело вздохнул.

— Увы! Грустно сознавать, но в своем горе она, кажется, совсем забыла о наших интересах.

Чезаре пристально посмотрел на отца. Еще совсем недавно Лукреция была его любимым ребенком, и Чезаре мог поклясться, что в Ватикане она пользовалась большей благосклонностью, чем кто-либо. Сейчас Папа уже не восторгался своей дочерью. Странное дело — Чезаре должен был совершить убийство, чтобы уменьшить отцовскую зависимость от сестры. Глупая Лукреция! Она могла бы править Италией, для этого от нее требовалась лишь любовь к отцу — ее чистая, бескорыстная любовь, и больше ничего. Ей же понадобилось показать, что ее скорбь по убитому супругу превосходит любовь к родителю — и Александр, который всегда избегал неприятных впечатлений, отвернулся от своей чрезмерно эмоциональной дочери.

— Не могу отделаться от мысли, что этот супруг околдовал ее какими-то чарами. Когда он был жив, мы не удосужились повлиять на нее должным образом. Теперь она так убивается по нему, что об этом знает весь Рим. И народ — это сборище сентиментальных бездельников — уже плачет вместе с ней и вопит о расправе над человеком, который избавил Рим от предателя. — Чезаре повысил голос. — Санча и она... они только и делают, что утирают друг дружке слезы да причитают о его добродетелях. И вот, дорогой отец, Лукреция Борджа — моя сестра и ваша дочь — уже готова вместе со всеми взывать о расправе над своим родным братом!

— Она никогда не будет взывать к расправе над тобой, Чезаре. Она любит тебя, какие бы минутные увлечения ею ни владели.

— Уверяю вас, сейчас она не думает ни о ком кроме своего мертвого супруга. Разлучите их, отец, — вдвоем они причинят нам немало хлопот. Отошлите Санчу обратно в Неаполь. А Лукрецию — куда-нибудь еще. Ничего хорошего ее присутствие нам не сулит.

Папа ответил не сразу.

Он думал: пожалуй, здравая мысль. Действительно, пусть ненадолго уедет от нас. Пусть немного успокоится. В душе-то она все равно Борджа, — такая же, как и все мы. Лукреция, как бы сейчас ни страдала, не будет слишком долго оплакивать человека, которого не вернуть ни слезами, ни упреками. Небольшой отдых в каком-нибудь тихом уголке Италии — и она уже затоскует по Риму, по своей семье. Была ли она когда-нибудь счастлива без них?

Наконец он сказал:

— Ты прав, мой сын. Санча вернется в Неаполь. Что касается Лукреции, то она тоже уедет из Рима. Полагаю, недолгое пребывание в замке Непи благотворно подействует на ее расстроенные нервы.

И вот Лукреция покинула Рим и поехала по дороге Кассия, что вела через Фарнезе, Баккано и Монтеросси, — на север, в величественный и суровый замок Непи.

Расположенный на горном плато с многочисленными окружающими его ущельями и утрюмыми отвесными скалами, этот замок был будто создан для того, чтобы навевать мысли о бренности человеческих страстей перед лицом могущественной природы. Однако Лукреция осталась равнодушной к его мрачному и грозному виду. Сейчас ей хотелось только одного — одиночества.

На ней всегда были черное платье и черная вуаль, а на ее столе появлялась только глиняная посуда. На долгие часы она запиралась в своих покоях и предавалась воспоминаниям о тех счастливых годах, которые провела вместе с Альфонсо — заново переживала их первую встречу, свадебную церемонию, рождение маленького Родриго. Мальчик жил вместе с матерью, и, видя его, Лукреция тщетно старалась забыть ту страшную минуту, когда она вместе с Санчей вернулась из апартаментов Папы и нашла супруга распростертым на постели, бездыханным, убитым.

Страдания и безутешная скорбь ни на мгновение не

покидали ее. Подписывая бумаги, она отныне именовала себя Несчастной Принцессой Салернской.

За развитием событий Джованни Сфорца следил с нарастающим ужасом. Он знал: что произошло со вторым супругом Лукреции, то могло случиться и с первым. Опозоренный Папой и так долго проклинавший его жестокость, он теперь понимал, что прежде недооценивал свое положение — ему-то, по крайней мере, сохранили жизнь.

Сохранили, но не гарантировали.

Чезаре Борджа намеревался основать для себя герцогство Романья, а одной из важнейших крепостей этого герцогства предстояло стать городу Пезаро, синьором которого был Джованни Сфорца.

Вот и сейчас, в солнечный сентябрьский день, ему принесли очередное сообщение о том, что Чезаре неуклонно продвигается вперед. Увы, он знал о своей беззащитности перед ним. А что ждет Джованни Сфорца, когда он лицом к лицу встретится с Чезаре Борджа? Чезаре, убивший второго супруга своей сестры, едва ли воздержится от расправы над первым. Какую смерть сулят ему обагренные кровью руки Чезаре? Ведь именно он, Джованни, пустил по свету рассказы о скандальных интимных связях в семействе Борджа. Правда, кое-какие слухи о них всегда ходили, но досужей молве он придал характер достоверных сведений.

Если они ославили его импотентом, то он заклеил их позорной печатью кровосмешения.

Вне всяких сомнений, чем ближе подступали войска Чезаре, тем менее подходящим местом для него становился замок Пезаро.

Куда он мог податься?

В Милан? Милан снова захватили французы, и его родственник Лудовико оказался в плену у Луи. Тогда он подумал о мантуйском роде Гонзага — ведь его первая супруга была сестрой Франческо Гонзага, того самого маркиза Мантуанского, который во время предыдущего

французского вторжения так много сделал для освобождения Италии от несметных полчищ короля Карла Восьмого.

Итак, Джованни Сфорца отправился в Мантую, где был радушно принят Изабеллой д'Эсте, супругой прославленного Франческо Гонзага.

Изабелла недаром слыла одной из самых умных, образованных и красивых женщин Италии. Пожалуй, единственным ее недостатком была чрезмерная властность, происходившая от высокомерного пренебрежения ко всем итальянским фамилиям, кроме наиболее знатной и древней — то есть ее собственной, Эсте.

Десять лет назад, когда они поженились, Франческо обожал ее. Тогда она казалась ему самым совершенством, идеальным сочетанием проницательности и неотразимости. Что касается ее самой, то Изабелла всего лишь терпела его. Она недовольно морщилась, глядя на его высокую, хорошо сложенную фигуру, которую он унаследовал от своих германских предков, — черты, отличавшие Гогенцоллернов, не укладывались в ее представления о мужской красоте. Его нос был приплюснут; глаза — водянисты; лоб — слишком широк. Обаяние супруга ничуть не трогало Изабеллу, и она искренне удивлялась, когда таковое замечали другие женщины.

Вскоре у Франческо появилась потребность во внебрачных любовных связях — во-первых, он был человеком исключительно чувственным, а во-вторых, мужчины, не имевшие любовниц, в его время зачастую обвинялись в импотенции.

Но даже это не поколебало ее безразличного отношения к супругу. Какое ей было дело до его любовниц, если только она могла рожать достойных наследников своей и его семьи?

Молва о недюжинном характере Изабеллы окрепла, когда сразу после рождения одного из ее детей обнаружилось, что это была девочка, — тогда она встала с постели и хладнокровно вытащила младенца из чудесной,

украшенной золотом и серебром колыбельки, которая по указанию матери готовилась для мальчика.

Она была волевой женщиной — гордой, красивой, остроумной и всеми почитаемой, но лишь немногими любимой.

Изабелла слышала о женщинах, пользовавшихся покровительством Папы, — слышала и завидовала им. Вот почему она решила не отказывать в убежище перепуганному Джованни Сфорца, когда тот прискакал в Мантую и попросил защитить его в минуту опасности.

— Моя дорогая маркиза, — припав к ее руке, сказал он, — я прибыл к вам, как последний нищий. От всех былых владений у меня осталась лишь надежда, что брат моей незабвенной Мадалены не прогонит меня.

— Разумеется, мы не прогоним вас, — сказала Изабелла. — У нас вы найдете надежное и спокойное пристанище. Должно же в Италии быть хоть одно место, где смогут приютиться люди, пострадавшие от этих возмутительных Борджа.

— Как счастлив я слышать ваши слова, маркиза!

Изабелла бросила на него пренебрежительный взгляд — он был слабым мужчиной, а она презирала слабость. Тем не менее ей хотелось представить его своему небольшому двору и из первых уст услышать рассказы о бесстыдствах Папы Римского.

На следующий день Изабелла собрала у себя всех своих самых знатных друзей, среди которых не было только герцога Гонзага, и после довольно долгих разговоров о литературе и политике объявила, что присутствующий здесь Джованни Сфорца, имевший опыт близкого общения с семьей одного из наиболее могущественных людей Италии, сможет сказать им, насколько правдивы слухи о распутности Папы и его детей.

И Джованни начал отвечать на вопросы Изабеллы.

С Лукрецией его вынудили развестись! Почему? Да потому что Его Святейшество терпеть не мог супруга своей дочери, с которой состоял в порочной близости. Брак

не был свершен? Ложь! Наглая ложь! Консумация их супружества была полной и многократной. И эта невинная златокудрая Лукреция, что посмела встать перед собранием важных духовных лиц и поклясться в своей целомудренности, на самом деле оказалась беременной. Но ребенок был не его.

В покоях мантуанского замка гремели раскаты хохота. Отзвуки старых скандалов вдруг получили новую силу, и Джованни почувствовал, что в какой-то мере это льстило его самолюбию. Он не мог воевать с Цезаре на поле боя, но мог сражаться с ним при помощи языка.

Лукреция почти все время проводила у колыбельки своего сына. Он помогал ей переносить горе, но она всякий раз плакала, когда замечала в нем черты Альфонсо и думала о том, что маленький Родриго больше никогда не увидит своего отца.

Служанки уже отказались от попыток утешить ее; они жалели, что их госпожу разлучили с мадонной Санчей. У той было свое несчастье, но все-таки эти две дамы умели находить общий язык.

И вот однажды в покои Лукреции вбежал запыхавшийся паж. Он торопился сообщить, что к замку приближаются солдаты.

Она убрала с лица волосы, поправила платье и подошла к окну.

Ее глазам предстало великолепное зрелище. Солдаты шли в ярких мундирах, со сверкающими на солнце знаками отличия. Они двигались безукоризненно ровными рядами и пели бодрую походную песню. Впереди развевались желтые и красные знамена. В какой-то момент песня стихла; герольды на своих серебряных трубах громко заиграли триумфальный марш.

А затем она увидела его. Он ехал во главе всех колонн — кондотьер в своем ослепительно роскошном наряде, — и ее сердце учащенно забилося от гордости за него. Впервые за последние шесть недель Лукреция улыбнулась.

Она поспешила вниз — встречать брата.

Он прыгнул с коня, передал поводья одному из своих многочисленных слуг. Потом подбежал к ней, подхватил на руки и расхохотался.

Несколько мгновений она разглядывала его. Наконец обняла и воскликнула:

— Чезаре... ах, Чезаре!

Но тут же вспомнила апартаменты в резиденции Борджа и обмякшее тело Альфонсо, лежащее поперек кровати.

— Зачем ты здесь? — помрачнев, спросила она.

— Странный вопрос, сестренка! Мог ли я проходить всего в нескольких милях от твоей крепости и не поддаться такому неодолимому искушению, как встреча с тобой?

— Я не ждала тебя.

Он поставил ее на ноги и с улыбкой сказал:

— Я проголодался. Мы все проголодались. Ты накормишь нас?

Она подозвала карлика, который стоял неподалеку и с удивлением наблюдал за ними.

— Ступай на кухню и скажи — пусть приготовят все, что есть. Видимо, нам придется накормить целую армию.

Карлик побежал в замок. Чезаре повернулся к своему ординарцу и приказал найти в городе подходящие помещения для постоя. Точнее, для ночлега, потому что завтра утром они снова отправятся в путь.

Когда ординарец ушел, он попросил провести его в ту комнату, где она проводит наибольшую часть времени. Они поднялись в ее покои и встали у окна, разглядывая гористые окрестности замка Непи.

— Как ваши военные успехи? — спросила она Чезаре.

— Все идет по плану, — ответил он. — Скоро у меня будет собственное королевство.

— Вот видишь. Разве я не говорила, что твои желания когда-нибудь сбудутся?

— Говорила, сестренка.

— Я ведь до сих пор помню, как ты бранил свою кардинальскую мантию.

— О, все эти жизненные неурядицы когда-нибудь проходят, — с жаром проговорил он. — Когда мы стоим лицом к лицу с ними, они кажутся громадными, непреодолимыми препятствиями, — а издаലെка выглядят всего лишь незначительными помехами на нашем пути. Вон гора Витебро — посмотри на нее! Сейчас ее можно принять за какой-то туманный мираж. А подойди поближе, встань под отвесными склонами — это будет совсем другое дело!

Она улыбнулась. Он взял ее за подбородок и повернул лицом к себе.

— Так будет и с тобой, сестренка.

Она покачала головой и отвела взгляд от его глаз. На какое-то мгновение в них вспыхнула злость.

— Неужели тебе еще не надоело лить слезы? — с досадой спросил он. — Лукреция, ты ведешь себя неразумно.

— Я любила своего супруга, — ответила она. — Ты не любишь свою жену и поэтому не можешь понять, почему я так переживаю его смерть.

Он вдруг рассмеялся.

— Прежде чем я тебя покину, — сказал он, — ты станешь такой же веселой, как и прежде.

— Я слышала, ты собираешься провести здесь всего од ну ночь.

— Это ничего не значит. Все равно до моего отъезда ты перестанешь думать о своем супруге. Прекрати думать о нем, Лукреция. Прекрати сейчас же.

Она отвернулась.

— Чезаре, — сказала она, — тебе меня не понять.

Он сменил тему.

— Я прикажу подать ужин прямо сюда, в эту комнату призраков. Мы будем ужинать вдвоем — ты и я. Что ты на это скажешь?

— Все лучше, чем сидеть за столом с твоими слугами.

Он принялся ходить из угла в угол.

— Не такой я представлял себе нашу встречу. Мне-то казалось — ты обрадуешься, споешь что-нибудь для меня и моих подчиненных, подарíš нам веселый, счастливый вечер, о котором мы вспоминали бы, идя на бой с врагами!

— Чезаре, для веселья у меня нет никакого настроения.

Тогда он подошел к ней и взял за плечи.

— И все-таки, клянусь, до моего отъезда твое настроение изменится.

Лукреция стояла, не отворачивая лица от брата. Она думала: прежде я испугалась бы его в таком состоянии духа; теперь мне уже все равно. Умер Альфонсо, мой супруг и любовник. А если он умер, то мне нет никакого дела до того, что случится со мной.

В комнате накрыли небольшой стол. Для Чезаре поставили серебряные блюда, для Лукреции — глиняные.

Чезаре нахмурился и позвал слугу.

— Это что такое? Почему из этого должна есть твоя госпожа?

Слуга задрожал от страха.

— Если так угодно благородному господину, мадонна Лукреция желает в знак ее вдовства питаться из глиняной посуды.

— Безобразие, — сказал Чезаре.

Лукреция обратилась к слуге.

— Оставь эти блюда. Пока не кончится траур по моему супругу, я буду есть только с глиняной посуды.

— Дорогая сестра, ты не будешь есть с глиняной посуды, покуда с тобой за столом сижу я.

— Чезаре, я вдова. Мне положено соблюдать траурные обычаи.

— Эти обычаи положено соблюдать, когда существуют причины для траура, — сказал Чезаре.

Он снова позвал слугу.

— Еще один серебряный прибор, — с улыбкой командовал он.

И на столе появилось еще одно серебряное блюдо.

Какая разница? — подумала Лукреция. Теперь уже ничего не имело значения. Разве траурные обычаи могли вернуть Альфонсо? Разве ему станет хуже, если она поест с серебряной посуды?

К ужину Лукреция почти не притронулась.

— Неудивительно, что ты так похудела, — сказал Чезаре. — Увы, у меня не будет ни одного доброго известия для нашего отца.

— Прошу тебя, не расстраивай его рассказами о моем плохом самочувствии.

— А я прошу тебя воспрянуть духом! Подумай о своем здоровье! Сколько можно раскисать в этом унылом месте?

— Для меня оно не хуже, чем любое другое.

— Лукреция, оставь свой бесполезный траур. Этот парень умер. Его уже не вернуть. Понимаешь — не вернуть! Поэтому я требую, чтобы ты поела. Ну, давай... у вас здесь превосходные повара. Я приказываю тебе — ешь! Учти, я буду настаивать до тех пор, пока ты не научишься послушанию.

— Я уже вышла из того возраста, когда меня кормили с ложечки, — сказала она.

И подумала: Господи, как давно это было! Она даже испугалась, будто призрак убитого Джованни вдруг появился в этой комнате и встал у стола, рядом с призраком Альфонсо.

Но если их тени и впрямь потревожили ее, Чезаре ничуть не обеспокоился. Он убил ее супруга и их брата — и не испытывал ни малейших угрызений совести. Когда Чезаре было необходимо избавиться от людей, он от них избавлялся. А когда они исчезали — переставал о них думать.

— Тогда представим, что ты в детской, — сказал он. Она посмотрела ему в глаза.

— Тогда здесь был бы Джованни.

— Бывали счастливые дни, — возразил он, — когда за столом сидели только ты и я. Давай вообразим, что сейчас — один из таких дней.

— Я не могу! — неожиданно закричала она. — Не могу! Когда я думаю о детской, то все равно вспоминаю Джованни, — так же, как все остальное время вспоминаю Альфонсо!

— Лукреция, ты ведешь себя, как какая-то истеричка. А это вовсе не то, что мне требуется от тебя. Давай, Лукреция, будешь моей нежной сестрой. Я здесь — я, Чезаре. Я спешил к тебе с одной-единственной целью — заставить тебя забыть о твоём трауре. И сейчас ты начнешь с того, что будешь есть ужин и пить со мной вино. Ну же, Лукреция, стань снова моей нежной и любящей сестренкой.

Внезапно он улыбнулся, заговорил о ее прежней любви к нему, и она ненадолго забыла о том, что его руки были обогреты кровью Альфонсо, — а потом удивилась тому, что могла забыть об этом.

Под его пристальным взглядом Лукреция принялась за еду. Кое-как ей удалось запихнуть в рот и проглотить содержимое серебряного блюда.

Он наполнил кубки вином и поднял один из них.

— За тебя, моя любовь! За твое будущее! Пусть оно будет счастливым и славным.

— И за тебя, брат.

— Итак, за наше с тобой будущее — ведь оно у нас одно на двоих.

Он встал из-за стола, подошел к ней. Затем взял ее за плечи и привлек к себе.

Она подумала: он — величайший человек Италии. Когда-нибудь это все признают. И он — мой любящий брат, что бы ни делал с другими. Разве я могу не любить его, что бы он ни делал со мной?

Прежние чары уже начали овладевать ею, и они оба это понимали. Чезаре был доволен — он решил, что сегодня ночью проведет ее по шаткому мостику, соеди-

няющему прошлое и будущее, а когда она будет спасена, он заставит ее оглянуться назад и увидеть, что прошлое так же туманно и призрачно, как гора Витебро за окном замка Непи.

После ужина они беседовали за столом.

Чезаре желал, чтобы Лукреция вернулась в Рим. Здесь ей не место, говорил он. Она молода — всего лишь двадцать лет. Неужели же собирается всю жизнь проливать слезы над тем, чему не суждено было быть?

— Я бы хотела остаться здесь еще на какое-то время, — сказала она. — Здесь я наслаждаюсь одиночеством.

— Одиночество! Ты создана для компании. Возвращайся в Рим. Наш отец скучает без тебя.

— Ему не нравится видеть меня в трауре.

— Ну так избавься от траура! Он желает радоваться твоему хорошему настроению.

— Увы, это ему не удастся. А потому я останусь там, где смогу по-прежнему предаваться своему горю.

— Вызванному смертью какого-то ничтожества?

Она встала из-за стола.

— Я не буду слушать такие слова.

Он тоже встал и загородил ей дорогу.

— Ты будешь слушать все, что я тебе скажу, — твердо произнес он.

Затем намотал на палец прядь ее волос.

— Лукреция, они уже не такие золотистые, как прежде.

— Мне это безразлично, — сказала она.

— А твоё платье? — продолжил он. — Оно скорее похоже на халат какой-нибудь старухи! Где все твои чудесные наряды?

— Не знаю. Может быть, в Риме.

— Послушай, дитя мое, скоро у тебя будет новый супруг.

— С которым ты обойдешься так же, как и с прежним? Уж не думаешь ли ты приманивать меня мужьями, как ребенка — лакомствами?

— Кстати, о детях. Где твой ребенок?

— Спит.

— Я еще не видел его.

В ее глазах мелькнул ужас. Чезаре заметил его и удовлетворенно улыбнулся. Теперь он знал, как сломить упрямство своей сестры.

— Мой ребенок не должен интересоваться тобой, — поспешно сказала она.

Чезаре лукаво прищурился.

— Он сын своего отца.

— Его дед... обожает внука.

— Сейчас — может быть. Но тебе и самой известно, как переменчивы его чувства.

— Чезаре, — угрожающим тоном сказала она, — не пытайся причинить вред моему ребенку!

Он положил руку на ее плечо и состроил гримасу отвращения.

— Какая мерзость, — кивнув на ее платье, проговорил он. — Совсем не идет моей очаровательной сестренке. Не бойся. Твоему ребенку ничего не грозит.

— Если кто-нибудь попробует его убить, как убили его отца, то учти — сначала нужно будет убить меня.

— Ну-ну, не распаляйся. Альфонсо был предателем. Он охотился за моей жизнью — вот мне и пришлось остановить его. Но с детьми я не воюю. Лукреция, постарайся быть чуточку посерьезней. И благоразумней, чем сейчас. Тебе предстоит вернуться в Рим, а там ты должна выглядеть такой же, как всегда. Тебе нужно изумлять всех своими нарядами, стать прежней веселой Лукрецией. Пусть в Рим вернется моя радостная и счастливая сестра, а плачущая вдова останется здесь.

— Я не смогу выполнить твою просьбу.

— Сможешь, — сказал он.

И настойчиво повторил:

— Сможешь!

— Никто не заставит меня поступиться моей волей.

Он взял ее за подбородок.

— Я заставляю, Лукреция.

У нее перехватило дыхание, а он снова засмеялся — самоуверенно, торжествующе. Весь ужас прожитых лет вдруг принял знакомые, зримые очертания — она жила в страхе и любила страх так же, как любила его. Она не понимала себя, его тоже. И знала только одно — что они из семьи Борджа и что связывавшие их узы нерушимы, пока продолжается жизнь.

Она едва не падала в обморок — от страха и предвкушаемого удовольствия. Два образа в ее мыслях смешивались и становились неотличимы один от другого. Чезаре, Альфонсо. Чезаре, Альфонсо.

От одного из них ей нужно было избавиться. Если бы это удалось, ее страдания уменьшились бы наполовину.

Широко открыв глаза, она все смотрела и смотрела на Чезаре. А Чезаре улыбался — нежно, но в то же время и властно, как будто держал ее за руку и уверенно вел по пути к неизбежному.

Он уехал, и она осталась одна.

Все вокруг теперь выглядело по-другому. У окрестностей замка уже не было прежнего сурового вида. Она часто стояла у окна и смотрела на проступающую в дымке гору Витебро.

Чезаре отправился в путь за новыми победами. Ему предстояло одержать их еще немало, и все они принадлежали ей.

Порой она горько плакала. А порой торжествовала.

Как могла она подумать, что будет жить одна? Они все были членами семьи Борджа, а это значило, что их связывала страсть, неведомая никому другому.

И все-таки ей было страшно.

Самые противоречивые чувства охватывали ее. Она вымыла волосы и приказала привезти свои лучшие платья — но, взглянув в зеркало, была потрясена тем, что увидела в нем. Ей казалось, что глаза выдавали ее тайну.

Ей хотелось быть в Риме, вместе с отцом. Когда-нибудь туда приедет и Чезаре.

Она думала об их семейных узах как о чем-то бесконечно сокровенном, но в то же время и порочном, ужасающем, зловещем. Иногда ей не терпелось еще туже опутать себя этими узами — и мечталось навсегда вырваться из них.

Ее часто посещала одна и та же мысль: я не буду знать покоя до тех пор, пока не сброшу с себя эти путы; мне нужно быть такой же, как все остальные люди. Ах, если бы был жив Альфонсо! Если бы они могли вместе бежать из Рима и зажить безоблачной, счастливой жизнью!

Размышляя о своем будущем, она содрогалась. Цезаре безжалостно разрушил всю ее скорбную умиротворенность, сделал невыносимым дальнейшее пребывание в замке Непи.

Меньше, чем через месяц после его визита, она позвала слуг и сказала:

— Мой отец разрешил мне вернуться в Рим. Следовательно, готовьтесь к отъезду и постарайтесь не затягивать сборы. Я устала от Непи. Больше не желаю видеть это место.

Когда Лукреция приехала в Рим, Папа встретил ее так, будто ссылка в Непи была не более чем увеселительной загородной прогулкой. Он не упоминал об Альфонсо и не переставал радоваться возвращению маленького Родриго.

Цезаре со своей армией успешно продвигался к намеченной цели, и Папа пребывал в благодушном настроении.

Как-то раз, прогуливаясь с Лукрецией в садах Ватикана, он заговорил на тему, которая сейчас владела его мыслями.

— Дорогая моя, — сказал он, — ты не сможешь навсегда остаться незамужней женщиной!

— Незамужней я пробыла совсем недолго.

— Достаточно долго... да, вполне достаточно. Видишь ли, есть одна вещь, которая время от времени не

дает мне покоя. Дочь моя, я не вечен — и желаю устроить тебе хорошую партию, прежде чем покину вас.

— Хорошая партия может очень быстро оказаться не удачной. Мой опыт говорит о том, что положение замужней женщины — не из прочных.

— Ах, ты молода и красива! На твою руку найдется немало претендентов. Чезаре уверяет, что Луи де Линьи весьма охотно взял бы тебя в жены.

— Отец, я бы весьма неохотно пошла за него, как и за любого другого.

— Но, дитя мое, он же кузен и первый фаворит короля Франции! У него блестящее будущее!

— Дорогой отец, неужто вы хотите, чтобы я оставила вас и уехала во Францию?

Папа немного помолчал, а затем сказал:

— Признаться, в этом обстоятельстве я вижу величайший недостаток брака с Луи. К тому же он хочет получить непомерно огромное приданое и предъявляет немало других фантастических требований.

— Вот и пусть остается ни с чем. А я еще немного поживу с вами.

Он засмеялся вместе с ней и сказал, что не отдаст свою дочь ни за одного из тех мужчин, которые пожелают увезти ее за сотни миль от родного дома.

Однако не прошло и двух дней, как он заговорил с ней о другом предложении. На сей раз внимание Папы привлек Франческо Орсини, герцог Гравинский, который проявлял весьма пылкое желание вступить в этот брак и даже отказался от своей самой лучшей любовницы, что должно было свидетельствовать о серьезности его намерений в отношении дочери святого отца.

— Жаль, что он отказался от нее, — сказала Лукреция. — В этом не было никакой необходимости.

— Он был бы неплохой партией для тебя. Конечно, он не бескорыстней других. Ему нужен церковный сан и множество привилегий для его детей от предыдущего брака.

— Пусть требует все, что ему угодно. Какая разница? Все равно я не выйду за него. И почему все они просят моей руки? Не понимаю! Может быть, им еще не рассказали о том, как были несчастны мои прежние мужья?

— Ты красива и желанна для них, дочь моя, — заметил Папа.

— Нет, — ответила она, — вероятно, все гораздо проще. Я дочь Папы Римского.

— Скоро в Рим приедет Чезаре, — вдруг сказал Александр. — Наконец-то я буду счастлив видеть вас вдвоем.

Чезаре приедет в Рим! Эти слова зазвенели в ее ушах. Она подумала о возвращении безжалостного кондотьера, завоевывающего все, что лежит на его пути. И почувствовала себя пойманной, как муха в паутину. Нужно было срочно вырываться из пут, скреплявших семью Борджа.

Выход ей представлялся только один. Если бы она вышла замуж за правителя какой-нибудь отдаленной республики, то была бы вынуждена покинуть дом и жить с супругом.

Ей хотелось жить простой и счастливой жизнью.

Вот почему, когда в числе претендентов на ее руку стало упоминаться имя Альфонсо д'Эсте, она уже не старалась высмеять своего нового поклонника.

Альфонсо д'Эсте был старшим сыном герцога Феррарского. Как прямой наследник своего отца, он не мог надолго покидать свои будущие владения.

Там же мог начаться и ее путь на свободу.

ГЛАВА 4 **ТРЕТЬЕ СУПРУЖЕСТВО**

Услышав о планах Папы, герцог Феррарский Эркуль пришел в ярость.

Старый герцог был аристократом, а потому считал возмутительной даже мысль о том, что в благородный дом Эсте может втесаться чей-либо ублюдок.

Недавно ему исполнилось шестьдесят лет, и он не без доли дурных предчувствий подумывал о том дне, когда главой дома станет его сын Альфонсо. Эркуль слыл человеком строгих правил. Он был глубоко религиозен — в свое время даже дружил с Савонароллою — и закон гостеприимства уважал так же свято, как догматы католической веры; однако при всем своем радушии и приверженности христианству, герцог Феррарский вовсе не горел желанием породниться с семьей Борджа, нравы которой повергали его в неопикуемый ужас.

Он хотел выделить Феррару из всех остальных герцогств Италии — и в самом деле превратил ее в один из важных очагов итальянской культуры. Он поощрял литературу и искусства; увлекался музыкой и театром. В его владения не раз наведывался великий архитектор Бьянцо Россетти, что не преминуло сказаться на застройке феррарских улиц.

В предложенном браке старый Эркуль находил только одну привлекательную сторону: Борджа были богаты, и если бы он все-таки снизошел до них, то мог рассчитывать на баснословное приданое. А Эркуль обожал копить деньги и ненавидел их тратить.

Разумеется, думал он, его сын Альфонсо не из тех, кого смутит порочная репутация семьи, намеревающейся породниться с ним. Альфонсо отнюдь не отличался сколько-нибудь притязательным нравом — Эркуль ума не мог приложить, каким образом ему удалось вырастить такого наследника. Казалось, у того не было иных желаний, как только проводить дни в литейной мастерской, экспериментируя с новыми образцами пушек, а ночи — с женщинами, причем выбирать самых безродных. Его любовные похождения были овеяны скандальной славой.

Если не считать унаследованной от отца любви к музыке, Альфонсо ничем не выдавал своей принадлежности к фамилии Эсте. Его брат Ипполит был бы куда более достойным наследником; правда, второй сын старо-

го герцога носил кардинальскую мантию, вследствие чего имел нечто общее со всеми Борджа — он ненавидел их.

Интересно, размышлял Эркюль, где сейчас пропадает Альфонсо? Вне всяких сомнений — в своей литейной мастерской, возится с пушками и мортирами. Может быть, они однажды пригодятся ему. Кто знает? Пожалуй, нужно сходить к Альфонсо и рассказать о чудовищном предложении Папы. Но будет ли какой-нибудь прок? Альфонсо ухмыльнется, пожмет плечами и проведет полночи с какой-нибудь пухленькой служанкой, которой в конце концов сделает ребенка, как это неоднократно бывало в прошлом. Какой толк от таких бесед?

Герцог Эркюль все не решался поговорить со старшим сыном.

Увы, недавно он понял, что с годами его дети становились неуправляемы. Неприятное открытие — неужели оно суждено всем старикам? Ипполит, стройный и привлекательный, терпеть не мог свою кардинальскую мантию. Ферранте, третий сын герцога, был настолько необуздан, что уже никто и не удивлялся его бесконечным сумасбродствам. Сигизмунд казался уж слишком невозмутимым юношей — ему явно не хватало честолубия, которым отличались его братья. Исключение составлял только Юлий, во многом напоминавший отца в молодости, — жизнерадостный и красивый, любимец женщин.

Была еще дочь — Изабелла, — которая вышла замуж за Франческо Гонзага и стала маркизой Мантуанской. Той следовало бы родиться мужчиной. Эркюль жалел о том, что не мог обсудить с ней предложенную партию. Бесспорно, при ее образованном и утонченном дворе уже прослышали о замыслах Папы, и нетрудно было представить ярость Изабеллы, ни в чем не жаловавшей этих наглых выскочек из семьи Борджа.

Да, хотел бы Эркюль, чтобы она оказалась в Ферраре и поделилась своим мнением о браке его старшего сына.

Но ее здесь не было, и ему пришлось пересилить себя — пойти в литейную и поговорить с Альфонсо.

В мастерской царила непривычная тишина. Альфонсо лежал в тени на заднем дворе, изредка кусая толстый ломоть хлеба и заедаая луком. Рядом расположились рабочие, и Эркюль вздрогнул от отвращения, потому что внешне наследник Феррары ничем не отличался от простого люда.

При виде старого герцога рабочие проворно вскочили на ноги, но тут же замялись — не знали, что делать дальше.

— Вот это да, никак мой родитель пожаловал! — обомлел Альфонсо. — Отец, неужто вы пришли посмотреть, как стреляет моя новая пушка?

— Нет, — сказал герцог. — Я пришел поговорить с тобой. — Он небрежно махнул рабочим, те тупо воззрились на Альфонсо и с его разрешения побрели в мастерскую.

— Присаживайтесь в тени, отец, — пригласил Альфонсо, показывая на землю рядом с собой.

Немного поколебавшись, герцог уселся на траву — он устал, а разговор предстоял тяжелый.

Альфонсо повернулся к нему лицом. Поморщившись от запаха лука, Эркюль заметил, что руки сына были перепачканы сажей, а под ногтями чернели жирные ободки грязи.

— Если когда-нибудь в Феррару придет неприятель, — сказал он, — мои пушки вышибут его отсюда.

— Хотел бы я надеяться на их силу, — смахнув муху со своего парчового рукава, хмуро произнес герцог. — Мне пришло послание от Папы. Он намекает на желательность твоего брака с его дочерью.

Альфонсо продолжал жевать лук. Его мысли были заняты пушками.

Что за бесчувственный эгоист! — подумал герцог. Какое впечатление о нем сложится у его супруги? Как к нему относилась его прежняя жена? Несчастливая Анна

Сфорца! Хотя, может быть, и не такая уж несчастная. Кто-кто, а Анна умела постоять за себя. Просто она была не в его вкусе — совсем не женственная, пусть даже по-своему привлекательная. Жаль, что умерла во время родов.

— Ну, Альфонсо, что скажешь?

— А что говорить? Брак — так брак, — рассеянно пробормотал Альфонсо.

— Но ведь с Борджа!

Альфонсо пожал плечами.

— И она — ублюдок! — добавил Эркюль.

— Значит, у вас будет хорошее приданое, — усмехнулся Альфонсо. — Представляю, как вы обрадуетесь.

— Никакое приданое не заставило бы меня соединить дома Феррары и Борджа. Дело в другом. Если мы откажемся, то восстановим против себя Папу. Ты понимаешь, чем это грозит в наши беспокойные дни?

У Альфонсо загорелись глаза.

— Наконец-то мои пушки поработают в настоящем деле!

— Пушки! — воскликнул Эркюль. — Что они сделают против армии Папы? А кроме того... кроме того.

— Отец, вы не знаете, на что они способны.

— Армия Папы.

— Никакие армии не устоят против них. Когда-нибудь пушки, которые я делаю, будут решать исход любого сражения.

— Я пришел, чтобы поговорить с тобой о браке. Вижу, сама партия тебя ничуть не смущает.

— Полагаю, у нее будут свои выгодные стороны, — пробормотал Альфонсо; его мысли снова вернулись в литейную — в это время суток его интересовали только пушки.

— Разумеется, будут, — согласился герцог. — Но ни одна из них не может быть настолько выгодной, чтобы заставить меня приветствовать союз с этой славной семьей.

Он поднялся и пошел обратно в замок. Почти тотчас за его спиной Альфонсо свистнул. Будто не мог каким-нибудь более пристойным образом позвать своих рабочих.

В Урбино наступило время карнавалов, и герцог Гвидобальдо ди Монтефельтре столкнулся с печальной необходимостью развлекать Чезаре Борджа, который ожидал капитуляции города Фаэнца.

Герцог был огорчен, но отказаться не посмел. Чезаре недавно получил титул герцога Романского, и никто не знал, в каком направлении будут завтра маршировать его войска.

Когда новоиспеченный герцог прибыл в замок Гвидобальдо, тому пришлось побороть гордость и вместе с супругой Элизабеттой (сестрой маркиза Франческо Гонзага) встретить Чезаре как самого почетного гостя.

Очутившись в танцевальной зале, Чезаре принялся оглядываться в поисках самой привлекательной из собравшихся там женщин, а Гвидобальдо предостерегающе посмотрел на супругу. Элизабетта поджала губы. Ей явно не хотелось развлекать человека с такой порочной репутацией.

Сегодня она надела платье из черного бархата и настояла на том, чтобы все остальные дамы носили наряды такой же расцветки. Вот почему у Чезаре, привыкшего к роскошным туалетам римских красавиц, был такой унылый вид.

Он уже сожалел о том, что приехал в Урбино. Этот изнемогающий от подагры герцог и его спесивая супруга оказались вовсе не той компанией, какую ему следовало бы избрать, хотя и приятно было наблюдать за их настроенностью.

— Заманчивые у вас владения, синьоры, — нахмурившись, обратился он к ним.

Разумеется, они не хотели портить отношения с Папой и знали, что Папа всеми силами поддерживал своего сына.

Пусть трепещут от страха. Если им не удалось развлечь его, то он будет забавляться сам — как умеет.

Но внезапно Чезаре узрел в зале хорошенькую девушку и немедленно спросил у герцогини, кто она такая.

Элизабетта торжественно улыбнулась.

— Очень добродетельная дама!.. Доротей да Крема. Она побудет у нас совсем немного, а потом поедет на встречу со своим будущим супругом.

— Гм. Недурна собой! — задумчиво произнес Чезаре. — Я бы хотел поговорить с ней.

— Это можно устроить, — сказала Элизабетта. — Сейчас позову ее и дуэнья.

— Дуэнья — вон та грузная особа в черном? Тогда лучше обойтись без нее.

— Мой господин, даже ради вас мы не можем нарушить обычай.

— Значит, — вздохнул Чезаре, — ради общества красавицы мне придется вытерпеть соседство с драконом.

Доротей была очаровательна.

Чезаре спросил, может ли он повести ее на танец.

— Боюсь, нет, мой господин, — сказала дуэнья. — Моя госпожа держит путь к своему будущему супругу — до тех пор, пока она не выйдет замуж, ей не позволено быть наедине с мужчиной.

— Наедине?! Но здесь — танцевальный зал!

Дуэнья поджала губы и склонила голову, всем своим видом призывая его смириться с силой обстоятельств. Чезаре разозлился, но сдержал гнев. Девушка посмотрела на него ясными глазами — и тут же опустила их.

— Что за бестолковый обычай, — с досадой проговорил Чезаре.

Все молчали.

Тогда он повернулся к девушке.

— Когда вы уезжаете отсюда?

— В конце этой недели, — ответила она.

Он внушал ей страх — и все же чем-то привлекал ее. Возможно, она слышала о его репутации; возможно,

видела в нем одно из воплощений самого дьявола. Пожалуй, внимание дьявола польстило бы даже целомудреннейшим из девиц.

— Я уеду завтра, — сказал он. — И это очень хорошо.

— Почему же? — спросила она.

— Раз мне нельзя танцевать с вами, то нам лучше не встречаться. Я слишком страстно желаю повести вас на танец.

Она с мольбой взглянула на дуэнью, но та смотрела в другую сторону.

— Терпеть не могу этикета, — прошептал Чезаре. — Скажите, кто самый везучий мужчина в мире?

— Говорят — вы, мой господин. Я слышала о ваших победах. Мне сказали, что вам достаточно приблизиться к какому-нибудь городу — и он уже ваш.

— Это правда. Но я имел в виду того мужчину, за которого вы собираетесь выйти замуж. Учтите, мне не позволено танцевать с вами — значит, я не настолько везуч, как вам кажется.

— Ах, да ведь это просто мелочи, — ответила она. — Разве их можно сравнить с завоеванием целого королевства?

— Сильные желания не ведают мелочей, дорогая Доротея. Как зовут вашего будущего супруга?

— Джиан Баттиста Каррачьоло.

— О счастливчик Джиан Баттиста!

— Он командует венецианской армией.

— Хотел бы я оказаться на его месте.

— Вы шутите. Как это может быть, если вы носите титул герцога Романского?

— Бывают титулы, которые лучше обменять на кое-что другое, например, на другой титул.

— Вы недовольны своим положением? Как же позволите величать вас в будущем?

— Любовником прекрасной Доротеи.

Она засмеялась.

— Это пустой разговор, и он не доставляет удовольствия моей дуэнье.

— А мы должны доставлять ей удовольствие?

— Разумеется, должны.

Элизабетта осталась довольна их разговором. Она об-
ратилась к дуэнье:

— Полагаю, вашей подопечной пора вернуться в по-
кои. Мне бы не хотелось утомлять ее слишком навязчи-
вым гостеприимством. Впереди долгая поездка — пусть
отдыхает и набирается сил.

Дуэнья поклонилась и вместе с Доротеей направилась
к выходу из залы. Девушка чуть заметно дрожала; сейчас
она была благодарна присутствию своей слишком на-
зойливой опекунши.

После ее ухода Чезаре долго не мог унять досаду. Его
уже не интересовали ни развлечения, ни другие женщи-
ны — чем больше он смотрел на них, тем сильнее желал
сделать прекрасную Доротеею своей любовницей.

Из замка Урбино Доротея выехала в окружении дру-
зей и слуг.

Они разговаривали о предстоящей свадебной церемо-
нии, о нарядах, которые наденут, о путешествии по ве-
нецианской республике и о скорой встрече с Джаном
Баттиста Каррачьола.

Когда они подъезжали к Кремоне, дорогу им прегра-
дила группа всадников. Путники не тревожились: нико-
му из них не приходило в голову, что с ними может что-
нибудь произойти. Но когда они проскакали еще не-
много, то увидели, что все всадники были в масках, —
и Доротее показалась чем-то знакомой фигура их пред-
водителя, который приказал им остановиться.

Кавалькада замерла на месте.

— Успокойтесь, вам не причинят зла, — сказал один
из людей в масках. — В вашей компании нас интере-
сует только один человек. Остальные смогут поехать
дальше.

Доротея задрожала — она уже все поняла.

Дуэнья неуверенно произнесла:

— Это какое-то недоразумение. Мы мирные путни-

ки, и нам нужно торопиться в Венецию. Нас ждут на свадебных торжествах.

Мужчина в маске, который показался Доротее знакомым, властным жестом заставил дуэнью отъехать в сторону. Затем подъехал к девушке и положил руку на ее поводья.

— Не бойтесь, — прошептал он.

И с этими словами повлек за собой ее лошадь. Тотчас один из его спутников выехал из группы и схватил самую молодую и красивую служанку Доротеи, а вслед за ним и остальные бросились в гущу свадебной кавалькады и стали хватать всех девушек, уже не обращая внимания на их привлекательность.

— Как вы смеете! — закричала Доротея. — Немедленно освободите меня!

Ее насильник только засмеялся в ответ. От ужаса она была готова лишиться чувств — в смехе Чезаре Борджа ей снова почудилось что-то дьявольское.

Изабелла д'Эсте ничуть не обрадовалась известию о партии, предложенной ее брату.

Она написала отцу и потребовала от него немедленно прекратить всякие переговоры о браке Альфонсо и Лукреции Борджа. По ее мнению, это было просто неслыханно. Какие-то безродные выскочки, о которых еще вчера никто ничего не знал, кто они такие, чтобы ради них портить лучшую кровь Италии?

Может быть, герцог Феррарский не ведает, с кем имеет дело? Так вот, у его дочери недавно гостил Джованни Сфорца, первый супруг Лукреции, — уж он-то имел возможность познакомиться с нравами этой чудовищной семейки.

Его развод, писала Изабелла, был устроен только потому, что Папа ревновал супруга Лукреции и не желал ни с кем делить ее прелести. Невероятно? Но так-вы все Борджа! Известно, что Лукреция побывала в любовницах у всех своих братьев. Это могло бы показаться вымыслом, если бы речь шла о ком-то другом, а не о

Борджа: Слышал ли отец Альфонсо об их последнем скандале? Доротея да Крема, ехавшая на встречу со своим женихом, попала в засаду и была похищена с намерениями, которые не оставили никаких сомнений у ее свиты — так же, как и имя насильника. Разумеется, им оказался Чезаре Борджа! С тех пор о несчастной девушке не было никаких вестей. Неужели с семьей такого гнусного мерзавца можно связать жизнь наследника Феррары?

Изабелла права, подумал старый Эркуль. Теперь он не желал видеть Борджа в своем доме — оставалось только соблюсти все меры предосторожности, отказывая Папе.

В свое время ему предлагали брак Альфонсо с Луизой д'Ангулем. И вот, поблагодарив судьбу за это спасительное обстоятельство, Эркуль написал Александру письмо, в котором глубоко сожалел о невозможности принять блестящее предложение святого отца. Увы, его сын уже дал обещание вступить в брачный союз с домом Ангулемским, вследствие чего вынужден отказаться от партии с Лукрецией Борджа.

Герцог Феррарский был доволен. Его сыну предстояло жениться, но не на дочери Папы Римского.

Похищение и изнасилование Доротеи да Крема возмутило всю Италию, и даже король Франции счел необходимым прислать к Чезаре своего посла Ива д'Аллегре, который от имени Луи выразил протест по поводу случившегося. Луи и в самом деле разозлился, потому что несчастный Каррачьооло изъявил желание оставить командование венецианской армией и отправиться на поиски невесты, а в это время ожидалось вторжение войск Максимилиана Австрийского, и таким образом личная трагедия Джигана Баттиста грозила обернуться неприятностями для Франции.

Встретившись с посланниками французского короля, Чезаре заявил, что не имеет ни малейшего представления о местонахождении Доротеи.

— Я не знаю, куда деваться от своих поклонниц, —

сказал он. — Чего же ради мне связываться с таким хлопотным делом, как похищение какой-то девицы?

Кое-кто сделал вид, будто поверил этим словам; однако Каррачьоло поклялся отомстить семейству Борджа — он не сомневался в том, что насильником его невесты был Чезаре.

В Ватикане Папа прилюдно провозгласил своего сына непричастным к случившемуся с Доротеей. Впрочем, сейчас его гораздо больше волновал отказ герцога Феррарского принять Лукрецию как невесту его сына.

Он довольно долго размышлял над поступком герцога, которого всегда считал одним из самых скупых людей Италии. Эркюль пошел бы на многое, лишь бы избежать растраты своих сбережений, но если с чем-то на свете он не желал расставаться больше, чем с деньгами, то это был единственный ярд его земли.

Папа написал Эркюлю письмо, в котором сожалел о том, что Альфонсо уже связал себя обещанием другой женщине, сожалел и высказывал уверенность в обоюдной выгоде брачного союза Борджа и Эсте, а потому предлагал не отказываться от их общего замысла. Альфонсо помолвлен; Ипполит избрал церковную карьеру; следовательно, на Лукреции мог бы жениться Ферранте, третий сын герцога Феррарского. Правда, в этом случае молодым следовало бы выделить часть владений герцога — например, Модену, — поскольку Лукреция очень богата и нуждается в собственном королевстве, а Ферранте не является прямым наследником Эркюля д'Эсте.

— Поделить Феррару! — прочитав это письмо, ужаснулся старый герцог. — Никогда!

Тем не менее он опасался, что Папа проявит непреклонность. Увы, эти опасения только окрепли, когда Эркюль обратился за помощью к королю Франции (Феррара долгие годы была союзником французов) и Луи посоветовал ему не пренебрегать партией с домом Борджа, к которому сам Луи испытывает вполне понятные родственные чувства.

Эркуль знал, что французский монарх рассчитывает на поддержку Папы в походе на Неаполь; Франция вступила в альянс с Ватиканом, а страдать приходилось Ферраре.

Услышав пожелание Луи, он понял, что должен смириться с судьбой.

Делить Феррару ему не представлялось возможным. Поэтому Эркуль решил, что из двух зол выбирают меньшее и что сейчас лучше забыть о старых переговорах с отцом Луизы д'Ангулем. Он согласился на свадьбу Альфонсо и Лукреции.

Папа и его дочь прогуливались в одном из садов Ватикана.

— Я счастлив видеть, что ты снова стала самой собой, — взяв ее за руку, сказал Александр. — Когда ты грустишь, у меня все время было такое впечатление, будто тебя подменили, будто ты вовсе не моя дочь. А вот теперь я радуюсь и знаю, что ты довольна браком, который твой отец устроил для тебя.

— Вы правы, отец, — ответила она. — Я довольна этим браком.

— Печально, что тебе придется уехать в такую даль от родного дома.

— Но ведь вы будете навещать меня, а я — вас, отец. Мне бы не хотелось надолго разлучаться с вами.

Он нежно сжал ее руку.

— Драгоценная моя, ты станешь герцогиней Феррарской. На нашу удачу, у старого Эркуля нет живой супруги, и поэтому тебя титулуют сразу после свадьбы.

— Я знаю, отец.

— Чудесный титул — он приравняет тебя к любой принцессе Италии. Вот чего я всегда желал своей дочери.

Она промолчала, подумав: как странно, что теперь я с таким нетерпением жду этого брака!

Ее приподнятое настроение было вызвано мыслями о побеге. Скоро ей предстояло вырваться из семейных уз. Она представляла их чем-то вроде паутины, опутавшей

ее со всех сторон, и не понимала, что те были сделаны из плоти и крови и что любой их разрыв окажется болезненным.

А этот новый жених? Ей уже показывали его портрет. Большой, плотный мужчина — наверное, сильный. И у нее почему-то сложилось впечатление, что он не станет вмешиваться в ее душевные переживания. Она будет рожать ему детей, и супруг останется доволен ею — не захочет расспрашивать о судьбе его предшественников. Тогда у нее появится возможность спокойно подумать о своей жизни, попробовать разобраться в себе и в своих чувствах.

Нет, не брака она ждала с таким нетерпением — ей не терпелось поскорей очутиться на свободе, которую она не смела вообразить иначе, чем побег из семьи. Однако Папе нужно было показать, что лишь предстоявшее супружество могло сейчас радовать ее.

— Нам поставлены жесткие условия, — вслух размышлял Папа. — Приданое на сто тысяч дукатов, денежный вклад в семьдесят пять тысяч дукатов да еще замки Пьеве и Ченто в придачу.

— И все — за избавление от вашей дочери, отец.

— Ах, да, — засмеялся Александр. — Но это брак, который я всегда желал для тебя. Моя дочь — герцогиня Феррарская! А ее супруг — законный наследник своего отца! Превосходная, блестящая партия. И моя любимая дочь достойна ее.

— Но все-таки не слишком ли дорогая цена?

— Это еще не все. Они требуют, чтобы их облагали церковной десятиной не на четыре тысячи дукатов, а всего на сто. Какое бесстыдство! Но старый плут Эркуль знает, что мое сердце лежит к этой партии. Он также настаивает на дальнейших привилегиях для Ипполита. И, полагаю, со временем захочет еще чего-нибудь.

— Это уже слишком.

— Вовсе нет. Если потребуется, за твое счастье я отдам и тиару.

Она улыбнулась и подумала: это правда, вы многое отдадите за хороший брак для меня, но вы не могли и одного часа уделить мне, когда убили моего супруга.

Внезапно они увидели маленького Родриго и его молодую няньку, идущих навстречу.

— О! — воскликнул Александр.

Он схватил малыша и поднял над головой. Мальчик тотчас протянул свои пухленькие ручонки к его лицу, пытаясь ущипнуть за нос.

— Какое кощунство! — засмеялся Александр. — Знаешь ли ты, негодник, что покушаетесь на самый священный нос в мире, а?

Родриго запищал от удовольствия, и Папа поставил его на землю. Затем улыбнулся стройной няньке и погладил ее пышные волосы.

— Присматривай за моим внуком, — ласково проговорил он.

Видимо, Александру хотелось навестить ее вечером. Он любил совмещать эти два удовольствия — общение с мальчиком и его очаровательной няней.

Наблюдая за ним, Лукреция думала о том, как мало менялись привычки Папы. Вот так же он приходил по вечерам на Пиццо-ди-Мерло, где она и двое ее братьев ждали его — как сегодня будет ждать маленький Родриго. Может быть, там тоже была какая-нибудь молодая няня? Вероятно, нет — Ваночца, их мать, не допустила бы соперничества.

— Вы будете скучать по Родриго, — сказала Лукреция.

Последовало молчание, и Лукреция внезапно вздрогнула — ей стало страшно.

Наконец Папа мягко произнес:

— Если ты оставишь его здесь, то сможешь быть уверенной в самом лучшем уходе за ним.

Итак, он уже все решил. Она должна расстаться с Родриго. И едва ли могла рассчитывать на что-то иное. Эсте, конечно же, не захотят видеть у себя ребенка от

ее предыдущего брака. Ну почему, почему ей не пришло это в голову, когда она давала согласие на партию с ними?

Папа пристально смотрел на нее. Лукреция догадалась — лицо отражало ее переживания. Он понял их и, вероятно, вспомнил о тех днях, когда его дочь оплакивала смерть супруга.

— О отец! — порывисто воскликнула она. — Может быть, этот брак все-таки не принесет мне счастья.

Он взял ее руку и нежно поцеловал.

— Он непременно принесет тебе счастье, моя обожаемая герцогиня. Тебе нечего бояться. Доверь мне маленького Родриго — разве он не твой сын? И разве он не принадлежит всем нам?

— Отец... — нерешительно начала Лукреция.

Но он перебил ее.

— Сейчас ты думаешь о том, что я не вечно буду оставаться с тобой?

— Прошу вас, не говорите таких слов! Я не вынесу их. Он засмеялся.

— Лукреция, твоему отцу скоро исполнится семьдесят лет. Далеко не все люди доживают до такого возраста, а те, что все-таки умудряются, уже не могут рассчитывать на долгую жизнь.

— Я даже думать об этом не смею! — воскликнула она. — Отец, если вы умрете, что станет со всеми нами? Мы не сможем жить без вас!

Слова дочери пришлись ему по душе. Он знал, что в них не было лести. Она не преувеличивала... ну, разве только самую малость. Его дети нуждались в нем — и хрупкая Лукреция, и возмужавший Цезаре.

— Во мне еще много жизненных сил, — сказал он. — Но ради твоего спокойствия, дорогая, у малютки будет еще один опекун. Что ты скажешь о нашем родственнике Франческо Борджа? Кардинал — мягкий человек. Он любит тебя, любит твое дитя. Тебя устроит такое предложение?

— Франческо я бы доверилась, — сказала она.

— Ну, вот и решено.

Александр снова взял ее руку и заметил, что она дрожит.

— Лукреция, — сказал он, — ты уже не ребенок. На днях мне предстоит небольшая поездка по стране. Свои светские обязанности я собираюсь возложить на тебя.

Она запротестовала.

— Но... я женщина, а это задача для самых опытных кардиналов.

— Пусть все знают, что моя дочь способна справиться с любой из тех задач, которые могут выпасть на ее долю.

Лукреция поняла: он хочет, чтобы она показала на что способна, прежде чем вступит в дом Эсте. А заодно — поверила в себя.

Он был предан ей, как ни одному другому человеку, если не считать Чезаре. Она тоже любила его — неистово, страстно. И спрашивала себя: не лежит ли какое-то проклятие на всей семье Борджа, если их любовь забирает так много, что в конце концов они вынуждены отворачиваться от нее и бежать, куда попало?

Рим праздновал счастливое событие. На улицах былолюдно — каждый хотел видеть Лукрецию на ее пути в собор Санта Мария дель Портико, где она произнесет слова благодарности Господу, потому что герцог Феррары наконец подписал брачный контракт между ней и своим наследником.

Торжественная церемония сопровождалась шумным весельем. На мосту Сант-Анджело палили пушки, над всеми римскими холмами разносился колокольный звон. Лукреция, чей наряд сверкал небывалым множеством драгоценных камней и золотых украшений, шла во главе многочисленной процессии, вместе с послами Испании и Франции.

Народ, толпившийся перед входом в собор, почтительно расступился и пропустил ее к большому мраморному ков-

чего, где она по указанию Александра преклонила колена и поблагодарила Бога за ниспосланную ей честь.

В отсутствие Папы ее регентство прошло более чем успешно. Вопросы, которые она решала, были не из легких, и кардиналы Его Святейшества дружно удивлялись серьезности и пониманию сути всякого дела, столь неожиданно обнаружившимся в этой молодой и миловидной женщине. Вернувшись в Рим, Александр остался доволен завоеванным ею уважением.

Когда она вышла из собора, были уже сумерки, и на всем ее пути в Ватикан горожане скандировали:

— Да здравствует герцогиня Феррарская! Да здравствует Его Святейшество Александр Четвертый!

Едва стемнело, всюду зажглись фейерверки; карлики из свиты Лукреции, все в переливающихся атласных костюмах, бегали среди толпы, кричали: «Да здравствует герцогиня Феррарская!» и распевали песни о ее добродетелях и красоте.

Народ, обожавший подобные зрелища, с готовностью забыл прежние скандалы и громко подхватывал:

— Да здравствует добродетельная герцогиня Феррарская!

Папа сначала возглавлял это веселое шествие, а потом руководил праздничным застольем. Он хотел, чтобы все послы и представители иностранных дворов знали, как глубоки его чувства к дочери. Все то же самое было предостережением роду Эсте. Александр давал понять, как велик будет его гнев, если кто-либо не окажет должного почтения новой герцогине.

На другой день, согласно обычаю, Лукреция отдала свое платье шуту, который напялил его и принялся бегать по городу, крича: «Ура герцогине Феррарской!» За ним по пятам следовала толпа горожан, до слез смеявшихся над горбуном в роскошном женском наряде и не перестававших осыпать его непристойными шутками. Папа и Лукреция забавлялись, глядя на них.

Подписав брачный контракт своей дочери, Папа получил долгожданную возможность уладить еще одно важное для нее дело. И вот однажды он пригласил Лукрецию к себе. Когда она пришла, Александр принял ее с обычным радушием, а затем отпустил прислугу и сказал:

— Дорогая, у меня для тебя есть сюрприз!

Она уже приготовилась поблагодарить его за какой-нибудь новый свадебный подарок — драгоценное украшение или, может быть, произведение искусства, — но ошиблась в своих предположениях.

Папа прошел в переднюю и обратился к кому-то, находившемуся там.

— Можешь идти, — сказал он. — Я возьму ребенка.

И вернулся к Лукреции, держа за руку прелестного маленького мальчика — годиков трех, не больше.

Лукреция вдруг почувствовала, как кровь бросилась ей в лицо. Она долго всматривалась в его прекрасные черные глаза, а потом недоверчиво посмотрела на отца.

— Да, — сказал Папа. — Это он.

Лукреция опустилась на колени, чтобы обнять мальчика, но тот испуганно отпрянул и вопросительно уставился на нее.

Она подумала: а как могло быть иначе? Прошло целых три года, и за все это время он ни разу не видел своей матери.

— Ну, молодой человек, — улыбнулся Александр, — что скажешь об этой очаровательной госпоже?

— Красивая, — сказал мальчик и потянулся к перстням, сверкавшим на пальцах Лукреции.

Он засопел от удовольствия — почувствовал запах мускуса, которым она смазала свои руки.

— Посмотри на меня, маленький, — сказала Лукреция. — Отвлекись от этих побрякушек.

Он настороженно взглянул на нее, и она не смогла удержаться от того, чтобы не обнять и не расцеловать его.

Папа со счастливой улыбкой наблюдал за ними. Он не знал большего наслаждения, чем доставлять удовольствие тем, кого любил, — а этот прелестный карапуз в первую же минуту покори́л его сердце.

— Пустите, — сказал мальчик. — Я не люблю, когда меня целуют.

Его слова позабавили Папу.

— Полюбишь, молодой человек, — засмеялся он. — Пройдет десяток лет, и ты уже не будешь отвергать поцелуи красивых женщин.

— Все равно не люблю, — не сдавался мальчик.

— Должно быть, тебя не очень часто целовали? — спросила она.

Он кивнул.

— Думаю, я смогу исправить этот недостаток в твоём воспитании, — сказала она.

В ответ он еще крепче прижался к Папе.

— Маленькому Джованни нравится его новый дом, верно я говорю? — спросил Александр.

Маленький Джованни оценивающе оглядел роскошную обстановку папских апартаментов и застенчиво улыбнулся.

— Джованни хочет остаться со святым отцом, — сказал он.

От восторга Александр даже причмокнул губами. Он погладил густую курчавую шевелюру мальчика.

— Будь по-твоему, чадо мое! Твое желание исполнится, потому что Его Святейшество так же восхищен маленьким Джованни, как Джованни — Его Святейшеством.

— Как Джованни — Его Святейшеством, — радостно повторил малыш.

— А теперь, — улыбнулся Папа, — назови этой госпоже твоё полное имя.

— Джованни.

— Джованни — а дальше?

— Джованни Борджа.

— Вот — Борджа! Никогда не забывай. Это самая важ-

ная часть твоего имени. В Италии можно найти тысячи различных Джованни, и только нескольких Борджа. Это имя ты будешь носить с гордостью.

— Борджа, — повторил мальчик.

— О Джованни, — воскликнула Лукреция, — ты не жалеешь о том, что покинешь свой прежний дом?

Мальчик опустил глаза.

— Здесь лучше, — сказал он.

— Разумеется, лучше, — засмеялся Папа, — ведь здесь живут Его Святейшество и прекрасная мадонна Лукреция.

— Мадонна Лукреция, — застенчиво прошептал Джованни.

Александр взял мальчика на руки и поцеловал.

— Ну вот, — сказал он, — ты его увидела.

— Он остается у вас?

Папа кивнул.

— Его Святейшество не может нарушить обещания, которое он дал маленькому Джованни Борджа.

Джованни тоже кивнул — с серьезным видом.

— А теперь мы проводим его в детскую. Мне не терпится посмотреть, как он поладит со своим младшим родственником.

Они отвели Джованни к маленькому Родриго, посмотрели на мальчиков, которые сразу нашли общий язык, и вернулись в апартаменты Александра.

— Вижу, как ты счастлива, дорогая, — сказал Папа. — Ну вот, теперь он будет воспитываться как один из нас.

— Благодарю вас, отец.

— Наверное, мне следовало бы подготовить тебя к встрече с ним. Но его только сегодня привезли сюда — и я уже не мог удержаться. Признаюсь, он очаровал меня. Прелестный мальчик! Настоящий Борджа!

Она вдруг бросилась в его объятия и заплакала.

— Простите, отец, это было так неожиданно... и я так отчетливо вспомнила.

Он нежно погладил ее волосы.

— Знаю, дорогая. Я видел выражение твоего лица. Но ведь сейчас ты плачешь от счастья, не так ли? И понимаешь, что за мальчиком хорошо ухаживали. Пожалуйста, впредь не беспокойся на этот счет. Я дам ему все необходимые владения и титулы. Не бойся за его будущее, оно в надежных руках.

Она принялась целовать его холеные белые руки.

— Самые добрые, самые щедрые руки в мире, — всхлипывала она.

— И для них нет ничего приятней, чем приносить счастье моей дочери.

— Но отец, он мой сын, как и Родриго, и мне грустно покидать их.

— Да, ты не можешь взять их в Феррару. Но ты же знаешь — здесь им будет хорошо.

— Вы всегда хотели, чтобы ваши дети росли рядом с вами. Того же хочу и я.

Он немного помолчал.

— Знаю, — наконец сказал он.

Затем улыбнулся.

— Лукреция, почему бы тебе не взять их к себе... в свое время, а? Ты умная женщина. И к тому же красивая. Уверен, ты очаруешь своего супруга. А при желании — многого добьешься от него.

— Вы думаете, я смогу уговорить его?

Он нежно поцеловал ее.

— Не сомневаюсь, дорогая.

Появление маленького Джованни не могло пройти незамеченным, и прибавление в семействе Папы стало темой оживленных разговоров. В определенных кругах не замедлили задаться вопросом: кто такой Джованни Борджа? Вскоре ему присвоили прозвище, звучавшее как титул, — Романский младенец.

Александр был немного смущен. Брак с Феррарой только с виду казался вполне устроенным. Подписывая

контракт, старый Эркюль торговался, как последний лавочник, и Папа понимал: при первой же возможности тот попытается нарушить достигнутое соглашение. Если бы не страх перед папской армией и не сегодняшняя тревожная обстановка в Италии, он бы и вовсе отвернулся от семьи Борджа. Этот надменный аристократ явно гнушался их скандальной славы. Вот почему так несвоевременны оказались новые толки о детях Александра, на сей раз касающиеся трехлетнего мальчика, к рождению которого он не имел прямого отношения.

Кто такой этот Романский младенец? Вопрос требовал ответа.

Изабелла д'Эсте написала отцу письмо, где вновь изложила свои сведения, позволявшие установить родителей таинственного ребенка. Если бы в связи с мальчиком было упомянуто имя Лукреции, Эркюль получил бы достаточные основания для пренебрежения брачным соглашением.

Тогда Александр выпустил буллу, главным в которой было признание маленького Джованни законнорожденным. Поскольку никто не сомневался в его принадлежности семье Борджа, то у Папы попросту не оставалось иного выхода. Он объявил, что отцом младенца был Чезаре, герцог де Валентинуа, а матерью — одна малоизвестная римлянка. Родитель множества незаконнорожденных детей, Чезаре не возражал против ответственности за одного законного.

Слухи на какое-то время улеглись; Эркюль уже не мог придаться к прошлому своей невестки. Но Александр все равно беспокоился за будущее ее сына.

Между тем французские войска вступили на территорию Неаполя; в их походе, как того требовала договоренность между Папой и Луи, участвовал Чезаре.

Федерико проявил малодушие и сдался еще до прибытия объединенной франко-ватиканской армии. Луи милостиво предложил ему убежище во Франции, а тот с благодарностью принял его предложение.

Больше всех успехом этой военной кампании упивался Цезаре. Наконец-то был посрамлен и унижен человек, некогда отказавшийся выдать дочь замуж за Борджа! Цезаре давно ждал этого времени. Кроме того, теперь многие преклонялись перед ним, и в ходе сегодняшних блестящих побед большинство восхищенных взоров обращалось на него, а не на Луи, которому на самом деле он был обязан и этим, и предыдущим триумфом.

Победителей встречали пирами и балами, и в центре всех праздников неизменно оказывался Цезаре. Множество женщин пылало желанием познакомиться с ним, хотя известия о кровавой резне, учиненной им в Капуе, не могли не достичь их, если уж даже французские военачальники во всеуслышанье заявляли о том, что они не считают себя союзниками такого жестокого и разнузданного варвара.

Дикая натура Цезаре давала о себе знать всякий раз, когда, он считал, что кто-то унизил его достоинство, — так было и сейчас. Все жестокости и насилия этой военной кампании совершались им ради исцеления ран, нанесенных принцессой Карлоттой и ее отцом.

В Капуе он велел слугам разыскивать и приводить к нему всех самых красивых девушек, известных в городе, — требовал, чтобы каждая была девственницей. Затем выбрал сорок наиболее приглянувшихся ему и отправил в Рим, где поселил в своем дворце и держал, как рабынь в гареме. Нравы его и впрямь были варварскими. Мужчинам, которых он подозревал в каком-либо умышленном или неумышленном оскорблении, а то и просто в недружелюбии, отрезали язык, отрубали руки и выставляли на всеобщее обозрение, как наглядный урок всем непокорным.

Он удовлетворял все свои прихоти, но делал это так неосмотрительно, что очень скоро заразился болезнью, которой страдал в ранней молодости и которая в Италии была известна под названием французский недуг.

Этот недуг не только подтачивал его физические силы,

но и все заметней сказывался на состоянии рассудка. Необузданность превращалась в звериную озлобленность; свирепость становилась главной чертой характера; страдая от боли, он вел себя так, будто был одержим одним неистовым желанием — причинять ее другим.

Весь Рим содрогнулся от ужаса, когда он вернулся из похода и присоединился к торжествам, посвященным замужеству его сестры.

Альфонсо д'Эсте, днем работавший в литейной мастерской, а по ночам развлекавшийся со своими бесчисленными любовницами, был наименее обеспокоенным человеком при дворе старого герцога.

— Столько шума из-за какого-то брака! — морщился он. — Поскорей бы покончить с этим делом.

Его братья, Ипполит, Ферранте и Сигизмунд, которым предстояло отправиться за Лукрецией в Рим и привезти ее в Феррару, горячо спорили с ним. Он их не слушал. В семье Альфонсо споры давно стали обычным явлением — что, вероятно, было не удивительно, поскольку число мнений здесь никогда не уступало количеству братьев.

Ипполит, мечтавший о кардинальской мантии и сопутствующих ей привилегиях, не переставал говорить о своем желании доставить невесту в их дом. Кроме того, он немало слышал о ней и находил, что женщина с таким скандальным прошлым может быть интересна сама по себе.

Ферранте заявлял, что ему уже давно не терпится посмотреть на нее. Кровосмесительница и убийца! Наконец-то в Ферраре будет не так скучно, как прежде!

Сигизмунд торопливо крестился и говорил, что им следует упасть на колени и молить Бога о том, чтобы это супружество не обернулось несчастьем для их семьи.

Альфонсо сначала смеялся над ними, потом перестал обращать внимание.

— Хватит болтать, — в конце концов не выдержал он. — Эта женщина — такая же, как тысячи других.

— Ошибаешься, брат, — сказал Ферранте. — Она обольстительница, и говорят, что ее брат, Чезаре Борджа, убил второго брата, а затем и супруга Лукреции, потому что сам желал обладать ею.

Альфонсо сплюнул через плечо.

— Я бы мог найти дюжину таких, как она, — в любой вечер, в любом феррарском борделе.

Он зевнул. Затем повернулся и пошел в свою литейную мастерскую.

Сигизмунд вздохнул.

— Наш отец не торопится посылать нас в Рим, — сказал он. — Думаю, он поступает правильно.

Чезаре застал сестру, окруженной служанками, среди рулонов атласа и бархата. Лукреция была поглощена своим любимым занятием — кройкой платьев собственного фасона.

Отрез кремового с голубоватым оттенком бархата выпал из ее рук, и она застыла на месте, глядя на брата широко раскрытыми глазами, цепенея от страха и восторга перед ним. В целом мире не было человека, подобного ему. Больше никто не имел такой власти над ней — причинять невыносимую боль и переполнять нежностью.

— Чезаре... — наконец выдохнула она.

Он усмехнулся и кивнул на рулоны материи.

— Стало быть, готовишься к свадьбе.

— Ах, впереди еще много дел.

Она махнула служанкам, и те с готовностью удалились.

— Брат мой, — сказала она, — я счастлива снова видеть тебя в Риме.

Он засмеялся. Затем коснулся ее лица своими пальцами — такими же красивыми и тонкими, как у его отца.

— Причина моего возвращения — не из приятных.

— Ты очень страдаешь. Надеюсь, лечение подействует?

— Говорят — да, но иногда мне кажется, что я уже никогда не избавлюсь от этой мерзости. Эх, знать бы, кто наградил меня ею на сей раз.

Его глаза сверкнули, и она вздрогнула. Ей уже рассказывали о тех варварских жестокостях, которыми он прославился в Неаполе.

— Кажется, сестра, — сказал Чезаре, — ты все-таки не очень рада меня видеть.

— Ах, ошибаешься!.. Вот только жаль, что ты выглядишь не так хорошо, как мне хотелось бы.

Он взял ее за руку, и она постаралась не показать, что его пожатие причинило ей боль.

— Твой будущий супруг слывет грубияном, — сказал он. — Я кое-что слышал о нем. Едва ли он будет похож на твоего прежнего Альфонсо, к которому ты питала такие нежные чувства.

Она не смела взглянуть на него.

— Мы не выбираем тех, за кого выходим замуж, — прошептала она. — Такова наша судьба — мы должны покоряться ей.

— Моя Лукреция! — воскликнул он. — Неужели Богу угодно...

Она знала, что он собирался сказать, и поэтому перебила его:

— Мы будем встречаться. Ты постарайся почаще приезжать ко мне в Феррару. А я — к тебе в Романью.

— Да, — сказал он. — Да! Ничто не должно разлучить нас.

Затем наклонился к ее лицу и прошептал:

— Лукреция... ты дрожишь. Точно боишься меня. Во имя всех святых, почему? Почему?

— Чезаре, — ответила она. — Скоро ты уедешь из Рима. А я... я выйду замуж.

— И ты боишься... своего брата, который так любит тебя! Лукреция, я этого не допущу. Я заставлю тебя радоваться мне, любить меня так же, как я — тебя!

— Да, Чезаре.

— Лукреция, ты для меня важнее всех на свете. С кем бы я ни был, я люблю только тебя. Все остальные... они быстро надоедают мне. Они — не Борджа. Лукреция, Лукреция... я бы отдал тебе все, что у меня есть. всю свою жизнь, если бы только...

— Нет, — твердо сказала она. — Нет!

— А я говорю — да, — властным тоном произнес он.

Его рука легла на ее затылок. В это мгновение она подумала, что он готов убить ее, потому что сейчас наверняка представил свою сестру вместе с супругом, а для него не было ничего более невыносимого, чем такая картина.

Затем он неожиданно выпустил ее — и горько рассмеялся.

— В тебе течет кровь Борджа, а ты как будто и не знаешь об этом. Хочешь быть, как все остальные. Любить супруга, растить детей. Но ты все равно не спрячешь того, что есть в тебе! Никуда не денешься от своей натуры. Сегодня ты придешь в мои покои. Я устраиваю небольшую вечеринку. Будут наш отец и кое-кто еще. Думаю, ты хорошо проведешь время.

— С великим удовольствием приду к тебе, — согласилась она.

— Да, Лукреция, — сказал он. — Ты придешь.

В тот вечер в покоях Чезаре состоялась оргия — одна из тех, что позже стали упоминаться чуть ли не в каждом разговоре, касающемся семьи Борджа.

Эта затея принадлежала самому Чезаре. Были зажжены свечи в канделябрах, у одной стены стоял папский трон, искусно убранный в шелк и парчу. На троне сидел Папа. Лукрецию посадили между ним и его сыном.

Все сопровождалось неумеренными возлияниями, непристойными разговорами. Тон задавал Чезаре. Это было то, что он называл порядочной компанией, и ему, видимо, хотелось перейти от непристойных разговоров к такому же непристойному поведению.

По его распоряжению сюда привели пятьсот самых

известных римских куртизанок, готовых делать все, что от них потребуют, и больше всего на свете боявшихся не угодить Цезаре Борджа.

Они танцевали. Музыка становилась все громче, танцы — все разнузданней. Тема была одна: обольщение и торжество обольстителя. Цезаре пристально следил за сценой. На небольшом столике перед ним лежала коллекция платьев из тончайшего шелка, чудесная кожаная обувь и шляпы; это были награды, которые Лукреция должна была вручить лучшим исполнительницам, — вот почему он потребовал, чтобы она внимательно следила за каждой парой и замечала все их достоинства и недостатки.

Когда танцовщицы начали в такт музыке раздевать друг друга, Папа захлопал в ладоши.

Лукреция сидела неподвижно, стараясь не смотреть на отца и брата. Она пыталась улыбаться, но улыбка была неестественной.

Не вид обнаженных женщин смущал ее — выросшая в Риме, она привыкла к подобным зрелищам. Лукреция понимала символическое значение этого зрелища. Посредством него Цезаре говорил ей, что она — одна из них; что она принадлежит им; что даже в добропорядочной семье Эсте она не сможет забыть этого вечера.

— А теперь, — сказал Цезаре, — начинается состязание.

— Очень любопытно, — засмеялся Папа, не отрывавший взгляда от пухлой брюнетки, которая освободилась от последней части своего туалета.

Цезаре хлопнул в ладоши, и ему принесли большую чашу жареных каштанов.

— Мы будем их разбрасывать, а дамы — собирать, — объяснил он. — И каждая будет держать зажженный подсвечник. Полагаю, это несколько усложнит их задачу, но тем интересней будет наблюдать за ними.

— Ваше вино оказалось слишком крепким. Заявляю — я не буду ползать по полу и бороться за вашу приманку, — сказал Папа.

Он взял горсть каштанов и бросил их в пухлую брюнетку.

Все, кроме Лукреции, тотчас разразились громким хохотом. Куртизанки отталкивали друг дружку, боролись, обжигались о горящие подсвечники и визжали во весь голос. Иных сбивали с ног — они падали и продолжали собирать каштаны, ползая на четвереньках.

Это и было условным сигналом для слуг, стоявших в углу комнаты. Возбужденные видом обнаженных женщин, они кинулись на сцену.

Папа смеялся до слез, показывая то на одну пару, то на другую.

Чезаре положил руку на плечо сестры.

— Хорошенько примечай, — сказал он. — Тебе предстоит раздавать награды тем, кто умеет демонстрировать свое ремесло.

Она не смела пошевелиться. Щеки у нее горели, но в глазах застыл ужас.

Все это было затеяно с одной целью — опорочить ее и навсегда заклеить этим пороком.

— Никуда ты не денешься от нас! — хохотал Чезаре. — Ты наша — кровь от крови, плоть от плоти. Ты не смоешь с себя клеймо Борджа! Не смоешь, потому что оно — часть тебя!

Наконец все закончилось. Ее тошнило от ужаса и отвращения. И все-таки она сделала то, что от нее требовали, — выбрала победительниц и раздала награды.

Она знала, что всегда будет исполнять желания своего брата. Выход оставался только один — побег.

В ее покоях долго горел свет.

— Пресвятая Богородица, — молилась она, — сделай так, чтобы я поскорей очутилась в Ферраре. Пусть за мной приедут. Поскорей, пока еще не слишком поздно.

Она ждала, а они все не ехали.

Папа не скрывал досады.

— Ну, что на сей раз? — вопрошал он. — Что еще нужно этому неумному Эрколе? Выгодное назначение

для его ублюдка Юлия? Какое-нибудь тепленькое местечко, синекуру, не требующую больших хлопот, но гарантирующую приличный доход? Пусть и не мечтает! Кардинальскую мантию для его приятеля Джигана Лука Кастеллини да Понтремоли? Этого он тоже не добьется. Тогда что? Чего он ждет? Погода-то скоро совсем испортится!

Лукреция не находила места от отчаяния. Чезаре болел, но скоро должен был поправиться. Ей становилось страшно — паутина опутывала ее все плотнее.

Она написала своему будущему свекру — унижалась, просила ускорить приезд его сыновей.

Ответное письмо было очень любезным, даже доброжелательным, но положение дел ничуть не изменилось.

Что делать? — спрашивала она себя. Что если они вообще никогда не приедут?

Дни тянулись медленно, но октябрь промелькнул незаметно.

Папа переживал за свою дочь — пытался подбадривать, пробовал как-нибудь развеселить. Однажды, когда на конюшенный двор впустили двух разохотившихся кобыл и четверых жеребцов, он настоял на том, чтобы она подошла к окну Апостольского дворца и взглянула на творившееся внизу.

Посмотреть на это зрелище собралось довольно много людей, и они видели Лукрецию, стоявшую рядом с ее отцом; разговоры облетели весь город, и Лукреция не сомневалась в том, что часть их достигла ушей тех, кто хотел бы ославить ее в глазах герцога Феррарского.

Неужели я никогда не вырвусь отсюда? — думала она.

Ей хотелось доставить какое-нибудь удовольствие своим новым родственникам — приглянуться настолько, чтобы они не закрывали путь к бегству из родной семьи.

Маленький Родриго доставлял уйму переживаний старому герцогу Эркюлю — тот не желал нести расходов, связанных с воспитанием ребенка от предыдущего брака Лукреции. Тогда она публично поручила сына заботам своего пожилого кузена Франческо Борджа, который те-

перь стал кардиналом Козенцким и в самом деле мог избавить дом Эсте от ненужной им траты денег.

Но они все равно не ехали.

В минуту отчаяния Лукреция объявила: «Если свадьбы не будет, я уйду в монастырь».

Кортеж из Феррары прибыл только в декабре.

Сразу начались торжества, предшествовавшие свадьбе. Брак должен был заключаться по доверенности.

На мосту Сант-Анджело весь день палили пушки. Во всех храмах звенели колокола. Папа показывал принцам Эсте свое могущество и радовался, как ребенок, когда они осматривали его владения. Ему хотелось преподать им урок — научить наслаждаться роскошью, ценить богатство.

Он то и дело обращал их внимание на красоту Лукреции.

— Ну не очаровательна ли? Безупречная красавица, ни одного изъяна. Само совершенство, это я вам говорю — само совершенство!

Затем стал расспрашивать о герцоге и женихе.

— Какого роста ваш отец? Выше, чем я?

— Высокого роста, — сказал Ипполит. — Но мне кажется, Ваше Святейшество имеет некоторое преимущество перед ним.

Такой ответ Папе пришелся по душе.

— А мой сын, герцог Романский, — он выше, чем ваш брат Альфонсо? Говорите, я хочу знать.

— Ваше Святейшество, рост нашего брата довольно велик, но и герцог Романский — не из низкорослых мужчин. Трудно сказать, но, пожалуй, герцог выше их обоих.

Папа снова остался доволен. Он радовался браку своей дочери, вступавшей в самый древний и самый аристократический род Италии, но в то же время хотел, чтобы никто не забывал о его могуществе, позволявшем ему не оставаться в долгу перед герцогом Феррарским.

Он шепнул Ипполиту:

— Мне не терпится увидеть драгоценности Эсте, которые вы преподнесете моей дочери.

Ипполит смутился. Отец предупредил его, что фамильные драгоценности рода Эсте не предназначены для вручения Лукреции в качестве подарка невесте. Она может надеть их на свадебную церемонию, но не должна думать, будто они перейдут в ее владение. Эти драгоценности стоят несметных денег, и герцог Эркуль не намерен расставаться с ними.

Ипполит со всей тактичностью, на какую только был способен, объяснил Папе положение дел. Александр разочарованно улыбнулся, но всерьез не огорчился. Он был достаточно богат, чтобы не моргнув глазом выложить семьдесят тысяч дукатов — сумму, в которую оценивались фамильные драгоценности семьи Эсте. Важнее всего было замужество Лукреции, а раз уж объявились послы жениха, то и до свадьбы оставалось недолго ждать.

Брак заключили в конце декабря. Дон Ферранте и дон Сигизмунд торжественно провели Лукрецию по площади Святого Петра. Величавой поступью шли гости и придворные, все в пышных нарядах, с подарками в руках. Двадцать пажей несли штандарты семьи Эсте и гербы с изображением Пасущегося Быка.

Лукреция, в своем малиновом бархатном платье и в золотой парчовой накидке с горностаевым шлейфом, была удивительно красива, и толпы собравшихся горожан вздыхали от восхищения, сопровождая ее на всем пути в Ватикан. Церемонию назначили в резиденции Папы, но не в его личных апартаментах, а в серебряной зале дворца. Об этом Папу попросила Лукреция — ей не хотелось, чтобы нынешний брак по доверенности заключался там же, где она стояла на коленях и произносила торжественные обеты вместе с другим, прежним Альфонсо.

Александр, Чезаре и тринадцать кардиналов уже ждали ее, и церемония началась сразу.

Лукреция заметила, что в зале не было Санчи. Они обе не могли забыть Альфонсо Бишелли, а потому отсутствие Санчи немного улучшило ее настроение.

После долгой и довольно утомительной проповеди, которую прочитал епископ Адрийский, Ферранте надел ей на палец кольцо.

— От имени и по поручению моего брата Альфонсо, — провозгласил он.

Затем внесли шкатулку с драгоценностями и церемонно передали ее Лукреции. Папа снисходительно улыбнулся, услышав напыщенную речь Ипполита. Тому и в самом деле пришлось проявить немало изобретательности и такта — эти драгоценности едва ли можно было посчитать свадебным подарком от семьи Эсте. Но в конце концов не в них заключалось то, что хотели получить Борджа, — при желании они могли приобрести куда более сказочные сокровища.

Лукреция с благодарным видом приняла драгоценности.

— А теперь — все на торжества и пиршества! — воскликнул Папа.

Итак, Лукреция в третий раз вышла замуж.

Торжества продолжались.

Лукреция, так долго мечтавшая о побеге из семьи, теперь понимала, что дни ее пребывания в Ватикане сочтены, и с тоской думала о чужой, незнакомой Ферраре.

Разговаривая со служанками о нарядах и украшениях, которые ей предстояло носить, она притворялась веселой, но в душе опасалась за свое будущее; просыпаясь по утрам, вспоминала о том, что приближался день отъезда, а следовательно, и встреча с супругом, которого совсем не знала, и с жизнью в семье, враждебность которой чувствовала несмотря на всю обходительность своих деверей.

Почти все время рядом с Лукрецией находилась ее юная кузина, пятнадцатилетняя Анджела Борджа. Та с нетерпением ждала путешествия в Феррару, куда им предстояло ехать вместе.

Беззаботная и жизнерадостная, Андже́ла упивалась своей молодостью и, казалось, была исполнена решимости получить от жизни все мыслимые и немыслимые наслаждения. Кипучей натурой и полнейшим презрением к этикету она напоминала Санчу. Сейчас Андже́ла приложила к себе одно из платьев Лукреции — ее собственного фасона — и кружилась по комнате, изображая невесту на свадебном балу.

Служанки смеялись до слез, глядя на нее. Даже Лукреция не могла удержаться от улыбки.

— Хватит баловаться, дитя мое, — сказала она. — Лучше помоги мне с застешками.

Ее наряжали в платье из малинового бархата с золотыми лентами, и Андже́ла тут же воскликнула:

— Ах! Что бы я только ни отдала за такой наряд! Двадцать лет жизни и свою честь в придачу.

— Не понимаю, о чем ты говоришь, — сказала Лукреция.

— Вы не понимаете, как оно вам к лицу! Если бы у меня было такое платье, я бы выглядела не хуже!

Лукреция снова улыбнулась.

— У тебя тоже превосходные наряды.

— Но не такие роскошные. Лукреция, помните ваше платье из голубой парчи, то, с разрезными рукавами и золотым кружевом? Оно бы мне очень пошло.

— Не сомневаюсь, — сказала Лукреция.

— Кузина, вы придумываете наряды для себя, а могли бы и обо мне позаботиться.

Лукреция рассмеялась.

— Это платье ты хочешь надеть сегодня вечером?

Андже́ла обвила руками ее шею.

— А можно, дорогая кузина? Можно?

— Ну, пожалуй, — сказала Лукреция.

— Вы — самая лучшая кузина в мире! Я бы умерла от тоски, если бы мне не разрешили сопровождать вас в Феррару.

— Полагаю, смерть от тоски тебе не грозит. Возь-

ми голубое платье, и мы посмотрим, как оно сидит на тебе.

— Чудесно сидит! Я уже мерила.

Ей помогли надеть платье, и она стала расхаживать по комнате, изображая Лукрецию то в одном, то в другом настроении: Лукрецию на свадьбе; Лукрецию на консистории с кардиналами во время ее регентства; Лукрецию, танцующую с Ипполитом, с Ферранте и с Чезаре.

Она была жизнерадостна и беззаботна. Лукреция любовалась, на какое-то время забыв о своих волнениях.

Ипполит стоял в углу залы и безучастными глазами смотрел на танцующих. Ему предстояло о многом сообщить домой. Как и его братья, он уже отослал несколько писем — отцу, Альфонсо и Изабелле, — в которых расписывал красоту, обаяние и добродетели их новой родственницы. Ипполит усмехнулся. Изабелла будет вне себя от ревности — она считает себя самой привлекательной и неотразимой женщиной Италии. Как, впрочем, и самой образованной, может, она и права. А вот в отношении своего первенства в моде, в элегантности, в умении изысканно и со вкусом одеваться — явно заблуждается. Едва ли ее наряды смогут соперничать с коллекцией платьев, которые привезет с собой Лукреция. Он знал, что Ферранте писал о Лукреции, захлебываясь от восторга. Так же, как и Сигизмунд, — а ведь понимал, с какими чувствами его отзывы воспримет Изабелла! На самом деле Сигизмунд не хотел расстраивать сестру, но был слишком благочестив, чтобы скрывать правду. Вот почему его письма могли уязвить Изабеллу гораздо больше, чем известия от Ипполита, которого она подозревала в злонамеренности, или от Ферранте, который был чересчур впечатлительным юношей.

Его размышления прервал высокий, стройный мужчина, вышедший из толпы и направившийся к нему. Лицо мужчины было скрыто под маской, но по осанке и по манере держать себя он сразу узнал Чезаре.

Ипполита многое объединяло с Чезаре. Первый с

неохотой носил кардинальскую мантию — и с еще большей неохотой ее в свое время носил второй; оба были тщеславны, хотя и в разной степени; оба выделялись в любом обществе — правда, и тут по-разному. И каждый чем-то привлекал другого.

— Веселый карнавал, мой господин, — сказал Ипполит.

— Бывали и повеселей.

— Что-то невеселое слышится в смехе Его Святейшества.

— Он помнит, что моя сестра скоро уедет отсюда.

Ипполит пытливо взглянул на Чезаре.

— Вас это тоже огорчает?

Чезаре не ответил; было видно, что под маской он нахмурился. Ипполит тотчас добавил:

— Расскажите, как вам удалось избавиться от мантии.

Чезаре рассмеялся.

— На это ушли целые годы.

— Сомневаюсь, что я вообще когда-нибудь смогу это сделать.

— Мой дорогой Ипполит, вы — не сын Папы.

— Увы! Мой отец не поможет мне сбежать от судьбы, на которую меня обрекли.

— Друг мой, не позволяйте подавлять ваши естественные потребности. Когда я был членом Священной Коллегии, я не позволял ей ограничивать меня. У меня было множество самых разнообразных походов — таких же захватывающих, как и мои сегодняшние.

— Понимаю.

— А вы? Вы придерживаетесь суровых законов церкви?

— Каюсь, до сих пор мне это не удавалось. Вот и сейчас я чувствую склонность к любовной интриге.

Чезаре оглядел залу.

— Вон то чудесное создание в голубом платье, — сказал Ипполит.

— А! — засмеялся Чезаре. — Моя юная кузина Андже-ла. Только недавно из пеленок, но уже со своим шармом.

— Очаровательное существо, — согласился Ипполит.

— В таком случае, мой друг, я советую вам поторопиться. Через несколько дней Анджела покинет Рим вместе с моей сестрой, и, хотя вы будете сопровождать их, у вас останется не очень много шансов, поскольку вы должны будете вернуться — как заложник добрых намерений вашей семьи по отношению к Лукреции.

— Знаю, — сказал Ипполит. — Но она так молода и при всей своей обольстительности, совершенно невинна... кажется.

— Тем лучше, — заметил Чезаре. — Торопитесь, мой друг. Время не ждет.

— А вы? Вы кого-нибудь выбрали на этот вечер?

Чезаре не ответил. Он явно не слышал вопроса; проследив за его взглядом, Ипполит увидел, что тот смотрел на свою сестру.

Ипполит повел Анджелу на танец. Она была обворожительна, такая юная и уже склонная к флирту с этим миловидным кардиналом. Он сказал ей, что она прекрасна; она ответила, что находит его внешность вполне сносной.

Тогда он сказал, что не сводит с нее глаз с той минуты, как она вошла в залу. Анджела снова кокетничала. Очевидно, думал Ипполит, я буду первым ее любовником — возможно, первым из многих, но все-таки первым.

Эта мысль доставила ему удовольствие.

Он прошептал:

— Не лучше ли нам пойти куда-нибудь, где мы могли бы побыть вдвоем, где я мог бы поговорить с вами?

— Лукреция заметит и пошлет кого-нибудь приглядывать за мной.

— Лукреция — ваша дуэнья?

— В каком-то смысле. Она будет опекать меня до тех пор, пока я не вернусь из Феррары.

Он сжал ее руку; она вспыхнула.

— Вы меня интригуете, — сказал он.

— А вы меня удивляете, — съязвила она. — Вы кардинал!

— Пусть мой наряд не смущает вас.

— Разумеется, не смутит! Я достаточно хорошо знакома с духовными лицами, и знаю, что для кардинала он так же обременителен, как и для любого другого мужчины.

— Видимо, вы хорошо осведомлены в делах церкви.

— Ровно настолько, чтобы не поддаваться на легкомысленные слова, даже если их говорит кардинал.

Ипполит приуныл. Бесспорно, она была очаровательна. Но не так нежна и наивна, как он предполагал. Тут требовались долгие ухаживания. Очень жаль — у него и так не хватало времени.

Она воскликнула:

— Лукреция делает мне знаки! Кажется, ей не по душе доверять меня какому-то беспутному кардиналу.

Он едва слушал — в эту минуту в залу вошла женщина такой красоты, что у него захватило дух. Пышноволосая, с яркими синими глазами. Он слышал о неотразимых чарах Санчи Арагонской, но не ожидал, что они так властно подействуют на него. Она ничуть не походила на девочку, приглянувшуюся ему своей молодостью. Санча дышала страстью. За ней не нужно было долго ухаживать. Она бы тотчас поняла, привлекает ли ее какой-нибудь мужчина, и если да, то все остальное последовало бы без промедления.

Он сказал:

— Раз ваша кузина зовет вас, мы должны подчиниться.

— Мы можем притвориться, будто не замечаем ее, — предложила Анджела.

— Не стоит проявлять такое неуважение к супруге моего брата, — строго произнес он.

И, с решительным видом взяв ее под локоть, повел к Лукреции.

Он прикоснулся губами к руке своей невестки и заговорил с ней о завтрашних увеселениях. Затем к ним подошел Ферранте, и он попросил Ферранте потанце-

вать с Анджелой. Еще позже к нему и Лукреции присоединился Чезаре. Тогда Ипполит поклонился им обоим и направился к Санче Арагонской.

Чезаре сказал:

— Лукреция, мы с тобой будем танцевать.

Они вышли в центр залы, она — в малиновом бархатном платье с ослепительно яркими золотыми кружевами, с коралловой нитью в волосах, он — в элегантном золотом наряде, стройный, как некое античное божество, ненадолго спустившееся на землю.

— Нет, эти танцы мне не по душе! — воскликнул Чезаре. — Давай танцевать, как в детстве. Что-нибудь испанское, зажигательное! В Ферраре тебе такой случай уже не представится. Я слышал, они там слишком чопорные. Давай танцевать хоту или болеро.

Он крепко держал ее за руку, и все-таки она чувствовала, что имеет определенную власть над ним. Ей отчетливо вспомнились дни, проведенные в детской, и его ревность к их брату Джованни.

— Лукреция, Лукреция... — прошептал он. — Ты уезжаешь... очень далеко. Как мы будем жить без тебя... наш отец и я?

— Мы будем видеться, — тихо сказала она. — Постараемся почаще навещать друг друга.

— Ты уедешь от нас, станешь членом семьи, непохожей на нас.

— Я всегда буду членом нашей семьи.

— Никогда не забывай об этом, — сказал он. — Никогда!

Папа, любовавшийся своими детьми, не захотел, чтобы вместе с ними танцевал кто-то еще. Он хлопнул в ладоши и подал всем знак оставить их вдвоем. Затем махнул скрипачам и флейтистам. Те поняли его желание и заиграли испанскую музыку.

Они танцевали одни во всем зале. Как когда-то Лукреция — на другой своей свадьбе, с другим своим братом. Музыка звучала неистовой, становилась все более

страстной, и всех завораживала грациозность и выразительность их движений.

Многие не сводили с них глаз, и вскоре по танцевальной зале пронесся слух, что разговоры, ходившие вокруг этой пары, могли оказаться правдой.

В числе нескольких людей, не наблюдавших за ними, была Анджела Борджа. Она смотрела на Ипполита, который обменивался пылкими взглядами с Санчей Арагонской. Анджела понимала, что он уже забыл девочку, забавлявшую его одно-два мгновения. Первая примерка роскошного платья Лукреции оказалась неудачной. В конце концов она повернулась и медленно пошла к выходу из залы.

Папа привлекал внимание гостей к красоте и изяществу танцоров.

— Какая великолепная грация! — восклицал он. — Какой порыв, сколько чувства! Где вы видели, чтобы кто-то еще так танцевал?

Он громко аплодировал, смеялся, хохотал; но стоявшие поблизости различали в его голосе какую-то истерическую нотку. Кое-кто предсказывал, что после отъезда дочери он постарается использовать любой предлог, чтобы вернуть ее.

Настало время расставаться.

Перед самым отъездом Лукреция побывала в загородном доме у своей матери.

Ваночца радовалась за нее. Еще бы, ведь эта золотоволосая красавица теперь была герцогиней — и не просто герцогиней, а герцогиней Феррарской, представителем самого древнего рода Италии, — она стала настоящей аристократкой! Успех дочери умилял стареющую Ваночцу.

— Я приеду проводить тебя, — сказала она. — Буду стоять на улице, вместе с горожанами.

— Спасибо, мама.

— Я горжусь тобой, очень горжусь.

Лукреция поцеловала мать. Она знала, что Ваноцца гораздо больше переживала из-за частых разлук с Чезаре.

В детской расставание было иным. Здесь ее сердце разрывалось от боли. Маленький Джованни за несколько недель своего пребывания в Ватикане успел привязаться к своей матери. Он уже забыл свой прошлый дом и освоился с роскошной обстановкой, которая теперь окружала его.

Узнав об отъезде Лукреции, он расплакался.

К счастью, маленький Родриго был еще слишком мал, чтобы хоть что-то понимать.

Наконец предстояло самое мучительное расставание. Александр принял ее в своих личных апартаментах и отпустил прислугу.

Папа заключил дочь в свои объятия. У обоих по щекам текли слезы.

— Я не отпущу тебя, — тихо произнес он. — Не отпущу.

— О отец мой, — ответила она, — дорогой, святейший и самый любящий отец, как мы сможем жить друг без друга?

— Не знаю. Не знаю.

— Но вы ведь приедете в Феррару?

Александр задумался. Для пожилого человека такая поездка слишком утомительна, но он все равно примет ее. Ему не пристало равняться на остальных стариков. Он не такой, как они.

— Да, — сказал он, — мы встретимся, и не один раз. Как же иначе? Да, и почаще пиши мне, дорогая.

— Обязательно, отец. Каждый день по письму.

— Мое милое дитя, я желаю знать все подробности. Compliments, которые тебе будут говорить, платья, которые будешь носить, все о твоих друзьях, о приятелях, а если кто-нибудь станет досаждать тебе, то об этом я тоже хочу своевременно получить известие, потому что — клянусь тебе, Лукреция, — никому не будет дано безнаказанно обидеть тебя, и горе тому человеку, из-за которого поседает хоть один твой золотистый волос!

— Когда еще у женщины был такой же любящий отец, как у меня?

— Никогда, дочь моя. Никогда.

Под окнами уже стоял кортеж, лошади фыркали и нетерпеливо били копытами о мерзлую землю. Солдаты и слуги переминались с ноги на ногу и дышали в кулаки, отогревая их на холодном январском воздухе.

Открылась дверь, и вошел Чезаре. Вид у него был подавленный.

— Ах, ты чувствуешь то же, что и я, сын мой, — вздохнул Папа.

Чезаре обнял сестру.

— Отец, она уезжает от нас, но мы не прощаемся. Очень скоро вы снова увидите ее в Риме. Феррара не так уж далека от нас.

— Спасибо, сын мой. Мне нужны утешения.

Они заговорили по-испански, на валенсийском диалекте. Родной язык позволял им лучше ощущать близость друг другу, а порой и защищал от чужих ушей.

— Не пройдет и года, — сказал Александр, — как я побываю в Ферраре.

— И тогда, — добавил Чезаре, — не поздоровится всякому, кто не окажет должного уважения моей сестре.

Александр посмотрел на дочь.

— Чезаре тоже сможет отстоять тебя и твои права, дорогая, — сказал он. — У тебя не только любящий отец, но и всесильный брат, и он не может не заботиться о твоём благополучии.

Чезаре крепче прижал ее к себе.

— Как мы сможем отпустить тебя? — простонал он. — Как? Как? — Его глаза остекленели. — Отец, оставим ее у нас! Устроим развод. Если нужно, я поведу войско на Феррару. Все лучше, чем разлука!

Папа грустно покачал головой. Затем напомнил сыну о выгодах этого брака. Попросил не забывать о будущем маленького Джованни и еще совсем крошечного Родриго.

— Ты-то, Чезаре, — сказал он, — будешь с ней дольше, чем я. Ведь часть пути тебе предстоит провожать ее.

Папа укутал ее в расшитую золотом накидку с горностаевым подбоем, погладил мягкий мех на рукавах.

— Не простудись, дорогая, — сказал он. — На улице идет снег.

Затем поднял капюшон — надвинул на лицо так, что оно оказалось почти скрытым.

— Береги себя. Дорога будет не из легких.

Он вывел ее на площадь Святого Петра. Помог взобраться на мула. Отошел на два шага и крикнул так, чтобы слышали все остальные:

— Господь с тобой, дочь, и святые хранят тебя! Благословляю и обещаю заботиться о тебе так же, как и прежде!

Отъезжающие поняли, что эти слова предназначались не только для Лукреции, но и для них. Папа грозил расправой каждому, кто посмеет причинить малейший вред его дочери.

Кавалькада медленно тронулась в путь. Следом поехали сто пятьдесят повозок, груженные нарядами и приданым Лукреции.

Александр вернулся во дворец и стоял у окна до тех пор, пока дочь не исчезла из виду.

Потом опустился в кресло и закрыл лицо руками.

Так он сидел довольно долго. После чего положил руки на колени и позвал слуг.

— Феррара не так уж далека от Рима, — тихо добавил он.

ГЛАВА 5

ПУТЬ В ФЕРРАРУ

Настроение Изабеллы д'Эсте портилось день ото дня — с каждым новым сообщением, которое приходило в ее замок, высящийся на берегу полноводного Минция.

В кортеже, что отправился из Феррары в Рим, у нее

был один верный человек, в прошлом носивший духовный сан и теперь подписывавший свои донесения условным прозвищем Священник. Перед отъездом он поклялся, что будет держаться свиты Лукреции и высылать подробные отчеты обо всем, имеющем отношение к новоиспеченной герцогине.

Эти отчеты, как и прочие известия, приводили Изабеллу в ярость. Она уже почти не сомневалась в том, что вторая супруга Альфонсо, сумевшая покорить его братьев — включая даже благочестивого Сигизмунда! — решила доказать свое превосходство над невесткой.

«У нее такие наряды, какие вам и не снились», — писал Ферранте. И следом, точно все они вздумали издеваться над ней, прибывали нескончаемые наблюдения добросовестного Священника, все эти дотошные описания малиновых, голубых, розовых, парчовых, бархатных, кружевных, окаймленных золотым шитьем и многих других платьев из гардероба Лукреции.

Откуда она берет такие наряды? — допытывалась Изабелла. Герцогиня Феррарская предпочитает носить платья собственного покроя, отвечали ей.

Изабелла считала себя самой элегантной женщиной Италии. Недаром же король Франции просил прислать ему коллекцию кукол, наряженных по ее эскизам. И вот Ферранте ставит ее в известность о том, что ей не снилось и что отныне он каждый день будет видеть перед собой!

— Я покажу ей, что такое настоящая элегантность! — кричала она на своих служанок.

Изабелла собрала у себя всех своих портных. В замок привезли рулоны самой лучшей материи. До свадьбы оставалось совсем немного времени, и ей нужно было торопиться, если она хотела затмить туалеты этой выскочки Борджа.

Дни и ночи ее портные и рукодельницы трудились над ее будущими нарядами. На изысканное парчовое платье нашивали жемчужины, расшитую золотом пеле-

рину подбивали мехом белой рыси. На столах лежали отрезы добротного бархата, дорогого атласа, полосы и куски великолепно выделанной кожи.

Сама она ходила из угла в угол рабочей комнаты и читала выдержки из писем, присланных братьями и бывшим священником.

— Да какова же она из себя-то? — восклицала она. — Сдается, они настолько без ума от нее, что даже не могут ничего толком сказать. Вот, послушать только! «...высокая и стройная, и ей к лицу все туалеты и украшения».

Высокая и стройная! Изабелла судорожно хваталась за свои полнеющие бедра.

Служанки, как могли, успокаивали ее.

— Маркиза, она не может быть стройнее вас. А если хоть в чем-то тоньше, то — худа, как жердь.

Вокруг хлопотали портные и цирюльники, следившие также за ее кожей. По пятам ходил учитель танцев, нанятый сразу после того, как Ипполит написал о бале во дворце Его Святейшества.

В приготовлениях к свадьбе Альфонсо не принимал участия только один человек. Им был супруг Изабеллы, маркиз Мантуанский Франческо Гонзага.

Он раздражал ее своей беспечностью. Однажды она не выдержала и набросилась на него:

— А ты, судя по всему, в восторге от этого брака! Тебе нравится, что мою семью подвергли такому унижению!

— Скорее уж ты сама должна радоваться ее нынешнему благосостоянию, дорогая, — мягко заметил Франческо.

— Дукаты! Что они стоят по сравнению с этим... мезальянсом?

— Спросите у своего отца, Изабелла. Уж кто-кто, а он деньгам знает цену. И дукаты есть дукаты, откуда бы они ни пришли — из папской казны или из закровов Феррары.

— Ты издеваешься надо мной.

Он грустно улыбнулся — вспомнил, как обожал ее в первые дни их супружества. Но тогда она была изумительно красива. И обворожительна, и умна. Ах, если бы Изабелла оказалась хоть немного более скромной — не такой тщеславной женщиной!..

— Нет, — сказал он. — Не издеваюсь.

— Ты ведь видел эту девчонку. Расскажи, как она выглядит. Мои братья точно сговорились — только и пишут, что о ее платьях да украшениях.

— Так вот почему вся прислуга занята твоими новыми платьями да украшениями?

— А ты сам? Ты, надо полагать, обращал внимание не на аксессуары?

Франческо мыслями вернулся к тому дню, когда весь Рим чествовал в нем героя, одержавшего первую победу над французами. Он вспомнил встречавшую его девочку — тогда шестнадцатилетнюю, но выглядевшую еще моложе. Снова увидел ее золотистые волосы и светло-голубые глаза, такие редкие в Италии.

— У меня сохранились только самые смутные воспоминания, — сказал он. — Она казалась очаровательным дитятей.

Изабелла пытливо взглянула на супруга. Это «дитя», если верить слухам, уже тогда было далеко не невинно. Хотела бы знать Изабелла, что она думала о Франческо, который каким-то непостижимым образом — так казалось маркизе — нравился многим женщинам. Она могла понять успех Ипполита или Ферранте, или даже ублюдка Юлия. Те были из семьи Эсте. Но ее супруг? Было бы куда более объяснимо, если бы он в первую очередь прельщал каких-нибудь безродных испорченных девчонков из испанской провинции.

Она отмахнулась от этих мыслей — сейчас не было времени думать о чем-либо, кроме приближающейся свадьбы.

— Нужно немедленно написать Элизабетте, — сказала она. — Я слышала, кортеж некоторое время просто-

ит в Урбино. Пусть твоя сестра будет настороже с этой Борджа.

Франческо хорошо знал чопорность герцогини Урбинской. Он ответил:

— Эта Борджа — еще не совсем пожилая женщина. И едет не к себе домой, а к незнакомым людям, на чужбину. Не сомневаюсь, она сейчас полна страхов. Если будешь писать Элизабетте, попроси быть поласковой с ее гостей.

Изабелла расхохоталась.

— Поласковой с Борджа! С этой-то змеей, что выползла из своего клубка? Ну уж нет, я обязана предостеречь твою сестру.

Франческо покачал головой.

— Скорее, это ее пребывание в Ферраре будет отравлено, если вы все объединитесь против нее.

Он повернулся и пошел прочь. Изабелла задумчиво посмотрела вслед. Она явно задела супруга. Мог ли он испытывать какие-нибудь нежные чувства к девушке, с которой виделся много лет назад? Невозможно. С тех пор они ни разу не встречались. Видимо, эта Лукреция Борджа, при всей ее порочной репутации, побуждала мужчин на рыцарские поступки.

Но у нее не было времени размышлять о дурацкой галантности Франческо и его симпатиях к дочери Папы Римского. Она тут же написала своей золовке, герцогине Урбинской. Бедная Элизабетта! Ей предлагают развлекать какую-то выскочку, и она должна оказать той достойный прием — показать все презрение, на какое способна. В подобных обстоятельствах только так и можно вести себя.

Гонец привез два письма от ее отца.

Она быстро прочитала. Первое было официальным приглашением на свадьбу. Как ни странно, оно ни единым словом не упоминало о Франческо.

Во втором, частном письме герцог объяснял свое решение. Он не доверяет семье Борджа. Этот брак может

быть затеян для того, чтобы усыпить бдительность итальянских синьоров, заставить их съехаться в Феррару и таким образом оставить незащищенным собственные владения, в то время как Чезаре уже давно зарится на чужие земли. Вот почему Эркуль считает, что Франческо должен остаться дома и в случае нападения отстоять Мантую.

Изабелла кивнула. Своего отца она ценила не только за аристократичность, но также за проницательный склад ума.

Предложение герцога устраивало ее и по другой причине. Изабелла собиралась сделать все возможное, чтобы осложнить пребывание Лукреции в их семье, а Франческо своим присутствием только помешал бы ее планам. И вот ей представилась возможность поехать в Феррару без супруга.

Когда она показала ему эти письма, он погрузился в размышления.

— Благоразумное решение, не правда ли? — спросила она.

— Да, — сказал он. — Звучит вполне разумно. Только дураки покидают их владения, когда Чезаре Борджа расширяет свои собственные.

Она взяла его за локоть и рассмеялась ему в лицо.

— Я вижу, твои добрые чувства к сестре не распространяются на брата.

— Брат, — сказал он, — это мое прямое дело.

— Верно, Франческо. А потому сестру предоставь мне.

Кортеж двигался медленно, с частыми остановками. Им оказывали пышные приемы, в их честь устраивали увеселительные зрелища. Когда Чезаре распрощался и поскакал обратно, Лукреция испытала чувство освобождения от прошлого, но не избавилась от страха перед будущим. Ипполит тоже с полдороги вернулся в Рим. Ему предстояло стать заложником от Феррары. Расставаясь с ним, Анджела держалась с подчеркнутым безразличием. А он и не замечал ее холодных взглядов. Мысли кардина-

ла были заняты предстоявшей поездкой к берегам Тибра, где его ждали новые встречи с Санчей Арагонской.

Рядом с Лукрецией ехала Адриана Мила, с которой она в детстве проводила так много времени. Адриана исполняла обязанности прислуги, и Лукреция была благодарна ее заботливому присутствию — так же, как и обществу своих кузин, Анджелы и Джироламы Борджа, недавно вышедшей замуж за Фабия Орсини. Компания давних подруг отвлекала ее от грустных мыслей, придавала хоть какую-то уверенность в завтрашнем дне.

Затем настало время прощаться с Франческо Борджа, которому предстояло воспитывать маленького Родриго.

Она долго смотрела ему вслед и понимала, что порвалась еще одна нить, связывавшая ее с прошлым. Затем повернулась и дала команду двигаться дальше. Впереди их ждал прием у герцога и герцогини Урбинских.

Герцог и его супруга Элизабетта встречали Лукрецию у ворот города Губбия, расположенного на территории герцогства Урбино.

Элизабетта с трудом скрывала досаду. Ее супруг все-таки настоял на том, чтобы Лукреции Борджа был оказан почетный прием. Довод у него был один: Чезаре уже давно зарится на их обильные угодья и готов при первом же удобном случае начать военные действия. Следовательно, они не должны проявлять к нему враждебности, а должны встретить его сестру так же, как если бы их посетила женщина из самого аристократического рода Италии.

При таких обстоятельствах Элизабетта, состоявшая в постоянной переписке со своей невесткой, едва ли могла содействовать планам Изабеллы д'Эсте.

Сейчас она думала — уже в сотый, в тысячный раз — о тех несчастьях, которые в их жизнь принесли Борджа. Их беды начались с того, что Джованни Борджа возглавил армию Папы и призвал под свое командование супруга Элизабетты, Гвидобальдо Урбинского (слышшего, как и ее брат Франческо Гонзага, одним из величайших

солдат Италии). Это Джованни отдавал войску такие некомпетентные, бессмысленные приказы, из-за которых французы наголову разбили папское войско, а Гвидобальдо был ранен, попал в плен и содержался в холодной и сырой темнице до тех пор, пока семья не заплатила за него огромный выкуп. Папе Борджа ничего не стоило выложить эти деньги, но он был занят — выторговывал условия мирного соглашения, исправлял ошибки своего бездарного сына.

Когда Гвидобальдо вернулся домой, он был уже не тем мужчиной, которого Элизабетта знала как своего супруга. Его стройная фигура оказалась искалеченной ревматизмом, он страдал от частых приступов подагры. В папскую армию его призвали цветущим молодым человеком, вернули — жалкие обломки. Передвигаясь, он еле волочил ноги, а случались дни, когда и вовсе не вставал с постели; его тело было сгорблено, желтоватосерое лицо покрывали многочисленные морщины.

Элизабетта горько переживала за него. Гвидобальдо смог простить семью Папы Борджа — по натуре он был слишком мягким человеком и не видел зла до тех пор, пока оно не обрушивалось на него. Сама Элизабетта никогда не простила бы их.

Гвидобальдо предоставил весь замок в распоряжение Лукреции, устроил для нее маскарады, балы и множество увлекательных зрелищ; он был обходителен и любезен. Однако Лукреция постоянно ощущала враждебность Элизабетты — а ведь именно с Элизабеттой ей предстояло продолжать путь в Феррару. И по настоянию Папы они должны были ехать вдвоем в одной повозке.

Александр хотел, чтобы его дочь как можно больше времени проводила в обществе Элизабетты и Изабеллы. Ей следовало изучать их привычки, манеру одеваться, жесты — не забывать, что обе дамы принадлежат к самому своенравному и аристократическому роду Италии.

«Когда я не буду видеть тебя, — сказал Александр, — меня сможет утешить только сознание того, что ты на-

слаждаешься компанией этих принцесс. Все делай, как они. Говори, как они. Ведь тебе, моя ненаглядная Лукреция, нужно стать такой же принцессой, как твои новые родственники».

И вот, лежа в повозке бок о бок с Элизабеттой, Лукреция решила быть такой же чопорной и холодной, как ее спутница, — в результате чего последняя лишилась возможности смеяться над ней, чем намеревалась заняться в дороге. Герцогиня Урбинская была вынуждена признать, что молодая Борджа умела держаться с достоинством настоящей аристократки.

Тем не менее Элизабетта ничего не забыла. Эта девчонка воспитывалась при дворе Папы. Значит, слышала рассказы об импотенции Гвидобальдо, которого по милости святого отца так долго гноили во французской тюрьме. Наверняка слышала. Уж кто-кто, а Борджа никогда не прочь поиздеваться над беззащитным человеком. И Элизабетта не собирается прощать только потому, что их девчонка обладает достаточной воспитанностью и чувством собственного достоинства. Борджа всегда были коварными людьми, и чем очаровательней выглядит одна из них, тем больше зла может причинить.

Поэтому Элизабетта продолжала сохранять отчужденность, и Лукреция понимала, что ее спутница ждет, когда она допустит какой-нибудь промах.

Когда они прибыли в Пезаро, Элизабетта насторожилась. От нее не укрылось некоторое замешательство Лукреции. Вне всяких сомнений, та вспомнила месяцы, проведенные здесь с Джованни Сфорца, — ведь ее первый супруг был синьором этого города, пока Чезаре не завладел им.

А все подробности их скандального развода? Разве такое забывается?

Элизабетта небрежно заметила:

— Кажется, это место знакомо вам.

— Я бывала здесь.

Элизабетта улыбнулась.

— Ах да, с вашим первым мужем. Но тогда вы были еще слишком молоды, не так ли? Вероятно, вы даже не воспринимали его как супруга. Да и брак оказался не настоящим. Консумации-то не было.

Лукреция смотрела на дорогу. Ее щеки слегка покраснели.

— Правда, когда Джованни гостил при дворе моей невестки, он поклялся, что брак был полностью совершен, — продолжила Элизабетта. — Бедный Джованни! Потерять так много... свои земли... супругу... даже свою мужскую репутацию. Право, мне жаль его.

Лукреция снова промолчала — она тоже жалела Джованни.

— Вне всяких сомнений, здешние жители всегда будут помнить об этом, — добавила Элизабетта. — У них долгая память. Они никогда не забудут тот день, когда вы приехали сюда как невеста синьора Пезаро. И вот... вот вы приезжаете к ним невестой совсем другого человека, хотя их господин — замечу, бывший — все еще жив и даже утверждает, что все еще является вашим супругом!

— Не понимаю, как это возможно, если состоялся развод, — сказала Лукреция.

— На основании неконсумации! Но если консумация все-таки была, то основание для развода исчезает и... если нет причины, то какой может быть развод? Не знаю, не знаю. Вероятно, ваш отец, который так умудрен в подобных вопросах, мог бы кое-что объяснить нам... Ах, да взгляните же вы! Эти люди горят желанием посмотреть на вас. По-моему, вы должны показаться им.

И Лукреция, надеявшаяся миновать Пезаро незамеченной, была вынуждена выйти из повозки и дальше ехать верхом, на виду у толпившихся горожан.

Впрочем, Элизабетту снова постигло разочарование. Городом сейчас правил Рамиро де Лорка, которого Чезаре оставил своим наместником. Этот испанец превосходно знал о том, какие чувства его хозяин питал к Лукреции, а потому решил устроить ей прием, достойный са-

мых прославленных людей Италии. И Рамиро мог рассчитывать на добросовестность жителей Пезаро, обещавших содействовать его планам, — он был слишком известен своей жестокостью, чтобы они смели поступить иначе.

И вот, сказался ли тут страх перед Рамиро или их в самом деле очаровала стройная золотоволосая женщина, ехавшая впереди кортежа, но всюду ее провожали дружные несмолкающие крики:

— Герцогиня! Да здравствует герцогиня Феррарская! Да здравствует Лукреция Борджа!..

Ферранте был в восторге от Лукреции. В своих письмах он так превозносил ее, что Изабелла не только сердилась, но и страдала от ревности.

«Дорогая сестра, вчера я вместе с ней открывал бал. Никогда еще не видел ее такой прекрасной. Волосы — чудо, лучше любого золота. Она моет их каждый день, но вчера они казались особенно пышными и яркими. На ней было черное бархатное платье, очень шедшее ее стройной фигуре, а на голове — небольшая золотая шапочка, сливавшаяся с цветом превосходно завитых локонов; на лбу сверкал огромный бриллиант. Ее карлики — презабавнейшие создания. Весь вечер они веселили нас своими уморительными выходками, но при этом не забывали и привлекать всеобщее внимание к красоте их госпожи — уже тем, что носили костюмы, сочетающиеся с ее нарядом, и все время подражали ее жестам и манере говорить. Порой они позволяли себе довольно непристойные шутки — даже о самой Лукреции! Но, кажется, никто не обиделся. Римские нравы очень отличаются от наших, мантуанских и феррарских. Воображаю, что бы ты сказала, дорогая сестра, если бы очутилась в этой танцевальной зале, посреди этих карликов, которые всюду следовали бы за тобой и осыпали своими неприличными словечками! Вот Лукреция — другое дело. Она их воспринимает с высочайшим чувством юмора. Впрочем, хорошее настроение вообще не покидает ее с тех пор, как мы выехали из Пезаро».

Прочитав это письмо, Изабелла пришла в ярость.

— Идиот! — воскликнула она. — Этот мальчишка пишет, как какой-то обезумевший от счастья любовник! Учитывая ее репутацию, вполне может быть, что так оно и есть.

Она показала письмо Альфонсо, попыталась пробудить в нем возмущение. Тот остался по-прежнему равнодушен.

Когда Лукреция была в Римини — том самом городе, где она вместе с Ферранте открывала бал, — в замок прискакал слуга, спешивший сообщить тревожную новость.

Первым человеком, которого он увидел, был Ферранте, и слуга упал ему в ноги, умоляя выслушать. Мадонна Лукреция находится в величайшей опасности, причитал он.

— Неужели? — спросил Ферранте.

— Мой господин, за городом ее поджидает группа вооруженных людей. Их привел Каррачьоло.

— Каррачьоло! — воскликнул Ферранте.

— Могу я кое-что напомнить моему господину? Каррачьоло был помолвлен с девушкой по имени Доротея да Крема, которую похитил Чезаре Борджа и о которой с тех пор нет никаких известий.

— Ты хочешь сказать, что этот человек намеревается похитить мадонну Лукрецию?

— Вполне может быть, мой господин. И, возможно, сделать с ней то же самое, что Чезаре Борджа сделал с его суженой.

Ферранте, не теряя времени, поспешил к Лукреции и рассказал об услышанном. Лукреция побледнела — мысль о насилии ужаснула ее.

Ферранте бросился на колени и объявил, что будет защищать ее, не щадя своей жизни. Она не слушала — думала о Доротее, которая отправилась в путешествие, похожее на ее нынешнюю поездку, но так и не добралась до места назначения.

Она понимала чувства этого мужчины, Каррачьоло. И знала, что ждет ее, попадись она ему в руки, Вошла Элизабетта. Ферранте мгновенно вскочил с колен.

И, не переводя духа, выпалил о том, что услышал от слуги.

Элизабетта пожала плечами.

— Вероятно, чья-нибудь неудачная выдумка.

Но на ее лице промелькнуло выражение удовольствия. Она ненавидит меня, решила Лукреция. Надеется, что окажусь во власти Каррачьоло.

Злорадство этой женщины испугало ее не меньше, чем новость, которую сообщили ей.

Она подумала: я — Борджа; грехи моей семьи — мои грехи. Что если они сейчас настигают ее... что если на самом деле нет никакого выхода?

Ночь выдалась бессонной. Лукреция до утра не сомкнула глаз — ворочалась в постели, смотрела то в потолок, то в окно и каждую минуту ждала криков с улицы, стука копыт и грубых окликов, требующих ее выдачи.

Перед рассветом весь город окутал густой туман, и она настояла на том, чтобы под его прикрытием путники незаметно выскользнули из Римини.

Слуги быстро снарядили повозки, и кортеж без лишнего шума двинулся в путь — по дороге Эмилия, что вела в Болонью.

Когда туман рассеялся, они остановились и посмотрели назад. Там не было никаких признаков погони.

Лукреция вздохнула с облегчением, но Элизабетта решила не давать ей расслабляться.

— У меня для вас новость, — сказала она. — На свадьбу приедет Джованни Сфорца.

— Он не посмеет это сделать!

— Посмеет. Он еще неделю назад объявил о своих намерениях. И, не сомневаюсь, спешит раньше нас оказаться в Ферраре.

Лукреция пытливо взглянула на свою спутницу. Ей

показалось, что это Элизабетта и ее подруга Изабелла, в которой она теперь видела своего главного врага, подстроили присутствие Джованни на предстоящей свадьбе.

В Болонье ее встречали члены правящей семьи Бендивольо. Они торжественно проводили Лукрецию в чудесный особняк на окраине города, который приготовили специально для нее.

В доме пылали свечи, весело потрескивало пламя в очагах. Лукреция и ее свита с наслаждением отогревались и узнавали о все новых увеселениях, которые были назначены в честь их приезда. Впрочем, первый день путники решили посвятить отдыху — переодеться и спокойно посидеть у огня.

Анджела и Джиролама помогли ей сменить туалет. Обе не переставали говорить о том, что находятся вблизи границы Феррары и их утомительная поездка скоро закончится; вспоминали об оказанных им приемах, о тех многочисленных золотых и иссиня-черных флагах, которыми встречали Лукрецию люди, знавшие о ее излюбленном сочетании цветов.

— Ах, кухня, — сказала Анджела, — не иначе, вся Италия любит вас. Чем же еще можно объяснить такой энтузиазм? Только любовью!

— Любовью... или страхом, — утрюмо заметила Лукреция.

Джиролама сказала:

— Я даже во сне слышу их голоса. Слышу, как они кричат: «Герцогиня! Герцогиня! Да здравствует герцогиня!» И так без конца.

— Они влюбляются в вас сразу, как только видят перед собой, — настаивала Анджела. — Достаточно вам проехать мимо — и они замирают от восхищения.

— Скорее от удивления, — сказала Лукреция. — Только потому, что у меня не змеи вместо волос и глаза не превращают их в камень. Но я все равно кажусь им Медузой Горгоной.

— Ах, зачем вы так говорите? Чем больше дурного

они слышат о вас, тем больше любят. У вас вид... просто ангельский! Да-да, другого слова и не подберешь.

— Моя дорогая кузина, ты смотришь на меня глазами девушки, которую зовут Андже́ла Борджа. А я пришла к заключению, что все Борджа друг в друге не видят ничего, кроме самого совершенства... Увы, люди смотрят на нас иными глазами.

Внезапно в комнату вбежала Адриана.

— Ура! — закричала она. — У нас неожиданный гость! Ой... что с вашими волосами? Немедленно приче́сывайтесь! И снимайте этот халат. Где ваше черное платье? Предупреждаю, времени уже не осталось!

— Кто? — вздрогнув, спросила Лукреция. Она подумала о Карраччоло. Неужели тот все-таки настиг ее?

Адриана была так возбуждена, что с трудом подбирала нужные ей слова.

— Не знаю, как могло такое случиться. Ну же... девочки... ну, быстрее. Ох, дорогая... дорогая моя... Неужели вас застанут в таком виде?

— Адриана, успокойся. Скажи толком — кто к нам приехал?

— Здесь Альфонсо. Ваш жених решил встретиться с вами до того, как вы прибудете в Феррару.

— Альфонсо?..

Лукреция задрожала.

Она едва замечала Адриану, метавшуюся по комнате в поисках подходящего платья; не обращала внимания на Анджелу, расчесывавшую ее мокрые волосы.

Затем из коридора донеслись звуки тяжелых шагов, послышался низкий мужской голос, приказавший кому-то посторониться.

Дверь распахнулась, и перед Лукрецией предстал Альфонсо д'Эсте.

Он был высок и широкоплеч. Горбоносый, с глазами стального цвета. От него веяло грубой силой.

Лукреция спешно встала и сделала реверанс.

Адриана и кузины подумали, что еще никогда не ви-

дели ее такой прелестной и хрупкой, как сейчас, перед своим будущим супругом.

— Мой господин, — сказала она, — если бы мы заранее знали о вашем приезде, мы бы устроили вам иной прием.

— Ха! — рассмеялся он. — Вот этого-то я и не хотел.

— Вы застали меня с мокрыми волосами. Мы только недавно прибыли и еще не успели стряхнуть дорожную пыль с нашей одежды.

— Пустяки. Меня не смущает вид дорожной пыли. — Он взял в руку прядь ее волос.

— Я слышал, они сияют, как золото.

— Когда сухие, мой господин.

Он взъерошил их, а потом бережно пригладил.

— Они мне нравятся, — сказал он.

— Я рада, что они доставляют вам удовольствие. Что касается меня...

Он смотрел на нее, и она признала в нем знатока женщин — ни одна часть ее тела не оставалась без внимания, то и дело слышался его суховатый смешок. Он не был разочарован.

Затем взглянул на Адриану и двух девушек.

— Оставьте меня с мадонной Лукрецией, — сказал он. — У меня к ней дело.

— Мой господин... — встревожившись, начала Адриана.

Он махнул рукой — сразу на всех троих.

— Цыц, милашки. Мы женаты, пусть даже по договоренности. Исчезните, я сказал.

И, видя колебания Адрианы, рыкнул:

— Живо!

Адриана поклонилась и вышла. Девушки последовали за ней.

Альфонсо повернулся к Лукреции.

— Пусть зарубят у себя на носу, — сказал он. — Любое мое желание требует немедленного исполнения.

— Это я уже поняла.

Его руки легли на ее плечи. Он чувствовал себя немного не в своей тарелке — не привык к обществу воспитанной женщины. Он предпочитал девушек, с которыми встречался в селениях и тавернах. С ними было проще. Увидел, поманил, и они, не смея не подчиниться ему — да и не имея такого желания, — приходили к нему. Он не принадлежал к числу тех мужчин, что любят тратить время на ухаживания.

Она выглядела хрупкой, но не была такой невинной девушкой, какой казалась с виду, — уж это он знал. И она возбуждала его.

Он грубо обнял ее и поцеловал в губы. Затем взял на руки.

— Вот зачем я приехал, — сказал он и понес ее через все комнаты, в спальню.

Она смутно заметила, как суетливо бросились прочь девушки, поджидавшие ее там.

Во всем доме только и говорили, что о приезде Альфонсо. Ей было все равно. Ему — тем более.

Узнав о бесцеремонном поступке Альфонсо, посетившего невесту накануне их свадьбы, Изабелла рассвирепела.

Она ворвалась в покои Альфонсо и потребовала ответить, как мог он допустить такое грубое нарушение этикета.

— Как? — усмехнулся Альфонсо. — Очень просто — взял лошадь и приехал в Болонью.

— Но ты должен был встречать ее во время торжественной церемонии, стоя бок о бок с твоим отцом!

— Так я и поступлю.

— Нет, ты уже поступил по-другому — сам побежал к ней, как какой-то влюбленный мальчишка!

— Любому мужчине интересно, что представляет собой женщина, на которой ему предстоит жениться. А если ты желаешь пенять на кого-то, вини саму себя.

— Саму себя?!

— Разумеется, саму себя. Если бы ты не расписала ее

такими черными красками, я бы мог подождать. А так — я должен был удовлетворить свое любопытство.

— Зная тебя, я подозреваю, что ты удовлетворил не только любопытство.

Альфонсо разразился громким хохотом.

— А ты бы хотела, чтобы она вообразила, будто ей в супруги достался еще один Сфорца?

— Сфорца не был таким, пока Папа его не вынудил.

— Если так, ему следовало бы доказать, что дело обстоит иначе.

— Как! Перед свидетелями? — Изабелла рассмеялась. — Полагаю, в таких условиях ты и сам не был бы уверен в своих силах.

— Мне и не предъявили бы подобных претензий. Не пожелали бы идти против общественного мнения.

— Какие уж тут мнения! Несчастливая Феррара, в ней половина детей похожа на тебя!

— Не вижу ничего противоестественного. Людям требуется уверенность в том, что мужчина есть мужчина.

— Ну-ну. Кажется, у тебя сейчас слюнки потекут.

— Еще бы, она была превосходна.

— Как и любая другая женщина — для тебя, разумеется.

— Не любая. Я бы не согласился на такую, которая пыталась бы помыкать мной, как ты — бедным Франческо.

Изабелла в ярости выбежала из комнаты и пошла к отцу — выпросить разрешение быть во главе посланников, которые раньше других встретят Лукрецию.

— С нашей стороны это будет жестом доброй воли, — объяснила она. — Альфонсо уже виделся с ней. Теперь настала очередь вашей дочери — раз у вас нет супруги, то роль хозяйки должна исполнять я.

Эркуль не возражал, спорить все равно было бы бесполезно.

— Я возьму с собой Юлия, — добавила Изабелла. — К сожалению, из всех ваших сыновей он один сможет составить мне компанию. Альфонсо уже скомпромети-

ровал себя, Ипполита держат в Риме как заложника, а Ферранте и Сигизмунд едут вместе с кортежем. Остается только Юлий.

— Думаю, Юлию понравится это небольшое путешествие, — сказал Эркюль.

Лукреция взошла на борт барки, которая должна была доставить ее в Феррару. Впереди простирались равнинные берега реки По — земля утренних туманов и ночных холодов. Александр, как всегда, оказался прав, когда посоветовал ей беречься от простуды и дал в дорогу теплую меховую накидку.

Она улыбнулась, вспомнив встречу с супругом. Альфонсо ясно показал, что приехал не ради разговоров. В нем было много грубого — и консумация с ним не походила ни на одну из тех, что совершали ее прошлые мужья. С Джованни она испытывала неловкость, потому что тот и сам стыдился ее. С прежним Альфонсо, герцогом Бишельи, все то же самое было восхитительным романтическим походом. С новым супругом это стало неумным плотским инстинктом лишенным какой-либо утонченности и требовавшим немедленного удовлетворения.

Ей казалось, что она сможет его удовлетворить.

Из задумчивости ее вывели радостные крики — на встречу плыла большая расписанная золотом галера.

Подошла Адриана.

— Это буцентавр маркизы Мантуанской. Она встречает нас, чтобы проводить в Феррару.

В глазах Адрианы мелькнула тревога. Она знала о враждебности Изабеллы по отношению к Лукреции.

Корабли пристали друг к другу, и Изабелла ступила на борт барки. Свою первую победу она одержала, застав Лукрецию не в том наряде, в котором та намеревалась предстать перед Альфонсо. На самой Изабелле было великолепное, сверкающее драгоценностями платье из зеленого бархата и длиннополый черный плащ с опушкой из белой рыси.

Лукреция поклонилась. Изабелла взяла ее за плечи и холодно поцеловала.

— Добро пожаловать в Феррару, — сказала она.

— Ваш визит — большая честь для меня, маркиза.

— Мне захотелось загладить бестактность моего брата, посетившего вас перед свадьбой, — сказала Изабелла.

Лукреция улыбнулась своим воспоминаниям.

Бесстыжая! — подумала Изабелла. Ну ничего, ей будет не смешно, когда выяснится, что объятия Альфонсо принадлежат каждой дворовой девке.

Она повернулась к Элизабетте.

— Моя дорогая сестра! Элизабетта! Позволь прижать тебя к моему сердцу, дорогая. Я так рада видеть тебя!

— Милая маркиза!

— Как дорога? — спросила Изабелла.

Элизабетта бросила взгляд на Лукрецию.

— Утомительна... очень утомительна.

Лукреция еще раз убедилась в том, что Элизабетта и Изабелла вступили в союз против нее. Но она не придавала большого значения этому обстоятельству. Ее внимание привлек молодой человек очень приятной наружности, поднявшийся на палубу барки. Он подошел и протянул ей обе руки.

— Добро пожаловать! Добро пожаловать! — воскликнул он. — Мы совсем заждались вашего приезда. Поэтому-то и решили немного поторопить вас.

Его брови были слегка подкрашены, волосы — аккуратно завиты. Огромные черные глаза казались самыми красивыми из всех, что она видела до сих пор.

— Юлий, — представился он. — Незаконный сын герцога.

Его улыбка была такой теплой и непринужденной, что Лукреция забыла о враждебном присутствии Изабеллы.

Она сказала:

— Мои кузины. Анджела... Джиролама...

— Очарован, очарован, — пробормотал Юлий.

Его взгляд задержался на Анджеле.

Анджела в упор смотрела на него. Почему, думала она, Ипполит мне показался красивым? Только потому, что я не видела этого незаконного сына герцога Феррарского.

Осознав происходящее, Изабелла поторопила их — им не следовало забывать, что она несет ответственность за церемонию встречи, а возле бечевника, который перекинули недалеко отсюда, герцог Эркуль уже ждет прибытия своей новой дочери.

Барка медленно двинулась вперед, и вскоре над водой показались смутные очертания бечевника. Судно остановилось, его подтянули к берегу.

Лукрецию привели к старому герцогу. Она опустилась на колени, и ему вдруг стало жалко ее. Что бы ни говорила о ней Изабелла, все-таки эта хрупкая золотоволосая женщина оказалась в чужой стране, среди чужих людей.

— Встаньте, встаньте, моя дорогая, — сказал Эркуль. — Трава сырая, а у нас впереди торжественная церемония. — Он обнял ее и добавил: — Моя барка уже готова к отплытию.

Впрочем, рядом с герцогом стоял Альфонсо, и улыбка, которой она обменялась с ним, была из тех, что не предназначаются для совсем уж чужого человека.

Весь следующий день светило яркое солнце. Гости и хозяева улыбались — они ожидали, что Феррара встретит их дождями и туманами.

У Лукреции был еще один повод для хорошего настроения. Утром ей помогала одеваться девушка по имени Никола, а та сообщила ей, что Джованни Сфорца передумал и не приедет на свадьбу. Возможно, побоялся навлечь на себя гнев Альфонсо и его отца, решила Лукреция.

В город она въехала верхом на чистокровном арабском жеребце белой масти, в пышном свадебном платье, в сопровождении французского посла и его свиты, прибывших специально для участия в торжествах. За ними следовали самые знатные горожане с прислугой, каждый

из которых был наряжен с такой роскошью, точно больше всего на свете хотел превзойти другого в богатстве убранства и украшений, добиться того, чтобы все взгляды феррарцев оказались прикованными только к нему.

Перед самой церемонией к процессии присоединился Альфонсо, одетый в строгий серый камзол с чешуйчатым золотым орнаментом. Над его черной шляпой развешалось всего одно перо, и, благодаря скромности своего наряда, он привлекал к себе все внимание простого люда, толпившегося вдоль улиц и возле замка герцога, где состоялась свадьба.

Когда закончились бал и праздничное застолье, служанки помогли Лукреции раздеться. Они сняли с нее малиновое с золотым платье и украшенный драгоценными камнями головной убор, освежили лицо и расчесали волнистые золотистые волосы.

С ней хотели сыграть две-три известные шутки — довольно грубые, в свадебных традициях ее времени, но Лукреция чувствовала себя слишком усталой и ясно дала понять, насколько не расположена к подобному веселью.

Вошел Альфонсо. Его не смущали те непристойные забавы, которыми кто-то мог досаждать им. Он был готов провести полночи со своей невестой и больше ни о чем не думал.

Таким образом, эта брачная ночь Лукреции заметно отличалась от той, которую она провела с другим Альфонсо, но у нее были все основания полагать, что ее супруг не остался недоволен ею.

Когда все закончилось, она смотрела в потолок и радовалась уходу людей, по настоянию Папы присутствовавших в ее спальне и добросовестно наблюдавших за процессом консумации.

Через некоторое время — минимальное для того, чтобы всадник мог доскакать из Феррары в Рим, — Папа читал отчет о свадьбе.

Все было изложено с подробностями: приезд в Фер-

рару, малиновое с золотым платье его дочери, оказанные ей почести и прием в замке семьи Эсте.

Старый Эркюль восторгался Лукрецией. Ее красота и очарование превзошли все, что приходилось ему слышать о ней, писал герцог. «А наш сын, славный дон Альфонсо, провел прошлую ночь в обществе своей невесты, и мы уверены, что они оба остались довольны друг другом».

Папа тоже был доволен. Он позвал своих кардиналов и стал читать им письмо Эркюля. Дойдя до места, где описывалось очарование Лукреции, Александр остановился и грустно покачал головой — сейчас ему очень хотелось увидеть свою дочь.

Другие письма были не так сдержанны, как первое.

— Три раза, — трясая головой от смеха, проговорил он. — Чезаре был способен на большее, но этот славный дон Альфонсо — не Борджа. Для Эсте хватит и трех раз.

Александр пребывал в чудесном настроении. Одна из его любовниц забеременела. Это свидетельствовало о немалом запасе жизненных сил, сохранившихся в семидесятидвухлетнем мужчине.

Учитывая такое обстоятельство, а также успехи Лукреции и Чезаре, он порой задумывался о возможном бессмертии семьи Борджа.

Проснувшись наутро после свадьбы, Лукреция не обнаружила Альфонсо рядом. Итак, слухи о нем оказались правдой. Даже сегодня он встал раньше нее, чтобы пойти к какой-нибудь любовнице или в свою литейную мастерскую.

Но какое это имело значение? Она не любила его. Ее нынешний брак совсем не походил на предыдущий. Лукреция вспомнила, с каким пылким желанием просыпалась тогда, в те нежные, упоительные утра, и тотчас отмахнулась от этих воспоминаний. Все беды того супружества происходили только потому, что она слишком любила.

Так любить она больше не будет. Не повторит ошибки. У нее теперь есть титул герцогини Феррарской, один из самых почитаемых в Италии. Она хочет наслаждаться своим новым положением, желает рожать и растить сыновей и ни в коем случае не станет расстраиваться из-за любовниц своего супруга.

Лукреция хлопнула в ладоши. Появились Анджела и Никола.

— Я проголодалась, — сказала она. — Принесите что-нибудь.

Они убежали и через некоторое время вернулись с завтраком. Она жадно набросилась на еду; но, утолив голод, не сделала ни малейшей попытки подняться с постели.

В замке уже зашевелились проснувшиеся гости, а она все лежала и разговаривала со служанками.

Анджела сообщила, что Изабелла и Элизабетта оделись и интересуются, почему она не выходит к ним.

— Мне нужно немного отдохнуть от их постоянного внимания, — сказала Лукреция.

— Ненавистная парочка! — воскликнула Анджела.

— Я изволю провести в постели все утро, — сладко зажмурившись, протянула Лукреция. — Впереди много танцев и развлечений — перед ними мне необходимо набраться сил.

— Но что на это скажет донна Изабелла? — спросила Никола.

— Это ее дело.

— Юлий сказал, — возразила Анджела, — что она привыкла распоряжаться всеми, кто оказывается рядом с ней.

— Ферранте говорит, — добавила Никола, — что в Ферраре она такая же хозяйка, как и в Мантуе.

— И, я полагаю, — посмотрев на ту и другую, сказала Лукреция, — Анджела и Никола находят абсолютно правильным все, что говорят Юлий и Ферранте.

Никола покраснела — в отличие от Анджелы. Последняя уже забыла о своей недавней трагедии, и с красавчи-

ком Юлием у нее завязались отношения, пугавшие Лукрецию и явно выходившие за пределы обычного флирта. Впрочем, что мешало им пожениться? Вот с Никола дело обстояло иначе. Ферранте был законным сыном герцога Эркюля. О его браке с Никола не могло быть и речи.

Она чувствовала, что должна выбрать удобный момент и предупредить Никола.

Пришла Адриана и сказала, что донна Изабелла поднимается в апартаменты Лукреции — якобы для того, чтобы пожелать доброго утра, а на самом деле желает рассмотреть на ее лице следы так называемой «битвы с супругом». С ней идут сыновья герцога и кое-кто из молодых слуг.

Лукреция поняла — после грубых ночных шуток они решили доставить себе новое удовольствие.

Она крикнула:

— Запереть двери! Никого не впускать!

Адриана посмотрела на нее с недоумением.

— Запереть двери перед донной Изабеллой и донной Элизабеттой?

— Вот именно, — сказала Лукреция. — И поторопитесь, а то будет поздно.

Когда раздался стук в дверь, она спокойным голосом объявила, что желает отдохнуть и просит ее не тревожить.

Изабелла была вынуждена вернуться восвояси. Спускаясь по лестнице, она поклялась отомстить этой выскочке Борджа, посмевавшей запереть двери перед ней.

В замке, стоящем на берегу полноводного Минция, Франческо Гонзага читал отчет о свадьбе.

Изабелла писала, что Лукреция оказалась женщиной довольно приятной наружности — вполне привлекательной, хотя и не оправдавшей ожидания тех людей, которым ее расписывали как непревзойденную красавицу. И, к великому разочарованию всех гостей и хозяев Феррары, эта бедняжка настолько растерялась в незнакомой

обстановке, что весь первый день ходила замкнутая и неразговорчивая, как какая-нибудь перепуганная крестьянка. Жаль, ей не посоветовали прибыть в город ночью. При свете факелов она выглядела бы сносно.

Служанки супруги сообщали, что после всего услышанного эта новая родственница дона Альфонсо показала всей Ферраре просто дурнушкой. «Лучше бы она и не появлялась здесь при дневном свете. Всюду только и говорили: «Сравните ее с донной Изабеллой! Вот уж настоящая красавица! А у этой — ни шарма, ни вкуса. Куда уж ее нарядам до изысканных платьев донны Изабеллы».

Впрочем, от своих приятелей и приятельниц Франческо получал иные сведения.

«Лукреция Борджа и впрямь очень хороша собой. У нее красивые светло-голубые глаза; волосы — того самого золотого цвета, о котором так много говорят в Италии. Она очень жизнерадостна, но держится скромно, без вызова. Правда, фигурка у нее немного хрупковата, но это лишь прибавляет ей грациозности. Трудно представить, что на свете было бы более женственное создание, чем она».

Читая эти строки, Франческо усмехался.

Он надеялся, что девочка, которая когда-то очаровала его, окажется достойной соперницей Изабеллы.

Торжества продолжались. Каждый день устраивалось какое-нибудь зрелище. День изо дня Изабелла в компании с Элизабеттой затевала все более изощренные коварства, оскорблявшие достоинство Лукреции, и с каждым днем Лукреции все труднее становилось уживаться с ее новыми родственниками.

Альфонсо все так же был страстен ночью и безразличен в остальное время суток. Герцог Эрколь по-прежнему торговался из-за каждого дуката — письма летели из Феррары в Рим и обратно, но никто не смел сказать Папе, что в цитадели Эсте у Лукреции появились враги.

Феррарцы уже не стесняясь оскорбляли Лукрецию — смеялись, когда она проходила мимо, издевались над ее грациозной походкой и нарядными платьями. Она не подавала виду, что замечает их грубые выходки, но однажды не выдержала и отказалась от прислуги, которую старый Эркуль предоставил в ее распоряжение. Большую часть утра она проводила в постели, разговаривая с Анджелой или Адрианой, обсуждая туалеты и прически на предстоящий день, — старалась вести себя так, как если бы находилась во дворце Санта Мария дель Портико.

На балах и праздничных застольях Лукреция была неизменно прекрасна и всегда невозмутима. Как-то раз ее служанки начали играть испанские мелодии, и она, выбрав самую красивую из испанок, приехавших в Феррару из Рима, стала танцевать с ней. В развевающихся платьях, с кастаньетами в руках, они так очаровали гостей, что те затаили дыхание и не сводили глаз с этой великолепной пары.

Когда танец закончился и наконец стихли долгие аплодисменты, Анджела спросила у Изабеллы:

— Не правда ли, мадонна Лукреция танцует, как ангел?

— Ангел? Полагаю, тут уместней сравнение с какой-нибудь испанской цыганкой! Я слышала, они пляшут с таким же жаром.

Анджела вспыхнула, но Юлий, стоявший рядом, предупредительно взял ее за локоть.

Вокруг засмеялись, а Анджела повернулась к Юлию и крикнула:

— Вы ее боитесь!.. Боитесь вашей сестры!

В это время Лукрецию, откинувшуюся в кресле неподалеку от них, служанки обмахивали веерами. Она улыбалась, будто и не слышала язвительного замечания Изабеллы.

В тот же вечер Альфонсо и Юлий танцевали вдвоем и также заслужили аплодисменты гостей бала, а еще позже Альфонсо играл на виоле.

Было странно видеть его грубоватые пальцы, хранившие следы тяжелого труда и извлекавшие из инструмента такие нежные, чарующие звуки. Глядя на них, Лукреция не могла не подумать о том, как мало она в сущности знала своего супруга.

Вскоре Изабелле предстояло вернуться в Мантую, и она решила не уезжать, не оставив Лукреции какого-нибудь постоянного напоминания о своих чувствах к ней.

Изабелла пошла к старому герцогу и застала его склонившимся над какими-то счетами.

— Знаешь ли ты, дочь моя, — сказал он, — что в замке до сих пор находятся почти четыре сотни гостей? Знаешь? А как полагаешь, в какую сумму нам обходится их содержание?

Изабелла, у которой никогда не было желания разбираться в чужих проблемах, пропустила этот вопрос мимо ушей.

— Ваша невестка не прожила у вас и двух недель, а уже собирается превратить семью Эсте в какой-то испанский двор.

— Ей это не удастся.

— Почему вы так думаете?

— Потому что я ей не позволю.

— Вы и не заметите, как все произойдет. О, мадонна Лукреция спокойна и невозмутима! Ничто ее не берет! А с виду — такая хрупкая, бедняжка. Но учтите, эта бедняжка сделает все по-своему, потому что ее никто не воспринимает всерьез и не мешает ей...

— У меня нет времени на ваши женские раздоры. Четыреста гостей! И всех нужно прокормить! Четырестартов, это не шутки. А лошади? На одном фураже можно разориться.

— Все ее наряды — наполовину испанские. Сплошь в золоте. Это испанская манера, поверьте мне. Испанская! Да вы хоть знаете, что она носит сарагоски?

— Что такое?

— Сарагоски. Шелковые панталоны, сверху донизу

расшитые золотом. Она надевает их под платье — это испанский обычай. Отец, этому нужно положить конец. У вас не будет никакой жизни, пока в вашем доме будет жить эта женщина и ее испанские слуги.

— Ох, да оставь ты ее в покое. Лучше придумай, как мне избавиться от этих гостей, а не то они пустят меня по миру.

— Отец, если вы прогоните ее испанских слуг, едоков станет меньше.

Герцог задумался, а Изабелла улыбнулась. Еще одно важное сражение оказалось выигранным.

Потеря слуг должна была причинить Лукреции больше страданий, чем все предыдущие довольно безболезненные уколы. Конечно, Изабелла хотела бы лишить Лукрецию и ее ближайшего окружения — бдительной Адрианы, коварной Никола, язвительной Анджелы. Но такой шаг завел бы ее слишком далеко, и гнев Папы был бы неминуем. Пока ей приходилось довольствоваться изгнанием испанцев.

Франческо она написала, что устала от Феррары и возвращается в Мантую. Ей не терпится увидеть своего супруга и их маленького сына Федерико.

Получив ее письмо, Франческо смеялся.

Он догадался, что Лукреция не посрамилась перед его супругой, и не понимал, почему это доставило ему такое удовольствие.

ГЛАВА 6 **В КОМНАТКАХ НА БАЛКОНЕ**

Когда гости разъехались, Лукреция собрала вещи в апартаментах, где жила до сих пор, и приготовилась поселиться в «комнатках на балконе» (*gli camerini del poggiolo*), которые герцог предоставил в ее распоряжение.

Она осмотрела их в компании Анджелы и Никола, и все трое остались довольны этим уютным уголком замка.

Лукреция решила, что здесь можно будет обособиться от семьи Эсте, принимать друзей и вообще устроить небольшой уголок Рима в Ферраре.

Анджела попрыгала на кровати — хотела проверить на прочность, — и вместе со скрипом старых досок послышался треск рвущейся материи. Обивка лопнула сразу в двух местах; она прикоснулась рукой к одному из них, и прореха расплзлась еще больше.

— Что за рухлядь! — воскликнула Анджела. — Верно, ей не меньше ста лет.

Она брезгливо взглянула на свои ладони. Они были серыми от пыли.

Лукреция откинула покрывало. Простыни напоминали жеваную бумагу.

— Первый раз вижу такую ветошь, — сказала она. — Интересно, где они ее раздобыли?

Никола встряхнула бархатные портьеры — посыпались клочья все той же серой пыли.

— Остатки былой роскоши, — заключила она.

В отчаянии Лукреция опустила на стул, и обивка на нем тотчас же поползла в разные стороны.

— Так вот какое жилье мой свекор столь великодушно предоставил мне, — сказала она.

— Вполне соответствует духу его гостеприимства, — усмехнулась Анджела. — Теплое снаружи, холодное внутри. На вашем месте, кузина, я бы немедленно пошла к герцогу и спросила, что все это значит, почему в качестве ваших апартаментов выбрали самые убогие каморки замка.

Лукреция покачала головой.

— Полагаю, от этого я ничего не выгадаю.

— А я бы написала святому отцу, — предложила Никола. — Он в два счета устроит вам достойное помещение.

— Мне хочется спокойной жизни, — объяснила Лукреция. — Если я пожелаюсь, будут одни только неприятности. Нет. Мы обновим всю эту обстановку. Заме-

ним мебель, повесим расшитые золотом портьеры. А пока все не придет в божеский вид, я буду жить в покоях, которые занимала до сих пор.

— Так вы собираетесь сделать это за свой счет? — пробормотала Никола.

— Моя дорогая Никола, разве в Ферраре можно чего-нибудь добиться иным способом?

Анджела взяла руку Лукреции и с благоговением поцеловала.

— У вас ангельская внешность, — сказала она, — и такое же терпение. Ваш супруг половину ночи проводит со своими любовницами — вы встречаете его улыбкой, когда он приходит к вам. Ваш свекор оскорбляет вас, предлагая самый жалкий угол в своем замке, — вы снова улыбаетесь и говорите, что меблируете жилье за свой счет. Даже с Изабеллой, этим дьяволом во плоти, вы держитесь так доброжелательно и невозмутимо — внешне, во всяком случае, — будто и впрямь уважаете ее. Никола, что ты думаешь о моей кухне? Не ангел ли она?

— Я думаю, — сказала Никола, — кухня — мудрая женщина. А когда живешь на земле, то лучше быть мудрой женщиной, чем ангелом.

— Хочется верить, что твои слова окажутся не просто лестным отзывом, — вздохнула Лукреция. — У меня такое чувство, что в ближайшее время мудрость мне не помешает.

Обустранивая комнатки на балконе, она получила первый удар.

Ее навестил герцог Эркюль.

Он сказал:

— Вижу, вы еще не заняли помещение, которое я отвел для вас.

— Его нужно заново обставить, — объяснила она. — Когда все будет готово, я с радостью переберусь туда. Кстати, благодарю вас за эти комнатки, они и в самом деле чудесны.

— Обставить заново! — воскликнул герцог. — Это будет стоить немалых денег!

— Я уже подобрала цвет драпировки. А новая мебель там просто необходима. Увы, старая — в плачевном состоянии.

— Мне и свадьба-то обошлась недешево, — проворчал герцог.

— Знаю. Я намереваюсь оплатить все расходы по обустройству этих комнат.

На лице герцога появилось выражение некоторой удовлетворенности. Он откашлялся и продолжил:

— Я пришел сказать вот что. Свадьба потребовала уйму расходов, и я больше не могу кормить и содержать всех ваших слуг. Завтра все испанцы будут отосланы назад в Рим.

Лукреция опешила.

— Но они же вам ничего не стоят! В брачном договоре есть пункт, согласно которому все расходы на прислугу относятся на мой счет.

— Все правильно, — кивнул герцог. — Но эти деньги вам и самой понадобятся. А кроме того, испанцы не подходят Ферраре. Словом, я решил отправить их обратно.

Ей стало страшно. В Риме она была окружена друзьями и поэтому отчетливо ощущала враждебность новой обстановки. Что если у нее хотят отобрать всех слуг — всех, одного за другим? От этой мысли у нее засосало под ложечкой. Ватикан был слишком далеко, а ее свекор вовсе не походил на Александра, который так долго оберегал и лелеял любимую дочь.

Не желая выдавать своих чувств, она опустила голову. Вероятно, в этом он увидел знак покорности его воле, потому что подошел и положил руку ей на плечо.

— Скоро вы узнаете наши порядки, — сказал он. — Испанцы чересчур расточительны, а в Ферраре не любят экстравагантность.

К кому она могла обратиться за помощью? Только к

супругу. Он приходил к ней по ночам и всякий раз оставался доволен ею. Значит, можно было рассчитывать на его сочувствие.

Она ждала Альфонсо, лежа в постели. Вскоре он появился, напевая какую-то мелодию. Лукреция не переставала удивляться тому, что ее супруг, такой грубый во всем остальном, имел тонкий музыкальный слух и явно был неравнодушен к своей виоле.

Он никогда не тратил время на разговоры, и бывали ночи, в течение которых они не произносили ни одного слова. Обычно он раздевался, забирался к ней под одеяло, давал волю своей животной страсти, а потом уходил; но на сей раз Лукреция решила поговорить с ним.

Она села на кровати.

— Альфонсо, мне нужно кое-что сказать тебе.

Он удивленно приподнял брови, будто осуждал ее за желание предаваться беседам в такое неподходящее время.

— Мы почти не разговариваем друг с другом, если не считать тех возгласов, которыми обмениваемся, удовлетворяя свои плотские потребности. Это просто неестественно, Альфонсо.

Он усмехнулся. Она понимала, что его мысли заняты другим.

— Но сейчас я хочу поговорить с тобой, — продолжила она. — Твой отец сказал, что моим испанским слугам в ближайшем будущем придется покинуть Феррару. Альфонсо, прошу тебя — не дай этому случиться. Они мои друзья. А я, хоть и твоя супруга, но все-таки живу в чужой семье. Здесь совсем не те порядки, к которым я привыкла. Пожалуйста, Альфонсо, поговори со своим отцом.

— Я пришел не для того, чтобы заниматься обсуждением ваших семейных обычаев, — с упреком произнес Альфонсо.

— Но неужели мы так никогда и не поговорим? Будем вот так же встречаться — и ничего кроме этого?

Он изумленно посмотрел на нее.

— А что же еще?

— Я совсем не знаю тебя. Ты приходишь ко мне ночью и уходишь рано утром. Днем я тебя почти не вижу.

— Мы превосходно ладим друг с другом, — сказал он. — Очень скоро у нас будет ребенок. Может быть, уже есть.

Лукреция помолчала, а затем неуверенно спросила:

— В этом случае ты не станешь тратить времени впустую?

— У нас еще нет уверенности, — с задумчивым видом произнес Альфонсо.

Лукреция была близка к истерике. Внезапно она громко расхохоталась.

— Я сказал что-нибудь смешное? — спросил Альфонсо.

— Мне показалось, что я похожа на корову, которую привели к быку.

Альфонсо ухмыльнулся. Большого ему и не требовалось. Он задул свечи и бросился в постель. Она задыхалась под тяжестью его тела и хотела кричать, звать на помощь.

Но никто не откликнулся бы на ее крики.

На следующий день испанцы покинули Феррару. В это время Лукреция была на охоте, которую старый герцог устроил, чтобы она не видела их отъезда.

Держалась она с обычной невозмутимостью, и Эркуль решил, что нашел верный способ обращения со своей невесткой.

Добравшись до Рима, испанцы первым делом направились в Ватикан, и Александр немедленно принял их.

— Какие известия из Феррары? — оживленно спросил он. — Привезли письма от моей дочери?

Передавая ее письма, они предупредили Александра о том, что в Ферраре его дочь живет не в такой роскоши, к какой привыкла в Риме.

Он выслушал их рассказ о первых днях пребывания Лук-

реции в семье Эсте, о враждебности Изабеллы, о надменности Элизабетты и о невозмутимом спокойствии Лукреции, изумившей их своей выдержкой и терпением.

Его лицо помрачнело.

— Никто не сможет безнаказанно оскорблять ее, — посмотрев в окно, объявил он. — Итак, Изабелла и Элизабетта оказали моей дочери холодный прием. Весьма опрометчиво с их стороны. Чезаре будет недоволен этой новостью, а мой сын всегда отличался горячим нравом. Увы, прощать — не в его характере.

Ему поведали о свадебных торжествах, о том, как Лукреция сияла на них своей красотой, и о том, как все женщины безуспешно подражали ее манере одеваться.

— Ваше Святейшество, после этих праздников нас прогнали. Мадонна Лукреция плакала, расставаясь с нами.

— Да, это грустно. Не сомневаюсь, ей будет не хватать вас. Но скажите — как же ее супруг?

— Ваше Святейшество, ночи он проводит с мадонной Лукрецией — по крайней мере, половину ночи. У него бесчисленное число любовниц, и после свадьбы он не покинул ни одной из них.

Папа рассмеялся.

— Но супружеское-то ложе он посещает каждую ночь?

— С безупречной регулярностью, Ваше Святейшество.

— В таком случае я могу поклясться — у нее будет ребенок от принца Эсте.

— И все-таки, святой отец, он слишком много времени проводит с другими женщинами.

— Ах, молодость, — с сокрушенным видом вздохнул Папа. — Какое чудесное, неповторимое время! Стало быть, у Альфонсо любовницы. Много, говорите, любовниц. Что ж, так и должно быть. Я бы не хотел, чтобы моей дочери достался еще один импотент вместо супруга. Пожалуй, когда Лукреция будет ждать ребенка, Альфонсо следует приехать в Рим. Уверен, он по достоинству оценит мое гостеприимство.

Из папской резиденции испанцы возвращались в тягостном молчании. Они понимали, что Александр не придавал большого значения их изгнанию из Феррары.

Лукреция заново обставила свое отремонтированное жилье — три чудесные комнатки с окнами на балкон, где росло множество душистых цветов, — и переселилась в него. В одной комнате она устроила спальню, в другой — будуар, а третью отдала служанкам. Здесь они зажили обособленно от всего замка, и, хотя Лукреция не желала ссориться со своими феррарскими слугами, она дала понять, что их вассальная зависимость, предусматривавшая подчинение сначала Изабелле, а затем герцогу Эркюлю, не осталась незамеченной, и госпожа не доверяет им, как своим подругам.

Бывали дни, когда она не выходила из этих крошечных апартаментов, и тогда в них не умолкал смех, звучала музыка, слышались веселые испанские песни. Все знали о том, что в комнатах на балконе преобладали обычаи, принятые в Испании. С постели Лукреция не вставала раньше полудня. После мессы она приступала к легкому завтраку и беседовала со служанками. Они пели и читали стихи. Каждый день ей тщательно мыли волосы, а кроме того, она любила принимать ванны с различными травяными настоями. Порой, когда вместе с ней были только Анджела, Никола и Джиролама, они звали девочку-служанку Лючию, и та наполняла ароматной водой огромную ванну, стоявшую в комнате служанок. Затем все трое раздевались, завязывали волосы и забирались в этот небольшой бассейн. Там они с удовольствием плескались и терли друг дружке спины, а Люция следила за температурой воды и по их желанию добавляла в нее различные благовония и целебные травы.

Приняв ванну, они заворачивались в шелковые простыни и отдыхали, разговаривая о любви, о поэзии, о новых стилях в одежде и украшениях. Позже Люция зажигала свечи, а Лукреция брала в руки лютню.

Ни одна из них не знала, что маленькая Лючия рассказывала обо всех подробностях их времяпрепровождения бывшему священнику, состоявшему в свите Лукреции, а тот включал эти сведения в отчеты, которые регулярно посылал своей любовнице Изабелле.

— Язычица! Нехристь! — бушевала в Мантуе Изабелла.

Она тоже писала письма — обратно в Феррару, своему отцу герцогу Эркюлю. Тот должен был обратить самое пристальное внимание на вызывающее поведение его невестки.

Эркюль внял предостережениям Изабеллы.

Как-то раз он отложил счета и направился в небольшие апартаменты на балконе своего замка.

Когда там узнали о его приближении, то сразу засуетились: нужно было спрятать рулоны дорогих тканей, накрыть простынями ванну с ароматической водой.

Лукреция приняла герцога радушно, но не могла не улыбнуться, заметив его взгляд, брошенный на изысканную обстановку в комнате.

— Добро пожаловать, герцог, — сказала она и протянула для поцелуя свою надушенную руку.

Мускус! — подумал старый Эркюль. Стоит больших денег — а какая польза? Зачем он ей нужен?

— Присаживайтесь, прошу вас, — продолжила Лукреция. — Устраивайтесь поудобней. Выпьте немного вина? — Она хлопнула в ладоши. — Давненько вас не было видно, дорогой герцог.

— Я не хочу вина, — сказал Эркюль. — Уже освежился и боюсь перебрать лишнего. Дочь моя, у вас здесь более чем уютно.

— Эти комнаты я превратила в подобие тех, которые занимала во дворце Санта Мария дель Портико.

— Должно быть, там обстановка стоила целого состояния.

— Они были достаточно удобны.

— Здесь это выглядит чересчур экстравагантно, дочь

моя. Вот потому-то я и зашел поговорить с вами, Лукреция, в Ферраре предпочитают не иметь долгов.

— Долгов? Но у меня есть свои деньги... мои собственные. Я ничего не должна Ферраре.

— Уверяю вас, на восемь тысяч дукатов в год вы не сможете жить, как живете сейчас.

— Восемь тысяч дукатов! Разумеется, я не смогу жить на такую сумму.

— Это вполне приличная сумма, и я решил, что именно она будет составлять ваш доход.

— Мой господин, вы шутите.

— Напротив, я совершенно серьезен.

— Повторяю, я не смогу жить на восемь тысяч дукатов. Мне нужно по крайней мере двенадцать, и это при самых скромных расходах.

— Боюсь, ваши воспитатели привили вам искаженное представление о скромности, — строго сказал герцог.

— А кроме того, — вспыхнула Лукреция, — мой отец уплатил вам очень хорошее приданое. Он хотел, чтобы вы обеспечили меня доходом, к которому я привыкла.

— Феррара — не Рим, дочь моя. А я не так богат, как ваш отец. Прошу вас, умерьте ваши запросы. Восемь тысяч дукатов — это все, что я смогу предложить вам.

— Я не приму их, — твердо сказала она. — Они обрекут меня на нищету.

— При таком количестве платьев и дорогих украшений — несомненно. Сколько у вас роскошных туалетов! Если с ними обращаться немного более бережно, они еще долго смогут служить вам.

Лукреция побледнела.

— Ни я, ни моя прислуга не можем жить на восемь тысяч дукатов.

— Какая вульгарность, все эти разговоры о деньгах, — вздохнул герцог. — В благородных семьях считается зазорным даже вспоминать о них.

— Да вы же сами начали эту тему!

Эркуль насупился.

— В таком случае — оставим ее. Вопрос уже решен.

— Разумеется, решен. Я не могу жить на двенадцать тысяч дукатов в год.

Герцог резко повернулся и вышел из комнаты. У самой двери он пробормотал что-то об этих выскочках, которым только дай породниться с аристократическими семьями.

Это был открытый разрыв.

Вскоре Лукреции стало ясно, что она забеременела.

Когда об этом узнал герцог, он навестил ее и с важным видом сообщил, что в честь такого радостного известия согласен выделить ей ежегодный доход в десять тысяч дукатов. Она снова отказалась. Эркюль оскорбился и посетовал на свою непредусмотрительность, из-за которой он совершил такой опрометчивый шаг, как подписание брачного контракта с алчными Борджа.

Были у него и другие жалобы.

— Дочь моя, — сказал он, — в вашей свите есть две девушки, чья легкомысленность может стать причиной скандала при моем дворе.

— Кто эти девушки, мой господин? — спросила она.

— Ваша кузина Анджела Борджа и девица из Сиены по имени Никола.

— Пожалуйста, дорогой герцог, расскажите о характере их проступков.

— Мои сыновья Ферранте и Юлий равнодушны к ним, а эти особы, как я знаю, не проявляют той добродетельности, которую я жду от них.

— В таком случае нам нужно надеяться на порядочность их поклонников, иначе я боюсь даже думать о последствиях.

— Ферранте и Юлий — мужчины. Вы должны понимать разницу. Что касается брака между любым из них и любой из ваших служанок, то он попросту невозможен. И... я бы предпочел, чтобы скандала тоже не было.

— Вы запрещаете им встречаться? Почему бы вам не сказать то же самое вашим сыновьям? Вы пользуетесь

у них большим авторитетом, и вас они должны послушать.

— Я уже выразил им свое недовольство. Отныне они не будут каждый вечер проводить в ваших апартаментах.

— Итак, вы запретили им приходить сюда.

— Не запретил. Но сказал, что они могут бывать здесь не более двух раз в неделю — и то, если будут приглашены другие гости.

— Я постараюсь уважать вашу волю — насколько это в моих силах, разумеется, — сказала Лукреция. — Но вы должны понять, что я могу распоряжаться только своими служанками, и уж никак не вашими сыновьями.

— Понимаю, — сказал герцог. — Я прошу вас всего лишь не поощрять их безрассудства.

Лукреция покорно склонила голову.

Старый Эркуль в последний раз оглядел изысканную обстановку комнаты, и Лукреция догадалась, что в уме он подсчитывал общую стоимость стоявшей здесь мебели. Выпроводив его за дверь, она не смогла удержаться от улыбки.

Влюбленные не прислушивались к ее уговорам, а ей не хотелось быть слишком строгой с ними. Кроме того, мысли Лукреции сейчас были заняты будущим ребенком. Беременность еще только началась, а Лукреция уже с нетерпением ждала его. В сложившихся условиях ей едва ли разрешили бы привезти в Феррару маленьких Джованни и Родриго. Вот почему она так надеялась на то, что роды будут удачными.

Комнатки на балконе вызвали интерес у небольшого, но представительного числа феррарских знаменитостей. А среди последних вскоре появился человек, немедленно приковавший к себе внимание Лукреции. Этим человеком был Эркуль Строцци, сын богатого банкира, поселившегося в Ферраре несколько лет назад и снискавшего благосклонность герцога Эркуля.

Тита Веспасиана Строцци тот уважал не только за умение делать деньги, но и за редкую поэтическую одарен-

ность. Покровительствовал он и молодому Эрколе, унаследовавшему романтическую сторону отцовской натуры.

В первый раз младший Строцци посетил апартаменты Лукреции как раз в тот вечер, когда Альфонсо пришел в них раньше своего обычного времени. Альфонсо сидел рядом с супругой и играл на виоле. Они видели, как открылась дверь, и один из приятелей старого герцога провел в комнату Эрколе, желавшего быть представленным герцогине Феррарской.

Эрколе Строцци обладал способностью выделяться в любой компании. Он был некрасив, но щеголеват. При ходьбе опирался на изящную тросточку.

Бросив восхищенный взгляд на Лукрецию, новый гость поклонился и остался стоять у двери.

Когда Альфонсо перестал играть, он подошел к ней и поцеловал ее руку. Затем сказал:

— Это был величайший момент в моей жизни, герцогиня.

— Невесело же вы живете, мой друг, — усмехнулся Альфонсо.

Строцци улыбнулся — небрежно и снисходительно. Хорошие отношения со старым герцогом избавляли его от излишней учтивости в общении с многочисленными сыновьями Эрколе д'Эсте.

— Я бы так не сказал, — не сводя глаз с Лукреции, ответил он, — и все-таки не отказываюсь от своих слов.

Альфонсо хохотнул.

— Строцци обожает делать комплименты. Не воспринимай их всерьез, Лукреция. Он у нас поэт, а свои опусы совершенствует, пробуя их на каждой придворной даме.

— Напрасно смеетесь, — сказал Строцци. — Ваше пренебрежение к поэзии говорит только о том, что вы плохо разбираетесь в ней.

— Ах да, я ведь просто неотесанный болван, куда уж мне тягаться с вашим изысканным обществом. — Альфонсо оглядел остальных гостей. — Все такие элеган-

ные, утонченные. Одно слово — артисты. Какое я имею право присутствовать среди них? Как смею смущать их обоняние запахом литейной?

— Здесь всегда рады тебе! — возмутилась Лукреция. — И все были бы очень признательны, если бы ты почаще бывал в моих апартаментах!

Он взял ее за подбородок — ему нравилось привлекать внимание грубостью своих манер.

— Перестань, дорогая, — сказал он. — Давай посмотрим правде в глаза. Сейчас ты хочешь, чтобы я ушел. И не пытайся обмануть меня. Для таких грубых людей, как я, правда привлекательней, чем ваша драгоценная поэзия.

Затем положил руку на плечо Эркюля и надавил на него с такой силой, что тот едва устоял на ногах, упершись в пол своей тросточкой.

— Альфонсо!.. — начала Лукреция, но Альфонсо перебил ее.

— Счастливо оставаться, дорогая супруга. Вынужден покинуть вашу компанию. У меня много дел — более подходящих моему дурному вкусу. Приятного вечера, позже я навещу тебя.

Отвесив общий поклон, он вышел из комнаты.

Ненадолго воцарилось молчание, которое нарушил Строщи.

— Боюсь, я напрасно вторгся в ваши апартаменты. Испортил настроение ему и вам.

— Вы тут не виноваты, — вздохнула Лукреция. — Он здесь бывает очень редко, если не считать тех исключительных случаев, когда приходит и играет на виоле, не обращая никакого внимания на наши разговоры.

— Я ему не нравлюсь, — сказал Строщи.

— Может быть, он не очень хорошо знает вас.

— Он знает обо мне ровно столько, сколько ему нужно, чтобы не любить меня. Я — поэт, это раз. И к тому же — калека, это два.

— Разве это причины для того, чтобы ненавидеть че-

ловека? Дорогой Эркюль, он просто никогда не читал ваших стихов, потому что привык думать только о своих пушках. А вот я с удовольствием послушала бы что-нибудь из ваших сочинений. Признаться, кое-что я уже видела — у вас чудесные стихи!

— Благодарю вас за такой лестный отзыв. Но, право, мне неловко в первый же день нашего знакомства привлекать к себе слишком много внимания.

— Все равно, не спешите уходить. Сегодня у нас будут танцы.

Он грустно улыбнулся и показал на свою трость.

— У меня с рождения одна нога короче другой, — сказал он. — В юности они доставляли мне немало страданий. Правда, не очень долго — я довольно быстро понял, что люди, презиравшие меня за уродство, едва ли достойны моей дружбы. К тому же, в один прекрасный день обнаружилось, что, пока я проводил время, лежа на спине и переживая из-за своего недостатка, у меня развились кое-какие другие способности. Тогда я чувствовал себя самым счастливым человеком на свете — это было так, словно вместо двух здоровых ног мне дали пару могучих крыльев.

— Вы не только поэт, но еще и философ, — сказала она. — И мне нравится ваша философия.

— Вы разрешите мне бывать у вас? — спросил он. — Герцог хочет, чтобы завтра я снова приехал в замок.

— С нетерпением буду ждать вас, — ответила она.

Когда Александр узнал о том, что его дочери предложили только десять тысяч дукатов ежегодного дохода, у него затряслись руки.

— Мою дочь обрекают на нищету! — воскликнул он и напомнил старому герцогу о приданом в сто тысяч дукатов, которые тот получил вместе с остальными подарками.

В ответ Эркюль д'Эсте написал о том, что браки с аристократическими семьями не должны обходиться

слишком дешево для выходцев из низшего класса, — чем привел Папу в сильнейшее негодование и лишил себя его дальнейших подачек.

Впрочем, в Ферраре сейчас не заботились о папской благосклонности. Лукреция твердо заявила, что будет скорее голодать, чем существовать на жалкие десять тысяч дукатов в год. В своих апартаментах она устроила для герцога пир, а на столы велела поставить кубки и серебряные приборы с изображениями Пасущегося Быка, неаполитанских мечей и мечей семьи Сфорца. Лукреция хотела, чтобы Эркуль знал о ее независимости от него.

Реакция герцога не заставила себя долго ждать. Он побледнел и сказал, что если у нее так много дорогостоящих предметов обихода, то ему можно не волноваться за ее благополучие. У него хватает и своих расходов.

После этого он как-то раз решил навестить ее и обнаружил, что двери комнат на балконе для него заперты.

Эркуль не желал столь откровенной вражды, и вскоре эта небольшая ссора была забыта, хотя он по-прежнему проявлял непреклонность — как и Лукреция — во всем, что касалось денег.

Беременность Лукреции проходила не так легко, как предыдущие. Чтобы отдохнуть и набраться сил, она две недели провела во дворце Белригвардо, принадлежавшем семье Эсте. Встревоженный быстро распространявшимися слухами об их недобрых отношениях, герцог поехал встречать ее на дороге в город.

Узнав об этом, Лукреция умышленно задержалась в пути, из-за чего старому Эркулью пришлось полдня прождать ее под палящим солнцем. Когда же она наконец появилась, свежая и отдохнувшая в тенистой повозке, то не выразила ни малейшей озабоченности его усталым и рассерженным видом. Тогда-то он и открыл для себя еще одну сторону в характере мягкой и отзывчивой Лукреции.

Герцог Урбинский Гвидобальдо ди Монтефельтре сидел на скамейке в монастырском саду, что простирался за стенами его города. Сегодня боль в пояснице была не так мучительна, как обычно, и он наслаждался покоем, с удовольствием вдыхая душистый аромат цветущих кустарников и деревьев.

Его супруга Элизабетта гостила в Мантуе. Гвидобальдо догадывался, что она и Изабелла сейчас обсуждали скандал, разразившийся между Эсте и Борджа. Изабелла понуждала своего отца дать Лукреции десять тысяч годового дохода и ни дуката больше.

Как они обе ненавидели невестку герцога! В какой-то мере Гвидобальдо понимал Элизабетту, но поступки Изабеллы мог объяснить только ревностью. Перед отъездом супруги он просил ее забыть об их старых обидах и не держать зла на невинных.

«Мне не повезло на войне, — сказал он. — Лукреция тут ни при чем».

Тогда Элизабетта закричала: «На войну ты ушел молодым и здоровым, а вернулся калекой! Александр мог бы спасти тебя. Но он оставил тебя чахнуть в той ужасной темнице. Это не его дело, сказал он. Неужели ты думаешь, что я когда-нибудь смогу забыть его слова?»

«Возьми себя в руки, Элизабетта, — сказал он. — Глупо обвинять эту несчастную женщину».

«Я обвиняю их всех! — продолжала кричать она. — Я хочу, чтобы Борджа испытали хотя бы частицу тех страданий, которые причинили нам!»

Вспоминая о той перепалке, Гвидобальдо качал головой. Разве ненависть может кому-нибудь принести счастье? Нет, чтобы зажить спокойно, нужно забыть о своих прошлых обидах, о старых ранах. Как раз это он и пытался сделать сейчас — даже сейчас, когда Цезаре Борджа проходил с войском через Урбино, возвращаясь из Романьи в Рим. Предварительно Цезаре попросил соответствующее разрешение хозяев города. Элизабетта отказала бы, хотя бы и знала, что тем самым ввергнет

Урбино в войну с могущественным Папой. Она бы кричала: «Я не желаю идти на уступку этим Борджа, какой бы малой та ни была! Пусть ведет своих солдат по длинному пути — в обход Урбино! Пусть знает, что мы ничего не забыли. Он смеялся над тобой, когда ты потерял свое мужское достоинство, — а ведь ему было известно, что в этом виноват его отец!» Гвидобальдо пришлось бы успокаивать ее. Объяснять, что отказ означает войну. Поэтому он был рад, что супруга находилась в Мантуе и они избежали одной из тех неприятных сцен, когда ему напоминали о его увечьях, доставлявших такую боль.

Потягивая вино из кубка, он размышлял о том, когда все это кончится. Верно ли говорят, что аппетиты кровожадного Валентино растут по мере расширения его владений? Что если Чезаре не остановится до тех пор, пока не завоюет всю Италию?

Проклятые мысли. В его жизни было слишком много войн. На них он держался, как подобает солдату, но теперь уже не годится ни для каких сражений. Вот и остается только пить доброе вино да наслаждаться отсутствием своей супруги.

Он задремал, а проснулся от стука лошадиных копыт. Где-то совсем близко слышались голоса.

— К герцогу, говорю вам! Он здесь? Срочно проведите меня к нему!

О чем он успел подумать в течение тех нескольких секунд, которые понадобились гонцу, чтобы добежать до него? Догадался ли он о случившемся?

Элизабетта была права, когда сказала, что только дураки доверяют Борджа. Он открыл свои владения войскам Чезаре, и те получили возможность без боя завладеть самим городом.

Гонец упал перед ним на колени.

— Мой господин, нельзя терять ни одного мгновения! Валентино вступил в Урбино! Теперь город в его власти, и он послал солдат за вами. Возьмите моего коня, мой господин, спасайте свою жизнь!

Так Гвидобальдо ди Монтефельтре, дважды обманутому семьей Борджа, пришлось взобраться на скакуна своего бывшего слуги и помчаться прочь со всей скоростью, которую ему позволяло его искалеченное тело.

В Мантуе оказалось, что новость опередила его. Элизабетта заперлась в своих покоях и никому не открывала. Гвидобальдо встретили Изабелла и Франческо. Они накормили его и настояли на том, чтобы он прилег отдохнуть.

— Проклятые Борджа! — то и дело восклицала Изабелла.

Однако, когда она осталась наедине с супругом, Франческо заметил задумчивый блеск в ее глазах.

— Гвидобальдо поступил глупо, впустив Валентино в свои владения, — сказала она. — Как мог он оказаться таким дураком?

— Война сломила его. И он уже не молод. Вот что случилось с Гвидобальдо.

Изабелла ходила из угла в угол. Перед ее глазами стоял замок Урбино и чудесная коллекция статуэток, которая принадлежала Элизабетте и которой Изабелла всегда завидовала. Она просила Микеланджело сделать для нее что-нибудь наподобие его Спящего Купидона, но тот не согласился работать по заказу. Вот так же и Леонардо да Винчи — вечно отказывался сделать какую-нибудь изящную вещицу, а занимался конструированием какой-то дренажной системы, которая якобы должна была уберечь города от эпидемий чумы. По крайней мере, подумала Изабелла, проклятый Валентино не уничтожит произведения искусства.

Франческо молча наблюдал за ней.

Она резко повернулась к нему.

— Как ты можешь улыбаться? Не понимаешь, что это означает для Гвидобальдо и Элизабетты?

Выражение его лица стало серьезным.

— Слишком хорошо понимаю, — вздохнул он. — Я улыбнулся, подумав о том, что это означает для тебя.

— Что ты хочешь сказать? Разумеется, я разделяю их горе.

— А также можете разделить их сокровище.

Ей захотелось ударить по его самодовольной немецкой физиономии. Он был невыносим, со своей привычкой читать ее мысли.

Тем не менее она не собиралась отказываться от идеи написать Чезаре Борджа и со всей необходимой тактичностью известить его о том, что в коллекции статуэток, находящейся в замке Урбино, есть одна — Спящий Купидон, работы Микеланджело, — которую уже давно желает приобрести маркиза Мантуанская.

Чезаре Борджа неплохо разбирался в искусстве, и Спящий Купидон произвел на него большое впечатление. Во всей Италии не найдешь более изящной статуэтки, подумал он. Не послать ли ее Лукреции? Изабелла сойдет с ума от злости.

Чезаре расхохотался. Он уже почти поддался своему первому побуждению, но вдруг засомневался. В последнее время ему все чаще приходилось задумываться о расширении завоеванных владений. И во многих его планах важное место отводилось Изабелле Мантуанской — она была умной женщиной и пользовалась немалым влиянием среди аристократов.

Нет, ему не следовало давать волю своим безрассудным порывам.

Если подарить ей этого купидона, то что можно попросить взамен? Во-первых, в Мантуе укрылись герцог и герцогиня Урбинские. Их нужно прогнать оттуда. Во-вторых, у Чезаре есть дочь от Шарлотты д'Альбре и ей необходимо найти достойного супруга. Молодой наследник Мантуи слывет одним из самых прелестных мальчиков Италии. А вот у Шарлотты девочка оказалась не совсем удачная — смышленная, но со слишком большим носом. Если она вырастет уродиной, то за нее будут требовать огромное приданое. Поэтому лучше ее пристроить сейчас, пока она еще ребенок. А сын Изабеллы, чем он ей не партия?

Эту новость Лукреции сообщили, когда она отдыхала после купания в ароматизированной ванне.

Анджела видела, как вздрогнули ее глаза и сжались губы. Когда они остались одни, она подбежала к кухне и обняла ее.

— Дорогая моя, вы так сильно огорчены?

— Я останавливалась у них, — ответила Лукреция. — Герцог был очень добр ко мне.

— Герцог — да. Но не герцогиня. Ненавистное создание. В своем черном бархатном платье и в черной шапочке она была похожа на старую озлобленную ворону.

— Он попросил дать ему пройти через Урбино, — сказала Лукреция, — и его пустили в город. А он вероломно напал на них, когда они не могли оказать никакого сопротивления. Ах, зачем он так поступает? Зачем заставляет меня сгорать от стыда?

— Вы слишком впечатлительны. Это война, а в войнах мы ничего не понимаем.

— Мой брат очень жестокий человек. Он никого не щадит — ни мужчин, ни женщин, ни детей — и тем самым губит нашу репутацию. Я больше никогда не приеду в Урбино.

— Герцог и герцогиня находятся в безопасном месте. Ваша золовка Изабелла позаботится о вашей драгоценной Элизабетте.

Лукреция велела запереть дверь и никого не впускать в ее апартаменты. Теперь здесь не было слышно ни смеха, ни музыки, ни песен. Она плакала.

Адриана, Анджела, Джиролама и Никола пытались утешить ее.

— Во всяком случае, они в безопасности, — повторяли они. — Им дали убежище в Мантуе. Там им ничего не грозит.

Они не знали, что герцог и герцогиня уже держали путь в Венецию. И не могли предположить, что маленького наследника Мантуи скоро помолвят с дочерью Чезаре Борджа.

Как раз в это время Изабелла стояла перед своим ночным столиком и любовалась изящной статуэткой работы Микеланджело.

Франческо тоже пришел посмотреть на нее. Он прошептал:

— И впрямь великолепно. Наслаждайся, Изабелла. Ты дорого заплатила за нее.

К середине июля установилась невыносимая жара.

В Ферраре вспыхнула чума, и вот, к ужасу всех обитателей замка, ею заразилась одна из многочисленных служанок герцога. Вскоре заболела Анджела Борджа — не очень тяжело, но Лукреция перепугалась.

В короткое время стали жертвами эпидемии и умерли две девушки из свиты Лукреции.

Затем, казалось, настала и ее очередь.

Когда эта новость достигла Рима, Ватикан охватила паника. Александр разве что в истерике не бился. Он метался из одной комнаты в другую, то взывая ко всем святым и умоляя их уберечь его возлюбленное чадо, то потрясая кулаками и грозя карательной экспедицией Ферраре, не удосужившейся вовремя переправить Лукрецию в какое-нибудь безопасное место. Правда, придя в себя, он направил к герцогу не гвардейцев, а надежных врачей.

Кроме того, он послал письмо Чезаре, которого просил молиться вместе с ним и уповать на то, что величайшее из несчастий минует их многострадальную семью.

Между тем состояние Лукреции становилось все более серьезным. Врачи озабоченно качали головами и советовали готовиться к худшему.

«Продолжение беременности ей не под силу, — таков был их общий приговор. — Лучшим исходом были бы преждевременные роды — тогда мы бы смогли унять жар». Герцог вызвал в Феррару Альфонсо, который незадолго до того уехал по семейным делам в Павию. Примчавшись домой, тот опрометью побежал в апартаменты супруги.

Вид Лукреции, никого не узнававшей и метавшейся в

беспамятстве по постели, привел его в отчаяние. Он упал на колени и схватил ее пылавшую жаром руку.

— Все будет хорошо, — зашептал он. — Ты поправишься. Мы заживем дружной семьей, ты родишь много детей... даже если потеряешь этого.

Но Лукреция только смотрела на него невидящими глазами, и Альфонсо, немного помолчав, встал на ноги.

Она умирала — так говорили во всем замке. Ее беременность с самого начала была не из легких, а теперь к ней присовокупилась лихорадка. Следовательно, шансов никаких.

От Папы приходили письма, полные отчаяния и гнева. Александр умолял спасти дочь и в то же время угрожал расправой. «Смерть моей дочери станет величайшим ударом для всех Борджа, — писал он. — Но и в семье Эсте его почувствует каждый, уверяю вас».

Тщетно старый герцог созывал врачей и просил их сделать все возможное. Состояние Лукреции день ото дня ухудшалось. Наконец было сказано:

— Еще одну ночь она не переживет.

Она лежала без сознания и не понимала, что происходит вокруг, когда за высокими стенами замка послышался стук лошадиных копыт.

Перед воротами остановилась небольшая группа всадников. Один из них, высокий и стройный, спрыгнул с коня и крикнул:

— Эй, кто-нибудь! Срочно проведите меня к герцогине Феррарской!

Какой-то слуга бросился ему навстречу.

— Мой господин, это невозможно! Герцогиня лежит при смерти, а в городе чума! Не входите сюда, если дорожите своей жизнью!

— Прочь с дороги, — прозвучал ответ. — А если сам дорожишь жизнью, быстро води меня в спальню твоей герцогини.

К ним подбежали другие слуги. Один из них узнал пришельца. Он упал на колени и воскликнул:

— Мой господин, в городе чума!

Через мгновение он кубарем отлетел в сторону, а вслед ему прогремело:

— С боем мне пробиваться к своей сестре, что ли?

Все тотчас пали ниц, а пострадавший простонал:

— Следуйте за мной, господин герцог. Я проведу вас прямо к ней.

Весь замок содрогнулся от ужаса. У феррарцев перехватывало дыхание, когда они шептали друг другу:

— Здесь Валентино!..

Они ждали за дверями. Это чудо — говорили они; она была при смерти, а он возвращает ее к жизни.

Он велел принести вина — чтобы привести ее в чувство, сказал он, — а когда получил требуемое, лекари и прислуга изумились произошедшей с ней перемене. Казалось, этот человек вдохнул в нее новую жизнь.

Сверхъестественно и непостижимо — таково было их общее заключение. В этих Борджа есть что-то нечеловеческое. Они сеют смерть, и они же восстают из мертвых.

Те странные, непонятные слова, которые произносили двое людей в комнате за дверями — они говорили на валенсийском диалекте, — представлялись им какими-то варварскими заклинаниями. Слушатели вспоминали о нанесенных Лукреции оскорблениях и молили Бога, чтобы о них не узнал Валентино.

Лукреция говорила:

— Зря ты приехал, Чезаре. У тебя и так слишком много дел.

— Дела подождут. Сейчас самое важное — твое здоровье. Я хочу послать гонца к нашему отцу.

— Он будет счастлив узнать, что ты навестил меня.

— Он будет счастлив только тогда, когда узнает, что ты поправилась. Лукреция, тебе нельзя умирать! Ты слышишь меня? Что станет с нашим отцом, со мной... если мы лишимся тебя?

— Но у тебя своя жизнь, Чезаре. Тебя ждут новые битвы и новые победы.

— Зачем они мне, если я потеряю тебя?

Он обнял ее, и она заплакала.

— Я постараюсь поправиться. Ох, Чезаре, я так много думала о тебе... и о нашем отце. Я знаю о том, что ты сделал в Урбино.

По ее голосу Чезаре понял, какое горе причинил ей своей победой.

— Лукреция, дорогая, — сказал он. — Мне необходимо основать свое королевство. Но не думай, что я это делаю для одного себя. Ты, наш отец, наши дети — мы все будем пожинать плоды моих побед. Один из своих новых городов я подарю нашему маленькому Джованни. Что ты на это скажешь? О нашем Романском младенце тоже нельзя забывать.

— Ты утешаешь меня, — сказала она. — Ах, я часто думаю о своих детях.

— Не тревожься, дорогая. С ними ничего не случится, пока рядом будем я и твой отец.

Он положил руку на ее лоб.

— Милая, тебе пора поспать, — добавил он. — Поспи, а я посижу возле твоей постели.

Вскоре она и вправду заснула. Он находился в ее комнате до утра, а когда сам пошел отдохнуть и выспаться, в замке все говорили о свершившемся чуде — теперь казалось, что Лукреция поправится.

Несколько недель спустя, когда Лукрецию, все еще слабую, служанки усадили на постели, она вдруг вскрикнула от боли.

— Кажется, у меня начались схватки, — чуть позже простонала она.

В ее комнате собрались лекари. Их страхи, рассеявшиеся с приездом Чезаре, снова ожили.

Разве могла она выдержать роды, не доносив ребенка оставшиеся два месяца и еще не оправившись после такой тяжелой болезни? Это казалось невозможным.

Возле ее изголовья стоял Альфонсо.

— Не расстраивайся, дорогой, — сказала она. — Если я умру, ты еще женишься. у тебя будут дети от другой женщины.

— Не говори о смерти! — воскликнул Альфонсо. — Тебе нужно выжить! Я... я люблю тебя, Лукреция.

Она уже не слышала его слов. По ее лбу катились крупные капли пота, схватки участились. Вскоре на свет появился ребенок — девочка. Она родилась мертвой.

Наутро Чезаре снова прискакал в замок. С его появлением воспрянули надежды — все уже верили в его сверхъестественные силы и ждали от него еще одного чуда.

У дверей в комнату Лукреции его встретили Эркюль и Альфонсо.

— Умоляю вас, — воскликнул Альфонсо, — спасите мою супругу! Мы все только на вас и уповаем.

Когда Чезаре приблизился к постели Лукреции, ее тусклый взгляд немного просветлел. Она узнала его, хотя до этого не замечала ни одного человека, кто бы ни подходил к ней.

Он встал на колени и обнял ее. Затем попросил оставить их наедине. Ему подчинились, а через некоторое время он позвал лекарей и велел пустить сестре кровь.

— Не надо, — простонала Лукреция. — Я устала от лекарств. Дайте мне отдохнуть.

Чезаре укоризненным тоном произнес что-то по-валенсийски и подал знак лекарям.

Они поставили пиявки. Когда кровь слили в небольшую серебряную чашу, Чезаре снова что-то произнес. И хотя никто не понял его слов, было ясно — сказал что-то смешное, потому что Лукреция вдруг засмеялась. Люди, стоявшие в комнате, переглянулись. Всего несколько мгновений назад они и подумать не могли, что когда-нибудь снова услышат смех Лукреции.

ГЛАВА 7

БЕДА

Когда Лукреция поправилась, ее снова стал посещать Строцци. Он разговаривал с ней о поэзии и читал стихи, а те зачастую оказывались сочинениями его приятеля, знаменитого венецианского поэта Пьетро Бембо.

— Мой бедный Бембо, — сказал однажды Строцци. — Он уединился на моей вилле в Остеллато и дни напролет проводит за письменным столом. Сейчас у него много работы. Впрочем, о вас он говорит довольно часто.

— Должно быть, это потому, что вы часто рассказываете ему обо мне.

— Угадали. Но могу я иначе? Почти все мои мысли заняты вами.

— Дорогой Эркюль, дружба с вами очень много значит для меня. Вы помогли мне по-новому взглянуть на жизнь.

— Кое-кому не нравятся мои слишком частые визиты к вам.

— Да, у меня здесь довольно много врагов и завистников.

— Я знаю одного из них — он завидует больше, чем другие. Не догадываетесь, кто? По лицу вижу, что — нет. Это все тот же Пьетро Бембо. Я должен кое в чем признаться. Те стихи, которые я сегодня читал, — они посвящены вам.

— Но он никогда не видел меня! Как же ему удаются такие замечательные стихи?

— Я рассказывал ему так много, что теперь он ясно представляет вас. Если вы приедете к нему, он узнает вас с первого взгляда.

— Вот уж не поверю!

Эркюль Строцци лукаво улыбнулся.

— Хотите проверить?

— Пригласить его в Феррару?!

— Нет, в Ферраре вас всякий узнает. Я предлагаю навестить его в Остеллато.

— Но как я смогу это сделать?

— Очень просто. Небольшое путешествие по реке. Вилла моя — чудесный, уютный уголок. Почему бы вам не прокатиться на барке? То-то он удивится!

Лукреция засмеялась.

— Любопытно было бы повидать нашего поэта, — сказала она и внимательно посмотрела на Строцци. — Помоему, вам не терпится доставить мне такое удовольствие.

Строцци улыбнулся. Его приятель слыл поклонником платонической любви. Эркюлю тоже было бы любопытно увидеть их вместе.

Уставший от своих многочисленных поклонников и поклонниц, утомленный бременем собственной славы, Пьетро Бембо наслаждался тишиной и покоем на вилле, которую ему любезно предоставил его добрый приятель Эркюль Строцци.

Одиночество его не угнетало, и он ждал приезда Эркюля, чтобы попросить разрешения пожить в Остеллато еще две-три недели.

Пьетро отдыхал в тени и вспоминал родную Венецию, как вдруг услышал чьи-то голоса и женский смех. Звуки доносились с реки — должно быть, проплывала какая-нибудь барка. Пьетро поморщился. Он не любил шумных компаний и не стал выходить на берег — потому-то и вздрогнул от неожиданности, когда увидел женщину в белом парчовом платье, шедшую в его сторону. Ее золотистые волосы развевались на ветру.

Подойдя, она проговорила:

— Добрый день, поэт. Вы меня знаете?

Он улыбнулся, а затем встал на одно колено и поцеловал ее руку.

— Вас невозможно с кем-нибудь спутать, герцогиня.

— Строцци читал мне ваши стихи. Они мне понравились, и я не смогла отказать себе в удовольствии посмотреть на вас.

— Вы приехали с друзьями?

— С несколькими служанками и двумя-тремя слугами. Они остались на барке.

— Значит, свиту вы не взяли? Очень рад. Я люблю простые манеры.

— Знаю. Строцци мне говорил.

— И много он говорил обо мне?

— Настолько много, что сейчас я не могу поверить, что в первый раз вижу вас. А еще я знаю вас по вашим творениям.

— Простите, вы так ошеломили меня своим появлением, что я забыл обо всех законах гостеприимства. Не желаете освежиться?

— Кубок вина, если можно.

Он хлопнул в ладоши и велел слуге сходить в винный погреб. Затем они расположились за столиком, стоявшим в тени, и заговорили о поэзии.

Она очаровала его. В ней не было ничего такого, что заставило бы вспомнить о дурной славе, окружавшей ее. И сейчас, после перенесенной болезни, она казалась еще более хрупкой, чем обычно. А может быть, такой она выглядела на фоне всего, что приписывали семье Борджа.

Расставаясь с ней, он еще раз вспомнил своего доброго приятеля Эркулёя Строцци. Уж не хотел ли тот испытать твердость его платонических убеждений?

Вскоре Пьетро Бембо приехал в Феррару и стал частым гостем в комнатках на балконе замка. Знаменитый на всю Италию, он одним своим присутствием привлекал внимание к вечерам, которые устраивала Лукреция. Он же не придавал большого значения ажиотажу, вызванному его приездом. К поклонению соотечественников Пьетро привык довольно давно, и сейчас его занимало другое. Дело в том, что он искренне верил в силу великого учения Платона, но впервые встретил женщину, казавшуюся достойной его эстетических воззрений. Ему хотелось предаться духовному общению с ней, насладиться их интеллектуальной близостью.

Лукреция понимала его и тоже желала испытать те возвышенные чувства, о которых так много читала в

книгах и слышала от своего поклонника Эркюля Строщи. Она устала от прежних любовных связей. И ей нужно было найти средство, помогающее забыть дикий нрав ее супруга.

Строщи с удовольствием наблюдал за ними. Все происходило так, как он предполагал. Он свел их и теперь мог себе сказать: я помог им встретиться друг друга, и я не ошибся в них. Интересно посмотреть, сколько будет длиться эта чистая, целомудренная дружба, скоро ли страсть возьмет верх и сбросит их с заоблачных высот, толкнув к земным наслаждениям. Двое красивых, чувственных людей, размышлял Строщи, — долго ли они будут своими разговорами заглушать зов плоти?

Дни, когда Лукреция готовилась расстаться с жизнью, были нелегкими и для Ипполита. Папа не делал секрета из своих подозрений, касавшихся семьи Эсте. Герцога тот ругал даже в присутствии Ипполита — явно хотел сорвать на нем свой гнев.

— Я начинаю сомневаться, — зловещим голосом сказал он однажды, — что в Ферраре к моей дочери относятся с должным уважением.

Услышав эти слова, Ипполит содрогнулся. Он не был трусом, но методы, с помощью которых Борджа избавлялись от своих врагов, кого угодно заставили бы трепетать от ужаса. Порошок со звучным названием кантарелла вовсе не относился к числу чьих-то досужих выдумок — слишком уж многие попробовали его за столом у Александра. Другие просто исчезали, и о них больше не было никаких известий. Третью находили в Тибре. Недаром же остряки говорили, что Александр и впрямь шел по стопам Святого Петра, если судить по тому, что его следы всегда вели в сторону реки, протекавшей под семью римскими холмами. Правда, преемник библейского апостола ловил не рыбу, а людей.

Санча, любовница Ипполита, тревожилась не меньше, чем он.

— Если Лукреция умрет, тебе нельзя будет и часу оставаться в Риме, — говорила она.

— Какая им польза от моей смерти? — спросил он как-то раз. — Разве сможет она вернуть Лукрецию?

Санча пристально посмотрела на своего любовника.

— Если Лукреция умрет, — сказала она, — то семью Борджа уже никто не будет величать Пасущимся Быком, что изображен на их гербе. Уверяю тебя, на его месте окажется обезумевший от собственной ярости бык, и даже сам дьявол не защитит того человека, который случайно очутится на пути этого животного.

— Папа достаточно благоразумен. Он увидит, что моя гибель ему ничего не даст.

— Неужели ты ничего не знаешь об отношениях в их семье? Они ненормальны, говорю тебе — ненормальны! А сами эти люди — неразлучная троица... порочная, если угодно, но все равно неразлучная. Ты их почти не видел вместе и не можешь понять моих слов.

— Сдается мне, — легкомысленно заметил Ипполит, — ты устала от своего любовника и желала бы, чтобы он поскорее уехал из Рима, тогда ты смогла бы проводить время с другими.

— Дорогой мой, твое присутствие не помешало бы мне проводить время с другими.

— И не мешает, — улыбнулся он.

Она засмеялась.

— Ты не настолько уникален, чтобы удовлетворить меня в одиночку. Но ты пришелся мне по душе, мой юный кардинал. Вот почему я предупреждаю тебя. Будь готов бежать отсюда.

Он редко воспринимал ее всерьез и не собирался следовать ее совету. К тому же вскоре из Феррары пришло сообщение о выздоровлении Лукреции.

Однако от его напускного благодушия не осталось и следа, когда в Рим вернулся Чезаре.

Ипполит был у Санчи, когда тот зашел к ней. Ситуация сложилась очень напряженная, и Санча, беззабот-

но болтавшая со своими двумя любовниками, превосходно это осознала.

Ее он покинул вместе с Чезаре. Не из трусости. Просто ему не хотелось оставаться после ухода человека, с которым у него когда-то складывались приятельские отношения. Во всяком случае, так он говорил себе.

Несколько часов спустя Санча послала за ним, а когда он вновь появился, пылко обняла его.

— Ипполит, мой дорогой кардинал, — сказала она, — я буду тосковать без тебя, но тебе необходимо срочно исчезнуть из Рима.

— Но почему? — спросил Ипполит.

— Потому что я люблю твое красивое тело и не хочу, чтобы его разлучили с душой. Возьми с собой двух-трех надежных друзей и немедленно скачите прочь из Рима. Может быть, ты успеешь укрыться в Ферраре.

— От кого?

— Не трать времени на ненужные расспросы. Ты знаешь, от кого. Он уже не церемонится со своими жертвами, как раньше, — просто отдает приказ, и человека, который досаждал ему, больше нет в живых.

— Я ему ничем не досадил.

— Ты был моим любовником. А Чезаре не всегда нравятся мои увлечения.

Ипполит молча смотрел на нее.

— Ипполит! — закричала она. — Безмозглый кретин! Беги... беги, пока не поздно. Передай от меня привет Лукреции. Скажи, что я скучаю по ней. Но не мешкай ни минуты! Говорю тебе, твоя жизнь в опасности.

Ипполит вышел от нее и в двух кварталах от дома Санчи встретил своего грума и двух оруженосцев. Поджидая его, все трое заметно нервничали. С приездом Чезаре в Риме многие потеряли покой, а те, кто имел хоть какое-нибудь основание считать себя провинившимся перед ним, дрожали от страха.

Через час Ипполит уже скакал прочь из Рима.

Ожидания Эркюля Строщи оправдались через три месяца после выздоровления Лукреции.

Альфонсо в это время инспектировал военные укрепления на границе Феррары; Ипполита, недавно вернувшегося из Рима, старый герцог не отпускал от себя ни на шаг; Юлий всюду следовал за Лукрецией, но его интересовала не она, а Анджела.

Вот почему Лукреция воспользовалась приглашением Строщи и посетила его виллу в Меделане — менее удаленную, чем Остеллато, — где незадолго до этого поселился Пьетро Бембо.

Там, среди благоухающих цветников и тенистых садовых беседок, они смогли быть вдвоем, и только вдвоем. Им никто не мешал — Юлий и Анджела вернулись в Феррару, как только увидели встречавшего их Пьетро.

Те чудесные августовские дни они проводили, наслаждаясь сочетанием духовной близости с физической, и Лукреции казалось, что только сейчас она впервые в жизни была по-настоящему счастлива.

Прибыв в Рим, Чезаре объявил, что останется здесь вплоть до торжеств, которыми предстояло отметить двенадцатую годовщину пребывания Александра на папском престоле. На самом деле он покривил душой. Отношения Чезаре с французами были уже не такими теплыми, как прежде — сейчас в итальянской политике все большую роль начинала играть Испания. Она укрепляла свои позиции в южной части Италии, находившейся в руках арагонцев, и поэтому испанский король был заинтересован в приостановлении французского вторжения на юг полуострова.

Собираясь положить конец наступлению армии Луи, испанцы рассчитывали на то, что семья Борджа прервет свой затянувшийся альянс с Францией — как-никак Александр был выходцем из валенсийской провинции и в решающую минуту не мог отвернуться от родины. Разумеется, при таком шатком положении дел Чезаре уже

не полагался на помощь французов в защите герцогства Романия, основание которого потребовало от него стольких усилий и жертв.

Это означало, что в ближайшее время ему могло понадобиться немало денег на оборону своих владений. Зная о его нуждах, Александр прибег к испытанному способу — увеличил число своих кардиналов за счет тех, кто был готов дорого заплатить за пурпурную мантию. Таким образом он в короткое время получил прибыль, превысившую сто пятьдесят тысяч дукатов.

Были у него и другие методы сбора денег. В Ватикане уже давно заметили: как только Борджа оказывались в стесненных условиях, так в городе начиналась эпидемия загадочных смертей.

Неудивительно, что в таких обстоятельствах многие богатые люди почувствовали себя очень неуверенно. Кардинала Джиана Баттиста Орсини неожиданно обвинили в покушении на жизнь Папы и заточили в замке Сант-Анджело. Там его подвергли пыткам, но признания так и не вырвали, а могущественный род Орсини пришел в ярость от такого обращения с одним из своих видных представителей.

В этой семье понимали, что именно требовалось Александру и Чезаре, а потому за освобождение кардинала был предложен огромный выкуп. За судьбу Джиана Баттиста переживала и его любовница. Случилось так, что эта женщина обладала жемчужиной, о несметной стоимости которой знала вся Италия. Свое сокровище она решила отдать за жизнь любовника.

Принимая у себя эту красивую женщину, Александр был как всегда галантен.

— Я завидую кардиналу, — сказал он. — Ему принадлежат ваши чувства, а вы владеете уникальной жемчужиной. Ведь вам известна ее стоимость.

— Верните мне его, и она будет ваша.

— Никогда не умел отказывать хорошему женщинам, — ответил Папа.

Узнав об отцовском поступке, Чезаре рассвирепел.

Его громовой голос был слышен даже за дверями папских апартаментов.

— Он же всем расскажет о том, как его пытали! Опять пойдут слухи. От него нужно было избавиться!

Александр спокойно улыбался.

— Порой мне кажется, что ты не понимаешь своего отца, — пробормотал он.

— Я превосходно понимаю вас! — бушевал Чезаре. — Стоит вам услышать какую-нибудь просьбу из уст симпатичной женщины — и вы уже на все согласны.

— Мы завладели жемчужиной. Не забывай об этом.

— Мы могли бы получить и жемчужину, и его жизнь!

Папа удовлетворенно хмыкнул.

— Вижу, мы с тобой мыслим одинаково. Эта очаровательная женщина должна была получить своего любовника — я дал ей слово. Но к тому времени он уже выпил вина из кубка, который поднесли ему в знак примирения с семьей Борджа. Я ведь не обещал, что она увидит его живым. Итак, мы завладели бесценной жемчужиной, а нашей юной подруге достанется труп кардинала.

Вскоре после этого были убиты и другие члены той же семьи — Паоло Орсини и герцог Гравинский. Оба пользовались благосклонностью короля Франции, и Луи пришел в ярость, когда узнал об их гибели. Он написал Папе гневное письмо и потребовал положить конец убийствам его друзей. Волю французского монарха Александр оставил без внимания.

В августе внезапно умер кардинал Джованни Борджа. Он слыл богатым человеком, а после смерти его состояние оказалось даже более внушительным, чем предполагалось. Папа и Чезаре не могли не обрадоваться доставшемуся им наследству.

Через несколько дней после его кончины Чезаре и Александр получили приглашение на ужин, который должен был состояться на загородной вилле кардинала Адриана Кастелли да Корнето.

Корнетто недаром считался одним из самых богатых кардиналов Александра Четвертого — его дворец в Борго-Нуово строил знаменитый архитектор Браманте. Достопримечательности этого дворца он и хотел показать гостям перед тем, как вместе с ними поехать на виллу.

Отец и сын Борджа с удовольствием приняли его приглашение. Они вынашивали свои планы на этот вечер.

У Чезаре были свои люди во всех важных домах Рима, в том числе и среди прислуги кардинала. Он приказал подсыпать порцию кантареллы в вино Адриана да Корнетто. Не самую большую дозу, половину обычной. Кардинал должен был умереть через несколько дней после застолья.

В Борго Нуово они выехали вместе. Кардинал встретил их у входа в свой недостроенный дворец.

— Своим приездом вы оказали мне огромную честь, Ваше Святейшество, — сказал Адриан. — Проходите, я покажу вам новое творение нашего великого зодчего.

Чезаре оглядел фасад дворца и ухмыльнулся. Браманте потруился на славу и, вне всяких сомнений, закончит начатую работу. Вот только принадлежать она будет не Корнетто, а семье Борджа.

Они обошли весь дворец и заглянули внутрь, где не могли не восхититься удобством и великолепной отделкой помещений. Александр и Чезаре проявляли интерес ко всем подробностям планировки здания.

— Ну, — наконец сказал кардинал, — теперь поедem на мою виллу. Осмотр недостроенного дворца — утомительное занятие. Тем более на такой жаре.

— Признаться, я бы не отказался от кубка доброго вина, — вздохнул Папа.

Через полчаса они прискакали на виллу, где уже был накрыт стол для гостей.

— Утолим-ка сначала жажду! — воскликнул Корнетто. Тотчас принесли вина.

Вино было превосходное — выдержанное, из лучших виноградников Требии. Александр залпом осушил ку-

бок и попросил налить еще. Чезаре только пригубил, а остальные сделали по глотку и принялись обсуждать предстоящий ужин.

За столом Александр смеялся громче всех. Чезаре благодушно улыбался. Корнето был доволен, но не подавал виду.

Кардинал знал, чью зависть могли вызвать его обширные владения. Вот почему он сделал все возможное, чтобы спасти от смерти себя и своих близких.

Его слуги верой и правдой служили ему. Яд, который Борджа намеревались подсыпать в его кубок, они принесли своему хозяину и предложили добавить в вино Чезаре и Александра. Однако кардинал решил, что небольшая порция смертельного порошка должна достаться каждому его гостю — в таком случае им всем предстояло на следующий день почувствовать слабое или даже довольно сильное недомогание, и смерть отца и сына Борджа можно было бы объяснить каким-нибудь заразным заболеванием, подхваченным в жаркую летнюю пору, когда грязные римские улицы распространяли немало опасных инфекций. Впрочем, если бы даже кто-то и заподозрил истинную причину гибели двух виднейших членов семьи Борджа, многие подумали бы, что произошло досадное недоразумение и вино, предназначавшееся кардиналу, по ошибке попало в кубки Папы и его сына.

Корнето ожидал действия яда, но Александр, выпивший два кубка с отравленным вином и не сделавший ни глотка воды, был по-прежнему оживлен и весел. Своими разговорами он развлекал всю компанию, а когда вместе с Чезаре покинул виллу, то и тогда не проявлял не малейших признаков недомогания.

Весь следующий день — одиннадцатого августа — кардинал тщетно ждал известия о смерти Папы. Под вечер он не выдержал и отправился навестить Александра. Тот был как всегда радушен и обходителен.

Верно ли, размышлял Корнето, что Борджа наделе-

ны какими-то сверхъестественными силами? В самом ли деле они связаны с дьяволом?

Утром тринадцатого августа Папа проснулся раньше обычного — и не сразу смог вспомнить, где находится. Он попытался привстать, но страшная боль в животе повалила его обратно на подушки.

Александр позвал слуг, и те тотчас вбежали в спальню.

— Ваше Свя... — начал один из них и осекся, уставившись на него.

Александр хотел спросить, почему они с таким странным видом смотрят на своего хозяина, — однако слова едва давались ему.

— Помогите.. Помогите мне... встать, — прохрипел он.

Но когда они попробовали помочь, Александр со стоном упал на кровать и несколько минут лежал, тяжело дыша и обливаясь потом. Боль была так невыносима, что он не мог думать ни о чем другом.

Наконец, как и в прежние критические моменты жизни, ему удалось собрать всю свою недюжинную волю. До крови кусая губы, он боролся с болью и заставлял себя помнить, кем он был: несокрушимым Александром Четвертым. Тем самым Александром, который подмял под себя Священную Коллегию и единолично правил всей католической церковью. Тем, чей сын должен был править всем миром.

И так велики были его жизненные силы, что Александр все-таки победил боль. Его мысли прояснились, он вспомнил прошедшие дни и сказал себе: меня отравили.

Он не забыл улыбающееся лицо Адриана да Корнето, предложившего ему утолить жажду после осмотра дворца. Не забыл и того слугу, который подал ему два кубка вина из отборного красного винограда.

Произошло ли это по ошибке? Может быть, слуга перепутал кубки? Или та ошибка была умышленной? Ах, какая разница?.. Если имел место любой из этих двух

случаев, он обречен. Но... Нет! Любой другой человек был бы уже в могиле. Александр не такой, как все. Он выживет. Ему нельзя умирать. Он нужен Чезаре — тот еще не совсем прочно обосновался в Романьи. Он нужен Лукреции. Как в далекой Ферраре обойдутся с ней, если будут знать, что ее отец не сможет постоять за дочь?

Он простонал:

— Ступайте к герцогу Романскому и попросите его прийти ко мне. Я должен срочно поговорить с ним.

Боль постепенно возвращалась. Она накатывала на него волнами, и он понимал, что борется с кантареллой — старым другом их семьи, превратившимся в беспощадного врага всех Борджа.

Ничего, думал Александр. Ничего со мной не случится. Никто не сможет меня победить. Корнето сполна ответит за измену. Когда придет Чезаре.

В комнату вошли слуги, но сына среди них не было. Где Чезаре?

Кто-то склонился над его изголовьем. Ему показалось, что он не расслышал обращенных к нему слов, и попросил их повторить.

— Ваше Святейшество, герцог Романский болен. Ему так же плохо, как и вам, Ваше Святейшество.

Чезаре метался в постели. В перерывах между приступами боли он кричал:

— Где мой отец? Приведите его ко мне! Быстрее, быстрее! Если через пять минут его здесь не будет, все отправите на тот свет!

Но его голос слабел с каждым разом, и слуги, стоявшие у изголовья постели, цепенели от ужаса. Им казалось, что Чезаре Борджа очутился на своем смертном одре.

— Мой господин, Его Святейшество уже посылал за вами. Он не может прийти. Он тоже болеет.

Наконец Чезаре разобрал их слова.

— ...ему очень плохо.

У него потемнело в глазах — не только от боли. Итак,

они оба выпили яд, предназначавшийся кардиналу. Он даже помнил вкус того терпкого красного вина.

Чезаре попытался встать. Скверную шутку сыграл этот лукавый Адриан, подумал он. Боже, какая боль!.. Сейчас Чезаре горел жадной мщенья.

Он прохрипел:

— Немедленно послать за кардиналом Корнето. Я хочу поговорить с ним. Скажите ему, что для него же лучше не откладывать встречи со мной. О Пресвятая Богородица... какие адские муки.

Его глаза налились кровью.

— Ну, чего стоите! — вдруг заорал он. — Живо сюда этого кардинала!

Вскоре ему принесли еще одну новость.

— Мой господин, кардинал не может прибыть к вам. Он прикован к постели, и его болезнь похожа на вашу.

Чезаре уткнулся лицом в подушку. Кто-то ошибся. Или сошел с ума.

По Риму разнесся слух.

— Папа умирает.

Вскоре у ворот Ватикана собралась толпа. Когда напряжение достигло предела, взбудораженные люди ворвались в римскую резиденцию и вынесли или разгромили все, что имело хоть какую-то ценность. Такие бунты случались всякий раз, когда умирал очередной Папа.

Новостей ждали весь день; из уст в уста передавался один вопрос:

— Как там Его Святейшество?

Отвечали — борется за жизнь, со всей своей неукротимой энергией борется. В них есть что-то сверхъестественное, в этих Борджа. Они заключили договор с дьяволом. Наверное, Папа и его сын приняли по порции их собственного порошка — кто-то перепутал кубки с вином. По ошибке ли, умышленно ли — какая разница? Важно, что Александр умирает.

А в комнате, находящейся непосредственно над апартаментами Папы, боролся со смертью Чезаре Борджа.

Великие дни наступали в Риме.

Чезаре слышал приглушенные голоса. Это этажом ниже молились о спасении Папы.

Сам он изнемогал от боли и отказывался думать о том, что станет делать, если умрет отец. Чезаре не был дураком. Он понимал, что основанное им королевство покоится на власти и богатстве Александра. Знал он и то, что итальянские города открывали ему ворота не столько из страха перед его армией, сколько из-за невозможности противостоять католической церкви.

Что случится с Чезаре Борджа, если исчезнет эта могучая поддержка? Кому он сможет довериться? Сейчас у него не было сил даже подняться с постели, и все-таки он догадывался, что люди, толпившиеся у ворот Ватикана, молились о его смерти.

С трудом открыв глаза, он увидел двоих мужчин, стоявших у окна, и подозвал их. Одним оказался его брат. По щекам Гоффредо текли слезы.

— Брат, — силясь приподняться, проговорил Чезаре, — кто это рядом с вами? Свет режет мне глаза, и я не могу разглядеть его.

— Ваш добрый слуга, дон Микелетто Корелла.

— Ах да, — продолжая шуриться, сказал Чезаре, — пусть он тоже подойдет ко мне.

Микелетто Корелла встал на колени у изголовья и взял Чезаре за руку.

— Мой господин, я готов служить вам.

— Как мой отец? — спросил Чезаре. — Говорите правду, не жалейте меня. Сейчас не то время.

— Он очень плох.

— Смерть неизбежна?

— Если бы он был обычным человеком, то в этом не было бы никаких сомнений. Но Его Святейшество обладает сверхъестественной силой. Говорят, есть вероятность, что ему удастся перебороть воздействие яда.

— Господи, помоги моему отцу!..

— Он не умрет! — воскликнул Гоффредо. — Борджа не умирают!

— Если это в человеческих силах, то он выживет, — сказал Чезаре. — Но мы должны быть готовы ко всему, что бы ни случилось. Если мой отец умрет, вам придется завладеть ключами от подвалов и перевезти все семейные сбережения в какое-нибудь надежное место.

— Можете положиться на вашего слугу, мой господин, — ответил Корелла.

— И в то же время все должны думать, что я и мой отец уже поправляемся. Никому не говорите о нашем состоянии. Скажите, что мы заразились какой-нибудь неопасной болезнью.

— Все, кто был на вечере у Корнето, сейчас лежат в постелях. Кардинал говорит, что всему виной заразный летний воздух и чем быстрее Леонардо да Винчи, ваш архитектор фортификационных сооружений, сконструирует свою канализационную систему, тем будет лучше для римлян.

— Пусть все так и считают. Значит, все гости пострадали, да? Но ведь не в такой степени, как мой отец, и не так, как я. По-моему, это очень подозрительно. Но все равно, уверяйте всех, что мы выздоравливаем. Тихо! Кто к нам идет?

— Кое-кто из кардиналов Священной Коллегии. Они хотят справиться о вашем самочувствии.

— Поддержите меня, — сказал Чезаре. — Им не нужно знать о том, как мне плохо. Ну, давайте же... улыбайтесь, болтайте о чем-нибудь. Пусть думают, что через несколько дней я встану с постели.

Вошли кардиналы. Они только что были у Папы, и их явно разочарованные лица приободрили Чезаре: он понял, что Александр сумел произвести на них такое же впечатление, какое он сам собирался им внушить.

Так велики были жизненные силы Александра, что не прошло и трех дней после отравления, как он уже мог сидеть на кровати и играть в карты с прислугой.

Чезаре слышал смех, доносившийся из комнаты под ним, — слышал и ликовал, начиная верить в скорое выздоровление отца.

Только сейчас он осознал исполинское величие Александра. Вот почему звуки отцовского смеха казались Чезаре сладчайшими из всех, какие ему доводилось слышать.

Корелла и Гоффредо сходили вниз и рассказали ему о том, что там происходило.

— Видел бы ты лица этих кардиналов! — воскликнул Гоффредо. — Они не могут скрыть разочарования.

— Надеюсь, вы запомнили их, — сказал Чезаре. — Когда я встану на ноги, мне придется испытать вашу зрительную память.

Проведя ладонью по взмокшему лбу, Чезаре через силу улыбнулся.

Никому не дано победить величайшего из всех Борджа, с гордостью подумал он. Кто бы ни восстал против него, он всегда одержит верх.

Ночью Александр проснулся.

— Где я? — закричал он.

Слуги бросились к постели.

— В своей постели, Ваше Святейшество.

— Да? — облегченно выдохнул он. — А то мне что-то померещилось.

Затем он невнятно забормотал какие-то слова. Некоторые можно было разобрать.

— Я пришел взглянуть на детей, Ванноцца. На вас... и на детей, на Джованни... Джованни...

Слуги переглянулись. Кто-то прошептал:

— Его рассудок блуждает в прошлом.

Утром ему стало немного лучше. Он прослушал мессу и принял причастие.

Затем тихо прошептал:

— Я устал. Оставьте меня. Пожалуйста... Мне нужно отдохнуть.

Гоффредо и Корелла слышали, что Папа чувствует

себя не так хорошо, как вчера, — но Чезаре ничего не сказали. Он провел бессонную ночь, и они не хотели волновать его.

В Ватикане атмосфера накалялась с каждым часом. Все ждали и не верили, что происходившее было явью.

Папа угасал прямо на глазах. Обычная оживленность покинула его; он выглядел старым и беспомощным.

Кто-то из слуг наклонился к его изголовью и спросил, желает ли он кого-нибудь видеть.

Он дотронулся до него своей пылающей жаром ладонью и пробормотал:

— Я болен, друзья мои. Я очень болен.

Из его глаз исчез их обычный веселый блеск. Теперь они были тусклыми и невыразительными.

Вечером у его постели собрались кардиналы.

— Его нужно подготовить к последнему помазанию, — решили они.

После свершения этого обряда Александр открыл глаза.

— Ну вот я и пришел к концу своего жизненного пути, — тихо сказал он. — Для меня не осталось ни одного открытого земного пути. Прощайте, друзья мои. Я отправляюсь в царство небесное.

Все, кто стоял у его постели, изумленно переглянулись. На лице человека, лежавшего перед ними, не было ни малейшего признака страха. Ему и вправду казалось, что на небесах, куда он собирался, его ждет такой же теплый прием, как и любой из ставших привычными за последние двенадцать лет. Словно это и не был Родриго Борджа, Папа Римский Александр Четвертый, наместник Христа на земле. Он не видел призраков тех людей, которых предал смерти. Перед его глазами сияли ворота Рая, настежь распахнутые для него.

Так умер Родриго Борджа.

Люди, молча стоявшие у постели, разом вздрогнули, когда вдруг распахнулась дверь и в комнату вошли солдаты во главе с доном Микелетто Кореллой.

— Мы пришли охранять Его Святейшество, — сказал Корелла.

Затем он повернулся к кардиналу-казначей и протянул вперед руку.

— Дайте мне ключи от папских подвалов.

— По чьему приказу? — нахмурился кардинал.

— По приказу герцога Романского.

В комнате наступила тишина. Папа больше не мог распоряжаться делами Ватикана. Сын Александра, этот тиран Чезаре, лежал при смерти. Людьюми, которых потревожил Корелла, владела одна и та же мысль: кончилось кровавое правление семьи Борджа.

— Я не могу дать вам ключи, — ответил кардинал-казначей.

Корелла обнажил кинжал и приставил лезвие к горлу кардинала. Тот возвел глаза к потолку. Корелла засмеялся.

— Мой хозяин поправляется с каждым днем, — сказал он. — Дайте ключи, Ваше Высокопреосвященство, а не то отправитесь на небо вслед за Его Святейшеством.

Кардинал разжал пальцы, и ключи со звоном упали на пол. Корелла подобрал их. Затем направился к дверям, чтобы перепрятать сокровища Александра, пока толпа не ворвалась в Ватикан.

Чезаре лежал в постели и проклинал свою беспомощность.

Он знал, что слуги уже разграбили апартаменты его отца. Корелла успел перепрятать большую часть сокровищ, но кое-что досталось горожанам.

Во всем Риме не умолкали крики:

— Папа умер! Конец семье Борджа!

Бывшие синьоры городов, вошедших в герцогство Романья, посылали гонцов в Ватикан.

Чезаре не умер, но сейчас не смог бы даже защитить себя — сейчас, когда сила и здоровье были так нужны ему. Рим ждали большие перемены. Итальянцы готовились свергнуть тиранию Пасушегося Быка.

Чезаре стонал и думал о будущем.

— О мой отец, — шептал он, — вы оставили нас одинокими и беззащитными. Что мы будем делать без вас?

Будь он здоров, он бы ничего не боялся. Он привел бы в Рим свою армию. Тогда бы все увидели, что на место одного великана Борджа встал другой. Все трепетали бы перед ним. Но сейчас он мог только скрежетать зубами и проклинать свое бессилие.

В Меделане стояла чудесная погода; за весь август не выдалось ни одного дождливого дня.

Адриана и несколько служанок помогали Лукреции одеваться, когда вбежал карлик и радостно прокричал, что на виллу прибыл почетный гость. — не кто иной, как сам кардинал Ипполит.

Лукреция вздохнула. Если Ипполит пожелает остаться, это не сможет не сказаться на интимной близости Меделаны и Остеллато, где сейчас работает Пьетро Бембо.

— Нужно предупредить Пьетро, — сказала Адриана.

— Не спешите. Может быть, мой деверь просто проезжал мимо и решил заглянуть.

— Будем надеяться, что Альфонсо не послал его шпионить за вами.

— Ладно, сейчас все узнаем, — сказала Лукреция. — Где мой головной убор? Пойду встречу его.

Но Ипполит уже стоял в дверях. Он не улыбался, и по выражению его лица Лукреция поняла, что произошло что-то ужасное.

— Ипполит! — воскликнула она и подбежала к нему.

Обычных церемоний не последовало — он положил руки ей на плечи и внимательно посмотрел в глаза.

— Сестра моя, — запинаясь, произнес он, — я... у меня плохие новости.

— Альфонсо?... — начала она.

Он покачал головой.

— Умер ваш отец.

Она онемела от ужаса. Неужели это правда? Но как мог умереть человек, который всегда казался ей самым живым из всех живущих на земле людей? Она не верила, у нее не хватало духу смириться с этой бедой.

Ипполит взял ее за талию и подвел к креслу.

— Сядьте, — сказал он.

Она подчинилась.

— Увы, — соболезнующим тоном продолжил он, — ваш отец был отнюдь не молодым человеком. Лукреция, дорогая моя, я понимаю, как велико ваше горе, но когда-нибудь это должно было случиться.

Она молчала. У нее такой вид, будто она впала в какое-то сонное оцепенение. Ее рассудок отказывался признавать то, что сказал Ипполит.

Он почувствовал, что должен продолжать говорить. Молчание терзало ее больше, чем любые слова.

— Он был в полном здравии, — продолжил он, — и ничто не предвещало его кончину. Все началось после того, как его и вашего брата пригласили на ужин, который давал кардинал Корнето. Это было десятого августа. Через два дня ему стало плохо. Он отчаянно боролся за свою жизнь и умер только под вечер восемнадцатого. Я помчался к вам, как только пришло сообщение о его смерти. Ах, Лукреция, я знаю, как вы любили друг друга. Что еще мне сказать, чтобы утешить вас?

Тогда она заговорила.

— Теперь уже ничто и никто не сможет утешить меня, — отрешенным голосом сказала она.

Она не смотрела на него.

Ипполит встал на колени, взял ее руку и поцеловал. Затем сказал, что он и его братья будут заботиться о ней. Она потеряла отца, но есть и другие, любящие ее.

Она покачала головой и повернулась к нему.

— Если вы хотите успокоить меня, то, прошу вас, уйдите. Мне будет легче, если я останусь наедине со своим горем.

Ипполит сделал знак служанкам, и они вышли вместе с ним. Она закрыла лицо руками и зарыдала.

У нее дрожали руки, горло то и дело сдавливали спазмы, хотя слез уже не было.

— Умер, — шептала она. — Умер. Значит, мы остались одни. Как же мы сможем жить без вас?

Она всегда чувствовала его любовь и нежность. Знала, что в любую минуту найдет защиту у него. Да, он был уже не молод — так говорили о нем, — но она никогда не думала о его смерти. Может быть, подсознательно верила в его бессмертие. Сильный и добрый кардинал ее детства, могущественный Папа ее юности и ранней зрелости, приводивший в ужас многих и заставлявший всех пресмыкаться перед ним, — он любил ее так, как только один Борджа способен любить другого Борджа.

— Умер, — шептала она и не слышала своего шепота.

— Умер? — спрашивала она себя.

Этого не могло быть. Мир не мог быть таким жестоким.

— Почему меня не было рядом с ним? — шептала она. — Я бы сумела выходить его. Мне бы удалось его спасти. Но он умирал, а я развлекалась со своим любовником. Умирал, а я не знала об этом.

Вновь и вновь она вспоминала свою последнюю встречу с ним. Видела его глаза, чувствовала руки, обнимавшие ее. Тогда он долго держал ее в своих объятьях, как будто не хотел отпускать из той комнаты в ватиканском дворце, за окнами которого шел густой снег. Улицы были белыми от тех пушистых хлопьев, а у парадного выхода стояли лошади, нетерпеливо бившие копытами и ждавшие, когда закончится их затянувшееся прощание. Последнее прощание!

Вернется ли к ней ее прежняя жизнь?

Никто не мог утешить ее. Она никого не слушала, не спала и отказывалась от пищи. Лежала на полу в своей комнате и вспоминала прошлую жизнь. Ее золотистые

волосы растрепались, на ней было все то же платье, в каком застал ее Ипполит.

Когда приехал Пьетро, служанки вздохнули с облегчением. Больше никто не мог бы утешить ее.

Он поднялся к ней и увидел ее неподвижно распростертой на полу.

Он опустился на колени и обнял ее за плечи.

— Я все знаю, — прошептал он. — И приехал, чтобы разделить твою горе.

Она даже не повернулась к нему.

— Это мое горе, — сказала она, — и больше ничье. Никто не сможет понять, что оно значит для меня.

— Дорогая Лукреция, твой безутешный вид разбивает мое сердце. Неужели ты не видишь, что я страдаю так же глубоко, как и ты?

Она покачала головой.

— Оставь меня, — сказала она. — Прошу тебя, оставь. Это все, что ты сможешь для меня сделать.

Он снова попытался утешить ее, но Лукреция его уже не слушала. Никто не мог понять глубины ее горя, как никто не понимал и глубины той любви, которую один Борджа питал к другому.

ГЛАВА 8 **ГЕРЦОГИНЯ ФЕРРАРСКАЯ**

Через два дня в Меделану приехал Альфонсо.

Вид супруги поразил его — даже ее волосы утратили обычный золотистый блеск.

Он тоже пробовал увещевать ее.

— Послушай, ты уже много месяцев не видела своего отца. К чему же весь этот театр?

— Неужели ты не можешь понять, что я... что я больше никогда не увижу его?

— Напротив — прекрасно понимаю. Вот потому и удивляюсь, глядя на тебя.

Она снова зарыдала.

— Я приехал не для того, чтобы выслушивать твои жалобы, — сказал Альфонсо, не выносивший общества плачущих женщин.

— В таком случае тебе лучше оставить меня наедине с моим горем.

— Только ли с горем? — прищурился он.

— Не волнуйся, здесь нет никого, кто смог бы по-настоящему понять меня.

Альфонсо кивнул. Практичному по натуре, ему трудно было понять природу любви, связывавшей Лукрецию и Александра. Ее состояние он объяснял страхом за будущее, в подобных опасениях Альфонсо не видел ничего странного. Король Франции уже намекнул, что не станет препятствовать расторжению его брака. Феррару вынудили принять Лукрецию Борджа как невесту, но никто их не заставляет удерживать ее — так писал Луи.

Ему стало жалко ее.

— Не бойся, — сказал он. — Расторжения брака не будет. Намеки короля Франции для нас не имеют большого значения.

— Какие намеки? — спросила она.

— Ты и в самом деле ничего не знаешь? Тебе безразлично, что происходит за пределами Меделаны?

— Я не слышала никаких новостей с тех пор, как сюда приезжал Ипполит.

Он рассказал о враждебности французов по отношению к ее семье.

— Но тебе нечего бояться, — повторил Альфонсо. — В случае расторжения брака нам пришлось бы вернуть приданое, а на такой шаг мой отец никогда не решится.

Он засмеялся — представил лицо Эркюля, расстающегося со своими бесценными дукатами. Затем обнял Лукрецию за талию и попытался пробудить в ней большее внимание к визиту ее супруга. Она воскликнула:

— Король Франции не посмеет так обращаться со мной!.. Мой отец умер, но у меня еще есть брат!

— Ах да, твой брат, — насмешливо повторил Альфонсо.

Она резко повернулась к нему. В ее глазах мелькнул ужас.

— Чезаре! — закричала она. — Что с Чезаре?

— Ему не повезло — в такое время нельзя было оставаться прикованным к постели. Он лежал при смерти и ничего не мог поделывать, а толпы народа грабили апартаменты и подвалы его отца. Впрочем, кое-что ему, видимо, удалось спасти.

— Где он сейчас? — с трудом выдавила Лукреция.

— Нашел приют в замке Сант-Анджело.

— А дети?

— Вместе с ним. Твой Родриго и Романский младенец. — Альфонсо хохотнул. — Да не убивайся ты так! С ним его дамы. Там уже побывали и Санча Арагонская, и Доротея — та девушка, которую он похитил. Удивляюсь, как пришелся он ей по душе.

— Мой брат... в тюрьме!

— В тюрьме. Где же еще ему быть? Он покорило множество богатых городов — Италия трепетала, пресмыкалась перед ним. Всюду расхаживал с таким важным видом, да? Но вся его сила заключалась в папских знаменах — и вдруг... он оказался слабым и больным, а Папа уже не смог защитить его.

Лукреция схватила своего супруга за локоть и в отчаянии затрясла его.

— Ну, расскажи же мне все... все! — взмолилась она. — Прошу тебя, не держи меня в неведении!

— Король Франции больше не поддерживает твоего брата. Против него восстали почти все бывшие синьоры городов, вошедших в состав герцогства Романья. Да и почему бы им в такое время не получить назад свои владения? Даже твой первый супруг, даже Джованни Сфорца, — и тот уже вернулся к себе в Пезаро.

Лукреция отпустила его локоть и отвернулась, чтобы он не мог видеть ее лица.

— Пресвятая Богородица, — прошептала она, — я не вижу ничего кроме собственного горя, а Чезаре в беде, Чезаре в опасности.

Так грубая откровенность Альфонсо сделала то, что не удалось ни соболезнованиям Ипполита, ни сочувствию Пьетро, — заставила ее забыть о горе, вызванном смертью отца. Перемена в ее настроении была вызвана страхом за жизнь брата.

Кардинал Юлиан делла Ровере, давний недоброжелатель семьи Борджа, был поглощен предстоявшими выборами на папское кресло.

Он слыл человеком проницательным и коварным и, пожалуй, относился к тому же типу людей, что и сам Александр. Они оба родились в бедности; тот и другой были племянниками двоих могущественных отцов католической церкви. Папа Сикст Четвертый помогал молодому Юлиану делла Ровере не меньше, чем Каликст Третий — юному Родриго Борджа. И каждый из этих племянников еще на заре карьеры решил, что однажды оденет мантию своего дяди.

Время конклава тяготило любого кардинала. В напряжении пребывали все — даже те, кто не мог претендовать на место Папы, — поскольку решался вопрос, друг или враг будет править в Ватикане.

Чезаре, ослабленный болезнью и лишившийся половины своего королевства, все еще обладал огромной властью в Священной Коллегии. Дело в том, что Александр, как и всякий его предшественник, широко практиковал политику nepotismo, и теперь в Ватикане было несколько влиятельных кардиналов Борджа, которые прекрасно сознавали свою связь с семьей и проголосовали бы за человека, выбранного их родственником Чезаре.

Делла Ровере приехал в Рим и навестил его.

Кардинал ничем не выдал ликования, охватившего его при виде истощенности и болезненного выражения

лица Чезаре. В душе он ненавидел всех Борджа. Александр был его более удачливым соперником, и свою ненависть к бывшему Папе он решил выместить на его сыне.

— Мой господин, — вкрадчиво начал делла Ровере, — вы плохо выглядите. Едва ли вам стоит оставаться в Риме, вашему здоровью нужен свежий деревенский воздух.

— Спасибо за приглашение, — буркнул Чезаре. — Раз уж вы приехали сюда, то я могу заключить, что сейчас не время для загородных прогулок.

Кардинал вздохнул.

— Это верно, не буду отрицать.

— Значит, вы приехали из-за выборов?

— И тут вы правы, друг мой, — сказал делла Ровере.

— Странно, что за помощью вы обратились ко мне.

Чезаре знал, что его отец не доверял этому человеку, которого считал одним из своих самых грозных противников. Сейчас он вспомнил слова Александра, однажды сказавшего, что за делла Ровере нужен глаз да глаз, поскольку во всей Италии нет более умного, а значит, и более опасного врага семьи Борджа.

Кардинал обворожительно улыбнулся.

— Будем откровенны друг с другом. Прошедшие несколько месяцев изменили не только мое положение, но и ваше. Еще не так давно вы обладали обширнейшим герцогством, и в Италии не было правителя, который не трепетал бы при одном упоминании вашего имени. А теперь? — Он снова вздохнул. — Мой господин, со времени смерти Папы вы утратили значительную часть своих владений.

У Чезаре непроизвольно сжались кулаки. Он холодно произнес:

— Они будут восстановлены.

— Может быть, — сказал делла Ровере. — Но чтобы вернуть утраченное, вам сначала нужно найти покровителя в Ватикане.

— Вы так полагаете? Отца мне все равно никто не заменит.

— Не заменит. Но есть один человек, который хочет помочь вам.

— Вы имеете в виду... себя?

Делла Ровере кивнул.

— Мой дорогой герцог, подумайте хорошенько над создавшимся положением. Вы тяжело болели. Вы были близки к смерти, и этим воспользовались ваши враги. Но сейчас вы поправляетесь. У вас еще сохранилась власть — вам нужно только укрепить ее. Своего ставленника вы не сделаете Папой, но через ваших родственников в Священной Коллегии сможете воспрепятствовать избранию любой неуютной вам кандидатуры. Вы нуждаетесь в поддержке, отчаянно нуждаетесь. Мне же нужны ваши голоса. Сделайте меня Папой, а я сделаю вас знаменосцем, гонфалоньером церкви.

Чезаре молчал. Делла Ровере встал и скрестил руки на груди. Глядя на него, Чезаре почувствовал в этом человеке такую же целеустремленность и силу воли, какие были в характере его отца.

Чезаре пытался заглянуть в будущее. Командующий папской армии? Это стало бы сокрушительным ударом для его врагов. Он представил, как один за одним отвоюет все потерянные города. Увидел, как падают на колени те, кто посмел восстать против него.

Делла Ровере наклонился к нему и мягко произнес:

— Подумайте об этом.

Когда делла Ровере избрали Папой и он стал править как Юлий Второй, Чезаре приготовился к исполнению данных ему обещаний.

Немало людей, в том числе и великий Макиавелли, удивлялись наивности Чезаре, доверившегося Юлию. Этим людям казалось, что Чезаре и в самом деле впал в слабоумие.

Выпущенный из замка Сант-Анджело, Чезаре направился в ту область Романьи, где квартировала большая часть его армии. Он все еще надеялся на лучшее, хотя знал, что король Франции отказал ему в поддержке сра-

зу после смерти Александра, а король Испании не простил семье Борджа альянса с французами. Сами испанцы уже завладели почти всеми южными территориями Италии. Чезаре со своим поредевшим войском оказался лишенным всех союзников и покровителей. Его враги внимательно следили за ним и изумлялись тому, что он до сих пор не мог осознать безысходности своего положения. Не часто люди теряли власть с такой неумолимой быстротой, с какой терял ее Чезаре Борджа.

Делла Ровере не имел не малейшего желания присваивать ему обещанные титулы. Он прочно обосновался в Ватикане и уже не нуждался в сыне своего предшественника. Из Рима он его выпустил только в обмен на обещание отречься от той части Романьи, которая все еще оставалась в руках Чезаре.

Поэтому, когда Чезаре отказался подчиниться приказу о капитуляции, папские военачальники взяли его в плен и заточили в одну из крепостей Остии.

Там с ним обращались неплохо, и он не мог поверить, что в самом деле стал пленником нового Папы. Его разум отказывался признавать поражение. Болезнь снова начала брать верх, но и этого он не замечал. Порой, стоя на одной из башен, он потрясал кулаками и кричал со всей яростью, на какую был способен. Он хотел, чтобы на его крик откликнулись на каком-нибудь из кораблей, изредка проплывавших в открытом море.

Вскоре делла Ровере решил вернуть его в Рим. Чезаре должен был отречься от своих владений.

Лукреция вернулась в Феррару, на официальный прием в честь герцога Мантуанского Франческо Гонзага.

Она все еще носила траур по своему отцу, и на фоне черного платья ее золотистые волосы казались более яркими, чем прежде.

Ни супруг, ни свекор не скрывали раздражения, видя ее печальное лицо. Эркуль открыто глумился над смертью человека, которого считал своим давним врагом; если

бы не богатое приданое, он бы не задумываясь последовал совету Луи и расторг брак с Борджа. Альфонсо был безразличен как к злорадству отца, так и к страданиям жены. То и другое представлялось ему пустой тратой времени. Его дни уходили на исполнение воинских обязанностей и на работу в литейной; для ночей у него были любовницы, а для рождения детей — Лукреция.

И герцог, и его сын не испытывали особого удовольствия от предстоявшей встречи с Гонзага. Они оба недолюбливали его и считали, что их Изабелла была достойна лучшего супруга, чем Франческо. Кроме того, он практически не принимал участия в управлении Мантуей, а потому все хозяйство приходилось вести маркизе.

Вот почему его визит носил формальный характер.

Подъезжая со своей кавалькадой к Ферраре, Франческо думал о Лукреции. Он хорошо помнил, как негодовала его супруга перед свадьбой этой хрупкой золотоволосой женщины. Сейчас ее озлобленность стала еще заметней. Изабелле не давало покоя то, что Лукреция удерживает в Ферраре поэта Пьетро Бембо. Видимо, маркиза полагала, что все артисты должны принадлежать ей. Она неоднократно приглашала Пьетро в Мантуу, но тот всякий раз отказывался.

Изабелла рвала и метала. «Вне всяких сомнений, он ее любовник! — кричала она. — Ах, эта лицемерка! Тихоня! Недотрога! Нужно предупредить моего брата, пока она не угостила его порцией кантареллы! Не забудьте передать ему мои слова, когда будете в Ферраре».

Он улыбнулся. Неужели она думала, что он обойдется с супругой Альфонсо так же плохо, как она?

Вот и Феррара.

Герцог, встречающий его, выглядит нездоровым — вероятно, недолго протянет. Альфонсо, как всегда, диковат. У Ипполита еще более надменный вид, чем прежде. Ферранте более задумчив. Сигизмунд — еще более благочестив, хотя раньше казалось, что дальше уже некуда. Юлий — немного более щеголеват, но так же не-

ловок. Ему хотелось поскорей покончить с визитом и отправиться в какое-нибудь менее скучное место, чем Феррара.

Затем он увидел Лукрецию. На какое-то время у него даже перехватило дыхание — так она была прекрасна. Изящная. Хрупкая. Траурное платье совсем не портило ее красоту.

Он поцеловал ее руку. Затем застыл в нерешительности, почувствовал, что должен как-нибудь загладить обиды, нанесенные его супругой.

— Дорогая Лукреция, — сказал он, — поверьте, я всем сердцем соболезную вашему горю.

На ее глазах выступили слезы, и он поспешил исправить свою ошибку:

— Простите, мне не следовало напоминать о нем.

Она мягко улыбнулась.

— Вы ни в чем не виноваты — я всегда помню о нем. Горе до самой смерти будет со мной.

Она пленила его, эта молодая женщина, пользовавшаяся в Италии самой дурной репутацией и, как ни странно, выглядевшая такой невинной. Он хотел знать истинное лицо Лукреции.

Ему было жалко Лукрецию. Он видел, как пренебрежительно к ней относились в семье Эсте. И ему казалось, что она заслуживала лучшего обращения — уже потому, что не была похожа ни на одну из женщин, которых Франческо встречал в своей жизни. Если бы она походила на них, он пустился бы в очередную любовную авантюру и, удовлетворенный, вернулся бы в Мантую. В Италии у него была своя репутация — не менее признанная, чем у Лукреции.

Но она отличалась от других, а потому он хотел понять ее, выяснить, что крылось за ее невозмутимостью, узнать ее истинные чувства к поэту Бембо.

Франческо наблюдал за ней на балах и праздничных застольях, порой видел прогуливающейся в саду замка — неизменно в сопровождении служанок — и пробовал за-

говорить с ней. Рассказывал о благоухающих цветниках на берегу Минция, о дворцах, построенных лучшими итальянскими зодчими.

Между тем приближалось время отъезда из Феррары, и однажды, беседуя с Лукрецией на садовой аллее, он сказал о своем искреннем желании стать ее другом.

Она повернулась к нему, и открытое выражение ее лица глубоко тронуло его.

— Вы и впрямь очень любезны, маркиз, — сказала она. — Я вижу вашу искренность — и, поверьте, ценю ее.

— Я хотел бы чем-нибудь помочь вам. У меня такое впечатление, что здесь вы чувствуете себя одиноко. Герцогиня, позвольте мне возместить тот недостаток симпатии, который вы испытываете при этом дворе.

Она снова поблагодарила его.

— Эсте! — Он поморщился. — Моя собственная семья — считая по браку. Но, Господи, как они бездушны! А вы... такая молодая и хрупкая, еще не оправившись от вашего горя. и вынуждены оставаться наедине с ним.

— Они не понимают меня, — сказала Лукреция. — До приезда в Феррару я жила со своим отцом. Мы редко разлучались. И любили друг друга... очень любили...

— Я знаю.

Он бросил на нее пыливый взгляд — вспомнил о слухах об их любви. И вновь был тронут невинным выражением ее лица.

— Я чувствую, — сказала она, — что в моей жизни уже ничего не будет так, как было раньше.

— Вы так думаете, потому что еще не успели отойти от выпавшего вам несчастья.

Ее глаза наполнились слезами.

— Мой брат тоже так говорил, когда я переживала другую потерю.

— Он был прав, — тихо произнес он.

При упоминании о брате ее голос задрожал, и Франческо понял, что страх за брата владел ею больше, чем скорбь по умершему отцу. Какими на самом деле были

их семейные отношения, породившие столько скандалов, сколько за всю римскую историю не вызывал ни один другой род?

Франческо хотел знать тайну семьи Борджа.

Он мягко проговорил:

— Вы тревожитесь за брата?

Она повернулась к нему.

— Меня пугает то, что я слышу о нем.

— Очень хорошо понимаю вас. Боюсь, он чересчур доверился новому Папе. Такое впечатление, будто забыл, что Юлий всегда был врагом его отца.

— Чезаре перенес тяжелую болезнь. Говорят, в иные дни он даже лишился рассудка.

Франческо кивнул.

— Его покинули все друзья — бросили в отчаянном, беспомощном положении. Представляю, как вы боитесь за него сейчас, когда его держат пленником в Ватикане.

— Знаю — в бывшей резиденции Борджа. Я помню каждую деталь тех комнат.

Комнат, населенных призраками! — подумала она и увидела Альфонсо — самого дорогого и любимого из ее супругов, — лежащего поперек постели, с синими пятнами на шее, оставленными верным слугой Чезаре. Теперь Чезаре, истощенного болезнью и униженного своим поражением, держат пленником в тех же самых комнатах.

Франческо бережно взял ее за локоть.

— Может быть, я смогу что-нибудь сделать для вашего брата, — тихо сказал он.

В ее глазах мелькнул огонек надежды.

— Мой господин...

— Зовите меня Франческо. Ведь мы с вами можем обойтись без обычных церемоний, не правда ли?

Он взял ее руку и поцеловал.

— Мне хотелось бы заслужить вашу благосклонность. Не смотрите на меня так. Я был бы счастлив, если бы увидел прежнюю улыбку на ваших губах.

Она улыбнулась.

— Вы очень добры ко мне, Франческо.

— А ведь я еще ничего доброго для вас не сделал. Послушайте, Лукреция. Папа Юлий давно поддерживает со мной приятельские отношения, и я открою вам один секрет. Он просит меня принять командование папской армией. А это значит, что мои обещания вовсе не так пусты, как могло бы вам показаться. Я приложу все усилия, чтобы вернуть вам вашу очаровательную улыбку. Ведь, если вы увидите своего брата в добром здравии и в прежнем качестве герцога Романского, вы будете счастливы?

— Я не смогу перестать думать об отце, но если узнаю, что у Цезаре все хорошо, то у меня с души спадет такой камень, что я буду обязана смеяться от счастья.

— Значит, так все и будет.

И он еще раз галантно поцеловал ее руку.

Цезаре лежал на кровати и смотрел в потолок.

Вот в этой комнате бедняга Бишельи дожидался своего смертного часа. Сюда же поместили и его. Цезаре знал — играли на нервах, напоминали о том давнем преступлении. Но они ошибались, если думали, что он боится призраков. В его жизни было много убийств, и ни одно из них не вызывало у него даже малейшей тени раскаяния, а тени замученных им людей были и того неведомей. Он не чувствовал жалости. Только досаду на свою судьбу. Постигшую его катастрофу Цезаре объяснял только лишь невезением.

Он проклинал роковые стечения обстоятельств, застававшие его сначала бороться за свободу от церкви, а потом отбросившие слишком далеко от этой могущественной силы. Хуже того, злая фортуна еще в юности наградила его довольно серьезным заболеванием — французским недугом, — который обострился после воздействия яда, подсыпанного ему на вечере у кардинала Корнето. Может быть, подсыпанного по воле такого же слепого случая.

Но он вернет все, что потерял. В этом он себе по-
клялся.

Ему нужно восстанавливать силы. Он должен хорошо питаться, почаще выходить на балкон, где когда-то стоял Альфонсо Бишелли, в слабых руках державший арбалет со спущенной тетивой, дышать свежим воздухом и помногу спать. Спать... спать...

Когда Франческо уехал, Лукреция решила не надеяться на него, а попытаться выручить брата своими силами.

Она пошла к старому герцогу и, встав перед ним на колени, воскликнула:

— Мой дорогой отец, я умоляю вас выполнить одну мою просьбу. С тех пор, как Феррара стала моим домом, вы нечасто слышали от меня подобные слова и, я надеюсь, учтете это обстоятельство.

Эркюль хмуро посмотрел на нее. Его все заметней одолевали приступы старческой хандры. Порой он задумывался о том, что случится с Феррарой, если ею станет править Альфонсо, — и при этом всякий раз вспоминал о браке с Борджа, которые в Италии уже не имели никакого значения. У Эркюля до сих пор не было внука. Вот почему он решил подождать еще немного, и, если это супружество окажется бездетным, сделать все возможное, чтобы расстаться с Лукрецией — с дукатами или без дукатов, все равно.

— Ну, — сказал он, — и что же это за просьба?

— Я прошу вас позволить мне пригласить моего брата в Феррару.

— Вы сошли с ума?

— Неужели вам кажется безумным мое желание повидать близкого родственника?

— Безумство в том, что вы желаете видеть его здесь.

— Мой брат тяжело болен. Вспомните, как он вернулся меня к жизни. Сейчас ему нужен уход, а кто же сможет ухаживать за ним лучше, чем сестра?

Эркюль ядовито ухмыльнулся.

— В Ферраре только скандалов не хватает, — сказал он.

— Обещаю вам, скандалов не будет.

— Они были всегда, когда Борджа оказывались вместе, — продолжая ухмыляться, возразил герцог.

— У вас тоже есть семья, — настаивала Лукреция. — Значит, вы должны что-то смыслить в узах, связывающих родных людей.

— Я ничего не смыслю в узах, связывающих семью Борджа. И не желаю смыслить. Если вы хотели упрекнуть меня в невежестве, то сначала вам нужно было вспомнить о своей репутации.

— Да выслушайте же вы меня! Я хочу ненадолго пригласить в Феррару моего брата и детей. Совсем ненадолго! Может быть, потом он уедет во Францию. У него там свои земли.

— Король Франции написал мне, что не допустит его возвращения во Францию. А мне он посоветовал не иметь ничего общего с ублюдком, отец которого был священником.

Услышанное неприятно поразило Лукрецию. Она возлагала большие надежды на возвращение Чезаре во Францию. В конце концов там у него осталась семья.

Она с мольбой взглянула в серое лицо герцога, но тот был по-прежнему непреклонен.

Он закрыл глаза.

— Я очень устал, — сказал он. — Ступайте к себе и благодарите Бога за то, что вступили в брак, пока еще не было слишком поздно.

— Вы полагаете, я здесь счастлива? — возмущенным тоном спросила она.

— Вы безнадежно глупы, если своим апартаментам предпочитаете камеру в Сант-Анджело.

— О да, — вспыхнула Лукреция, — глупо было надеяться... на сочувствие... на сострадание.

— Не глупее, чем думать, что мой двор может вынести присутствие сразу двоих Борджа.

Он саркастически усмехнулся, и она направилась к двери.

Чезаре в последний раз оглядел комнату. Прощай, все — постель, лепной потолок, обеденный столик, балкон. Больше они ему не понадобятся. Он сделал то, что поклялся не делать никогда в жизни, — отрекся от герцогства Романья. А взамен ему дали свободу. Теперь он мог расстаться со своей тюрьмой. Но должен был уехать из Рима.

Надежды не покидали его. Пребывание в старой папской резиденции позволило ему набраться сил. В каком-нибудь безопасном месте он сможет прикинуть планы на будущее, а через несколько месяцев вернет все, что потерял.

Хорошо было бы податься в Феррару. Там Лукреция, она бы помогла ему. Во имя всех святых, подумал он, я припомню старому Эркюлю, как он обошелся с моей сестрой! А перед этим он еще сто раз пожалеет, что родился на свет.

Но сейчас Феррара закрыта для него.

Существует еще одно место: Неаполь. В Неаполе он мог бы что-нибудь придумать.

Неаполь находится в руках испанцев, а в настоящее время они предпочтительнее французов. Правда, раньше испанский король высказывал недовольство альянсом между Борджа и Луи, но это дело прошлое, а Борджа как-никак происходят из Испании.

Ему нужны новые союзники. В Неаполе можно встретить Санчу. Он усмехнулся — с ней-то уж он найдет общий язык. В Неаполе укрывается и Гоффредо. На него тоже можно положиться. С приездом Чезаре там соберутся почти все дети Ватикана, так что при неаполитанском дворе будет частица Рима, лучшего места на земле.

Разумеется, в Неаполе не все обрадуются его появлению. Например, родственники второго мужа Лукреции, герцога Бишельи. Они могут усложнить его задачу, но он не боится их. В Неаполе у него будет много дел.

Прежде всего придется наладить отношения с неаполитанским наместником испанского короля. С этим изнеженным ловеласом Консальво де Кордоба. Когда-то он считался другом семьи Борджа, и Чезаре не видел никаких оснований для того, чтобы приятель Александра не дал ему убежище на то время, пока сам он будет собирать армию и готовиться к войне.

Когда он поселился в Неаполе, ему сказали, что его кто-то спрашивает и желает нанести срочный визит.

— Наместник Консальво? — поинтересовался он.

— Нет, мой господин, — ответили ему. — Какая-то дама.

Его лицо расплылось в улыбке. Он догадался, кому так не терпится встретиться с ним.

Она вошла в его комнату, плотно закрыла за собой дверь и сняла маску.

Ни скитания по Италии, ни любовные похождения не отразились на ее красоте. Она была так же обольстительна, как и прежде.

— Санча! — воскликнул он и уже хотел обнять ее, но она предостерегающе выставила вперед правую ладонь.

— Времена изменились, Чезаре, — сказала она.

— И все-таки ты примчалась сюда, не дав мне даже как следует обосноваться в Неаполе.

— Только ради нашей давней дружбы, — сказала она.

Он поцеловал ее руку.

— Ради чего же еще? — улыбнулся он.

Она убрала руку, но он схватил ее за плечи. Глаза Санчи гневно сверкнули.

— Поосторожнее, Чезаре, — сказала она. — Наместник мой добрый друг, а ты уже не прежний доблестный завоеватель.

Он опустил руки и расхохотался, запрокинув голову.

— Наместник — твой друг! — сквозь смех выдавил он. — Ну, этого и следовало ожидать. Он здесь распоряжается всеми, поэтому Санча должна распоряжаться им. Стало быть, это тебе я обязан оказанным мне гостеприимством.

— Возможно, — сказала она. — Во всяком случае, сюда я пришла по дружбе. Мне хотелось вовремя предостеречь тебя.

Он с разочарованным видом посмотрел на нее.

— Я подумал, ты пришла вспомнить старые времена.

— Еще чего! — вспыхнула она. — Между нами все кончено. Учти, если ты отрекся от герцогства, то тебе придется отказаться и от прежнего самомнения.

— Я верну все, что потерял.

— Если у тебя такие планы, то осуществлять их тебе следует с большой осторожностью. Об этом-то я и хотела предупредить тебя.

— Вот как? В таком случае — каковы же будут твои предостережения?

— Прежде всего, избегать ревности наместника.

— Дорогая Санча, ты ставишь мне невыполнимую задачу. Ты слишком очаровательна, а я всего лишь мужчина.

— В его руках твоя жизнь. Он неплохой человек, но не надо раздражать его. При всем дворе у тебя есть только один друг — брат Гоффредо.

— Где он сейчас?

— Не знаю. Мы редко встречаемся.

— Как я вижу, наш наместник ревнует даже к мужьям!

Она пожала плечами.

— Еще раз говорю, здесь слишком много твоих врагов. После убийства моего брата Неаполь не питает к тебе нежных чувств. Ты помнишь Иеронима Манцони?

Чезаре покачал головой.

— Разумеется, как же тебе помнить такой заурядный случай. Он написал небольшой трактат о том, что происходило во время и после штурма Фазнцы. Не припоминаешь? Зато семья несчастного Иеронима очень хоро-

шо помнит тебя, потому что ты взял большую плату за его книгу — велел отрубить ему правую руку и вырвать язык. Такие вещи не забываются, Чезаре. Тем более, когда у человека уже нет прежней силы. Вот о чем я хотела предупредить тебя. Теперь я ухожу. Прощай, Чезаре. Будь осторожен. На улицах Неаполя у тебя врагов больше, чем было их в римской тюрьме.

Чезаре насмешливо посмотрел на закрывшуюся за ней дверь. Он не внял предостережениям Санчи.

Консальво де Кордоба пребывал в скверном настроении. Он горько сожалел о том, что Чезаре Борджа не избрал своим убежищем какое-нибудь другое место. Консальво считал себя человеком чести, и совесть начала мучить его в тот момент, когда он разрешил Чезаре приехать в Неаполь. Он помнил приемы, которые для него устраивал Александр, и не привык отворачиваться от приятелей, если дружба с ними уже не сулила ему материальной выгоды. Консальво хотел помочь Чезаре — и в то же время не должен был забывать, что состоит на службе у короля Испании.

Санча знала о его терзаниях и была с ним, когда он читал приказ, поступивший от испанского короля.

Прочитав его, он погрузился в раздумье. Санча обняла его и прошептала:

— Дорогой, вы чем-то встревожены?

Он взглянул на нее и невесело улыбнулся. Ее любовная интрига с Чезаре была известна всему Риму, и с этой стороны приезд бывшего любовника Санчи тоже не доставлял удовольствия неаполитанскому наместнику. Он не хотел поступаться честью, но желал бы выяснить, какие чувства они теперь питают друг к другу.

Консальво многозначительно кивнул на приказ, который держал в руках.

— Что-нибудь, касающееся Чезаре?

Он еще раз кивнул — с сокрушенным видом.

Санча продолжила:

— Он весь мир восстановил против себя. Полагаю, король Испании не желает, чтобы он вновь брал приступом города Романьи?

— Вы правы. Я обязан арестовать его и переправить в Испанию. Мой король считает, что итальянцы не умеют должным образом содержать своих заключенных.

— Если он попадет в Испанию, это будет конец всем его надеждам.

Консальво согласился.

— Но почему вы так расстроены, мой господин? Какое вам дело до Чезаре Борджа?

— Его отец был моим другом.

— Борджа дружили только с теми, кто мог принести им какую-то выгоду.

— Я обещал дать ему убежище.

— И вы дали его. А теперь от вас уже ничего не зависит.

— Герцогиня Гандийская умоляет Фердинанда, моего короля, предать суду убийцу ее супруга.

— Она вправе просить об этом. Чезаре должен ответить за то давнее преступление — убийство своего брата!

— Куда бы он ни подался, его всюду будут преследовать призраки. Их слишком много — он нигде не останется незамеченным.

Внезапно Санча испугалась.

— Если вы пойдете в его апартаменты, он будет драться. У него есть несколько преданных людей, и они положат жизнь за своего хозяина. Дорогой мой, я боюсь. Я всегда боялась Чезаре.

— Нужно его выманить оттуда. Я не хочу кровопролития. Придется устроить ему встречу в замке Ово.

Санча кивнула.

Консальво решил немного подождать.

Предупредит ли Санча своего бывшего любовника? — размышлял он. Консальво не мог отделаться от впечатления, что Борджа обладают какой-то могучей властью над людьми. Такие мысли у него стали появляться сразу после приезда Чезаре в Неаполь. Тот перенес тяжелей-

шую болезнь, а вдобавок потерпел сокрушительное поражение, и тем не менее было видно, что он с каждым днем набирает силу. Через какое-то время Чезаре вернул бы все утраченные владения.

В какой-то степени Консальво даже симпатизировал ему. Однако если бы Чезаре восстановил свое герцогство, то снова вступил бы в альянс с Францией, а это не могло бы не отразиться на положении Неаполя.

Консальво должен был выполнить свой долг, в конце концов того требовала честь его мундира. Но ему хотелось выяснить, пожелает ли Санча предупредить бывшего любовника. В какой-то мере он даже надеялся, что тот вовремя узнает о грозящей ему опасности.

В замке Ово уже занял исходные позиции отряд испанских гвардейцев. Они поджидали ничего не ведающего Чезаре, и Консальво должен был заманить в ловушку человека, которому обещал дать надежное убежище.

Это обстоятельство глубоко задевало испанского наместника. Вот почему он надеялся, что гонец, посланный к сыну его друга, не застанет Чезаре на месте.

Санча заперлась в своих покоях и никого к себе не пускала.

Ее глаза сияли холодным блеском.

Вскоре Чезаре мог покинуть Неаполь, чтобы отправиться в испанскую тюрьму, и у нее была возможность спасти его.

Она думала об их бурном романе, обо всех наслаждениях, которые он доставил ей. Вспоминала те яростные перепалки, что так разжигали ее страсть, испытанную только с ним и ни с кем другим. Она и ненавидела его, и восхищалась им, и всегда оставалась удовлетворенной их свиданиями.

Ей часто снился Чезаре, склоняющийся над ней, занимающийся с ней любовью.

Вспоминала она и своего младшего брата, жизнерадостного и такого же красивого, как она сама. В памяти всплывали незначительные события их детства: Санча

видела то его наивную улыбку, то глаза, с неизменным обожанием смотревшие на сестру. Она подумала о его приезде в Ватикан и о том, как Альфонсо падал на колени перед Лукрецией, хватал ее за подол платья и умолял защитить его от Чезаре.

Затем Санча вспомнила обмякшее тело, лежавшее поперек постели в одной из комнат напской резиденции.

Тогда она закрыла лицо руками и зарыдала, жалея своего несчастного младшего брата, убитого по приказу Чезаре Борджа.

Чезаре уже собирался ложиться спать, как вдруг в дверь постучали.

— Я от испанского наместника, — сказал человек, прошедший в комнату.

— Какие новости? — спросил Чезаре.

— Мой господин, вам нужно срочно покинуть эти апартаменты. Моему хозяину стало известно, что сюда направляется толпа вооруженных людей, которые собираются учинить расправу над вами.

— Кто они такие?

— Их возглавляют родственники Иеронима Манцони, мой господин. Того человека, который потерял язык и правую руку. Они настроены очень агрессивно, и их намерения не вызывают никаких сомнений. Мой хозяин предлагает вам укрыться в замке Ово. Он просит вас поторопиться, если вы хотите воспользоваться его помощью.

Чезаре разозлился. Он не был трусом, но в схватке с вооруженной толпой не имел никаких шансов на победу. Со своими слугами он мог бы уложить на месте десяток-другой людей, но остальные все равно растерзали бы его. А Чезаре должен был расквитаться со всеми врагами. Ему предстояло бороться за утерянны владения.

Он повернулся к слуге.

— Собирайся, — сказал он. — Мы переправляемся в замок Ово.

О, это унижение! Ему, великому Чезаре, — проби-

ратся по темным улицам Неаполя, избегая прохожих и света, падавшего из окон! Подходя к замку Ово, он думал о том, как отомстит неаполитанцам за нанесенное ему оскорбление.

Когда он, соблюдая все меры предосторожности, скрытно проник в замок, его окружили солдаты.

— Чезаре Борджа, — сказал один из них, — с этой минуты вы являетесь пленником Его Величества короля Испании.

Чезаре огляделся, но в первое мгновение ничего не увидел — ярость застилала ему глаза.

Он попал в ловушку, уготовленную ему испанским наместником. Этим честным, совестливым человеком!

Затем его рука потянулась к рукоятке шпаги, но было уже поздно. На него набросились со всех сторон и крепко связали.

В ту же ночь Чезаре отвезли на корабль, который должен был доставить его в Испанию.

Когда в Меделану пришло известие о пленении Чезаре, Лукреция думала, что не выдержит нового свалившегося на нее горя.

Пьетро всеми силами утешал ее: то читал стихи, пытаясь отвлечь от мыслей о судьбе Чезаре, то говорил, что смерть ее брата не нужна королю Испании, намеревавшемуся держать в постоянном страхе нового Римского Папу. В его словах была доля истины. Живой Чезаре представлял немалую угрозу для Юлия.

— Не грусти, любимая, — обнимая ее, шептал он. — Все будет хорошо.

— Он меньше, чем кто-либо, приспособлен для жизни в тюрьме, — вздыхала она. — Как-то его там содержат?

Однажды он покачал головой и напомнил о том, что с Чезаре обошлись не так жестоко, как Чезаре обходился со своими жертвами.

— Он стал бы хорошим правителем, добрым и мудрым, если бы у него не отобрали королевство, — сказа-

ла она. — У него были великие планы, и он часто обсуждал их со своим инженером фортификационных сооружений. Кажется, того звали Леонардо да Винчи. Они хотели построить санитарные каналы, через которые сбрасывались бы все городские нечистоты. Цезаре говорил, что в его владениях люди забудут об эпидемиях чумы. Я не сомневаюсь, так бы все и было.

Пьетро попробовал перевести разговор на поэзию, но его стихи уже не так очаровывали ее, как в первые дни их знакомства.

Затем прибыли гонцы из Феррары. Они сказали, что старый герцог очень болен и лекари не надеются на его выздоровление. Братья Альфонсо — сам он в это время уехал по делам за границу — просили ее немедленно вернуться в Феррару.

Пьетро пожелал проводить ее и встретил перед самым отъездом, когда она в последний раз прогуливалась по садовым аллеям, с которыми у нее было связано так много светлых воспоминаний. Он стоял в тени деревьев. Подозвав Лукрецию, пылко обнял ее.

— Неизвестно, что смерть герцога будет значить для нас, — сказал он. — Но знай, дорогая, — я никогда не перестану любить тебя и благословлять те дни, которые мы провели вдвоем.

Она уже не смела задерживаться. В отсутствие супруга ее навещал Ипполит, и Лукреция предполагала, что ему было известно о ее любовных свиданиях с Пьетро.

Она выехала из Меделаны, но перед самым въездом в Феррару ей доставили письмо. Читая его, Лукреция чувствовала, что у нее горят щеки. Она помнила некрасивое, но обаятельное лицо мужчины, обещавшего спасти ее брата.

Он писал, что ему уже сообщили о событиях, происходящих в Ферраре и за ее пределами. Если в трудную минуту Лукреции понадобится друг, то он, Франческо Гонзага, будет готов прийти ей на помощь.

В город она въезжала с легким сердцем — этот человек знал, как успокоить ее.

В Ферраре она поневоле вспомнила те времена, когда Папа покинул Рим и возложил на нее все обязанности по ведению своих светских дел. Братья Альфонсо не имели ни малейшего желания заниматься хозяйством герцогства. Ипполит и Ферранте следили друг за другом. Сигизмунд молился и ходил на проповеди. А Юлий был слишком легкомыслен, и ничего важного ему не доверяли.

Вскоре в Феррару вернулся Альфонсо. Известие о болезни отца заставило его прервать поездку по Англии.

— Как герцог? — первым делом спросил он.

— Жив, мой господин, — ответил какой-то слуга. — Но очень плох.

Альфонсо облегченно выдохнул. Он вовремя вернулся в родной замок. Поздоровавшись с братьями и Лукрецией, он сразу направился в отцовские покои.

Когда старый герцог увидел сына, его лицо просветлело. Альфонсо бросился к постели больного и упал на колени, чтобы получить благословение.

— Альфонсо, сын мой, — прошептал Эркуль. — Я рад твоему приезду. Очень скоро Феррара перейдет в твои руки. Альфонсо, никогда не забывай традиций семьи Эсте и заботься о благополучии своей семьи.

Эркуль оглядел тех, кто стоял возле его постели, — сыновей и супругу Альфонсо. Он хотел еще что-то сказать, но не смог — слишком устал. Альфонсо это почувствовал и вдруг вспомнил о том, что его объединяло с отцом.

— Отец, — тихо произнес он, — что если в вашей спальне будет звучать музыка?

Герцог улыбнулся. Музыку он всегда любил — в последние минуты жизни она могла бы утешить его, отвлечь от тяжелых мыслей о будущем Феррары.

Альфонсо позвал музыкантов. Те смутились, но подчинились приказу и заиграли любимые мелодии его отца. Так, под плавные переборы арф и пение виолы, герцог Эркуль навсегда покинул Феррару.

Через день состоялась коронация молодого герцога.

Лукреция стояла на холодном зимнем ветру и ждала его возвращения из кафедрального собора. О его приближении она узнала по крику толпы, приветствовавшей нового правителя Феррары. Когда он подъехал к замку, она слышала поздравления в свой адрес. Лукреция невесело улыбнулась — она знала цену настроениям горожан. Завтра они могли снова ненавидеть ее.

Спрыгнув с коня, Альфонсо взял ее за руку и повел в замок, где для гостей уже приготовили застолье. Эти торжества продолжались вплоть до следующего дня, когда все сменили праздничные наряды на черные платья и камзолы. После траурной церемонии было предано земле тело старого герцога.

Когда разъехались те, кто участвовал в похоронах и коронации, Лукреции показалось, что она впервые оказалась наедине с супругом.

В тот же вечер Альфонсо пришел к ней в спальню.

— Теперь важно, чтобы у нас были дети, — сказал он.

Его слова заставили ее насторожиться. Ей показалось или в них действительно прозвучало предостережение? Дети, дети... и вы будете спасены.

Это было похоже на отсрочку вынесенного приговора.

На похоронах Эркулёя присутствовал и Пьетро Бембо. Когда траурные церемонии закончились, он остался в Ферраре.

Альфонсо ревновал — Ипполит рассказал ему о своих подозрениях. Если бы эти подозрения подтвердились, вопрос о наследнике герцога Феррарского уже не имел бы никакого значения. Брак все равно был бы расторгнут.

Лукреция не могла допустить, чтобы ее увидели наедине с Пьетро, — но однажды, в переполненном гостями холле замка, они все-таки получили возможность поговорить без свидетелей. Оглядевшись по сторонам и убедившись, что на них никто не обращает внимания, Пьетро умоляющим голосом попросил объяснить, что изменилось в их отношениях и почему она избегает его.

Лукреция рассказала о ревности своего супруга, о подозрениях Ипполита, не перестававшего следить за ней.

— Где же мы сможем быть вдвоем? — вздрогнул он.

— Во всяком случае, не в Ферраре... это уж точно.

— Тогда приезжайте в Меделану, в Остеллато.

— Все не так просто, дорогой Пьетро, — грустно ответила она. — Я ведь и вправду стала герцогиней Феррарской. Альфонсо нужен наследник. Неужели вы не понимаете, что я обязана родить этого мальчика — а Феррара и весь мир должны будут знать, что он не может быть никем иным, как только сыном Альфонсо.

— Но если мы не можем встречаться здесь, а вы не можете покинуть Феррару, то где же мы будем встречаться?

— Ах, Пьетро, Пьетро. — Она покачала головой. — Вы так ничего и не поняли.

— Вы хотите сказать, это... конец?

— Конец наших свиданий, дорогой мой Пьетро. Я всегда буду любить вас. Всегда буду думать о вас. Но мы больше не должны встречаться: если нас хоть раз застанут вдвоем, то я не знаю, что тогда случится с вами и со мной. Наша любовь останется такой же прекрасной, какой была. Слишком прекрасной для нашей повседневной жизни.

Он смотрел на нее широко раскрытыми глазами. Его губы дрожали.

Да, слишком прекрасной, подумала она. И слишком хрупкой.

ГЛАВА 9 ФРАНЧЕСКО

Разговаривая с Пьетро, Лукреция уже знала, что ждет ребенка. Первые месяцы беременности прошли гладко, но весной в Ферраре разразилась эпидемия чумы, и тогда было решено отправить ее в сравнительно безопасную Модену. В Модену она приехала, когда там свиреп-

ствовали чума и голод. Поэтому Лукреция с прислугой вскоре перебралась в небольшой городок Реджо, еще более отдаленный от Феррары.

Здесь-то в один из жарких сентябрьских дней Лукреция и родила ребенка. Она назвала его Александром — верила, что он принесет ей счастье, примирит с потерей отца.

Но мальчик был совсем крошечным. Он не плакал; почти не двигался; не тянулся к груди. Что-то с ним было не так — здоровые дети должны плакать, сучить ножками и просить молока, когда проголодаются.

Она с нетерпением ожидала хоть какой-нибудь весточки от Альфонсо, но находила утешение только в письмах Пьетро и Франческо.

И однажды утром, когда Александру не исполнилось и четырех недель, Лукреция проснулась с предчувствием случившейся катастрофы. Она уже знала, что ее ребенок мертв.

Из меланхолии ее вывело письмо от Франческо Гонзага.

Он сочувствовал ее горю и выражал самые теплые чувства, которые питает к ней. Он постоянно думает об унылом захолустье, куда ее занесла судьба. Если она простит его бестактность, то он посоветует своей дорогой Лукреции переехать в другое место. Пусть все ее скорбные воспоминания останутся в Реджо, а сама она вернется в Феррару. Лучше всего отправится в путь на барке, где в ее нынешнем состоянии она будет чувствовать себя наиболее удобно. Это путешествие он предлагает ненадолго прервать в Боргофорте — небольшой крепости, расположенной в его владениях, на живописном берегу реки По. Тогда он сможет получить величайшее удовольствие от встречи с ней. Он будет ждать ее и заранее приготовит множество различных увеселений. Он всего лишь грубый солдат, и природа не наделила его даром поэтической речи, но он может занять ее внимание кое-чем, как ему кажется, не менее ценным. К

примеру, он знает, как она переживает из-за ареста своего брата. При встрече они бы обсудили это печальное событие. Кто знает, не сможет ли он — как солдат — найти какое-нибудь средство, способное облегчить страдания несчастного Чезаре. Со своей стороны он приложит все силы, чтобы добиться этого, поскольку знает, что муки брата неизбежно становятся ее собственными мучениями.

Это письмо она читала вновь и вновь, и всякий раз ловила себя на том, что улыбалась, сравнивая его безыскусный стиль с витиеватым красноречием Пьетро Бембо.

Но Франческо был прав. Только воин сейчас мог выручить ее брата. И только в помощи брату могла она найти забвение от собственного горя.

Пренебрежительное молчание Альфонсо — было ясно, что в смерти ребенка он обвинял супругу — глубоко задевало Лукрецию, а искреннее сочувствие этого галантного солдата утешало ее, отвлекало от мыслей об унижительном положении, в котором она очутилась.

Собрав прислугу, Лукреция сказала:

— Собирайтесь в дорогу. Больше я не могу здесь находиться. В Феррару мы вернемся на барке, а по пути сделаем остановку в Боргофорте.

В угрюмой крепости Боргофорте Франческо спешно создавал условия для приема женщины, которую собирался сделать своей любовницей.

Такого возбуждения он не испытывал со времени своей юности. Слишком уж отличалась Лукреция от всех остальных женщин. Эта смесь скрытых страстей, эта внешняя невозмутимость — как причудливо они сочетались в ней!

Неотразимое очарование Лукреции отчасти объяснялось и тем, что во всей Италии нельзя было найти женщину, столь непохожую на Изабеллу.

Покорная Лукреция... и властная Изабелла. Какой

контраст! Право, ему предстоит самое восхитительное любовное похождение в его жизни.

Говорят, еще недавно она была любовницей какого-то поэта. Так ли это? Могла ли у них быть физическая близость? Едва ли. Скорее, просто прогуливались по садовым аллеям, и он читал ей стихи, которые писал для нее; может быть, перекладывали эти стихи на музыку и пели дуэтом. Бывалому солдату такие развлечения просто смешны.

И все-таки он не отвергал возможность того романа. Он хотел сказать Лукреции: я могу дать вам все, что дал поэт, — и еще больше, чем он.

Он даже написал для нее венок сонетов. Правда, они не привели его в восторг. Но ему любые стихи — чьему бы перу ни принадлежали — казались одинаково глупой забавой. Каким же образом его сонеты могли быть глупее остальных?

Вот если бы ему удалось превратить эту жалкую крепость в какой-нибудь дворец! Увы, он не мог пригласить ее в Мантую — там была Изабелла, и она не дала бы им покоя. Маркиза позволяла ему иметь двух-трех любовниц, но связи с Лукрецией не допустила бы никогда в жизни.

Тем не менее эта любовная связь должна была наладиться, даже если начаться ей предстояло в убогой крепости на берегу По.

Опоры башен его слуги драпировали дорогими гобеленами. Прибывали музыканты. Прискакал гонец с письмом. Взглянув на бумагу, он нахмурился — послание было от Изабеллы.

До нее дошли сведения, писала маркиза, что ее супруг целиком поглощен переустройством крепости Боргофорте под замок, пригодный для приема каких-то своих друзей. Этим обстоятельством она удивлена, поскольку слышала о нем не от маркиза, а от посторонних людей. Не кажется ли ему, что было бы гораздо пристойней, если бы он сам посвятил ее в свои планы? И разве

не следовало бы супруге маркиза присутствовать на встрече с его друзьями?

Франческо впал в меланхолию. Он представил себе приезд Изабеллы, ее глумление над Лукрецией, наподобие того, которое позволяла себе во время свадьбы Альфонсо. Встречу в крепости он замыслил как предлог для соблазна. В его планах не было места для Изабеллы.

Но вдруг он оживился. Бывалый солдат в нем взял верх над почтительным супругом. Проклятая Изабелла! Она распоряжалась всей Мантуей, а он, как последний дурак, ни разу не перечил ей. Но здесь не Мантуя.

В порыве злости он написал супруге письмо, в котором сообщал, что не намерен приглашать ее в Боргофорте. Она лишь недавно оправилась от простуды и не в состоянии выдержать такую долгую поездку. Он не только отказывается звать ее сюда, он запрещает ей покидать стены их замка.

Отправив это послание, он обратил все помыслы к интерьеру будущих покоев Лукреции.

Позже Франческо одумался.

Немного порассудив, он был вынужден признать, что в глубине души боится супруги.

Вот почему он написал Изабелле второе письмо, которым уведомлял маркизу в том, что среди его гостей будет герцогиня Феррарская. Возвращаясь из Реджо, она сделает короткую остановку в Боргофорте. Со своей стороны он желает проявить любезность и пригласить ее в Мантую. Вне всяких сомнений, Альфонсо будет приятно, если его сестра сможет немного развлечь супругу.

Отдав это письмо посыльному, Франческо спросил себя, дурак он или нет. Если во время пребывания Лукреции в Боргофорте ему удастся осуществить свои намерения, то как это не бросится в глаза бдительной Изабелле?

Барка медленно приближалась к берегу полноводной По. Не отрывая взгляда от проступавших в тумане очертан-

ний ее черного корпуса, Франческо махнул музыкантам, и те заиграли нежную лирическую мелодию.

Вскоре Франческо различил золотоволосую Лукрецию, стоявшую на палубе в окружении нескольких женщин. На всех были яркие праздничные наряды. Когда барка причалила, он подошел к ее борту и помог Лукреции спуститься на берег. Сейчас она казалась еще более хрупкой, чем когда-либо. В печальном выражении лица было что-то по-детски трогательное.

Еще никогда и ни к кому Франческо не чувствовал такой жалости, смешанной с таким вожделением. Бедное дитя! — подумал он. Бедное, бедное дитя, как она настрадалась!

Он сразу понял, что ее пребывание в Боргофорте не будет сопряжено с таким весельем, какое входило в его планы. Следовательно, и любовницей она смогла бы стать не так скоро, как он предполагал. Но это было уже неважно. Имело значение только то, что он хотел, чтобы эта молодая красивая женщина снова начала радоваться жизни.

Сладкие звуки музыки показались ему и несвоевременными и неуместными на этом поросшем березами берегу, под стенами крепости.

Он сказал:

— Я слышал о вашей любви к музыке. И хотел бы сказать, что пока вы будете здесь, я постараюсь сделать все возможное, чтобы вы были счастливы.

Она подала ему руку и улыбнулась своей детской улыбкой.

— Отчасти вам это удалось сделать уже тогда, когда вы пригласили меня сюда.

Он провел ее в крепость. Она была поражена ее великолепным интерьером.

— Но вы немало потрудились здесь, — сказала она.

— Это не имеет значения, — ответил он.

— Как не имеет? Ведь это все — ради меня. Я знаю.

— Что ж, если мои усилия доставили вам хоть немно-

го удовольствия, то я не зря потратил их. Кстати, на вечер я устроил застолье. Мы с вами будем танцевать мазурку.

Она покачала головой.

— Слишком недавно я держала своего ребенка на руках.

— Это все в прошлом, — сказал он. — Скорбью тут ничего не изменишь. Попробуйте снова радоваться жизни. Прошу вас — тогда я был бы самым счастливым человеком на земле.

— Боюсь, я уже ничему не буду радоваться, как прежде.

— Это говорите не вы, а ваше горе. Жаль, что вы не можете забыть о нем. Но если вы не хотите танцев, то их не будет.

Они прошли в залу, стены которой были искусно украшены фресками, а из окон открывался вид на живописные окрестности крепости. Она несколько раз похвалила удачный выбор красок и орнамента, но он чувствовал, что ее мысли заняты ребенком, которого она потеряла.

Он не мог сделать ее своей любовницей — не мог даже говорить о своей любви, а мог только своими поступками показывать, как он заботится о ней. Ее защищала беззащитность перед ним.

Уединиться с ней в крепости было делом нелегким. Поговорить они могли только за столом, пока остальные гости танцевали.

— Вы не забыли? — сказал он. — Если вам понадобится моя помощь, я к вашим услугам.

— А почему вы думаете, что мне может понадобиться ваша помощь?

— Моя дорогая Лукреция, не так давно вам покровительствовали могущественнейшие силы. Но теперь вы остались одни.

Она опустила голову и закрыла глаза ладонью.

Меньше всего на свете он хотел ухудшать ее и без того невеселое настроение — и все-таки продолжил:

— Альфонсо хочет наследника... нуждается в наследнике.

— А я снова подвела его.

— Не изводите себя, не думайте об этом. Но помните: как только вам потребуется моя помощь, дайте мне знать об этом — и я, где бы ни находился, брошу все и примчусь к вам.

— Вы очень добры ко мне.

Он удовлетворенно кивнул.

— Обещаю, так будет всегда... всегда...

— А почему вы так добры ко мне? — спросила она. — Он не ответил, и она с некоторой неуверенностью добавила: — Ведь ваша супруга не старалась упростить мое пребывание в Ферраре.

Его глаза вспыхнули.

— Она была жестока с вами. Уже за одно это я мог бы ее возненавидеть.

— Возненавидеть Изабеллу?.. Вашу супругу?

— Вы не догадываетесь, почему?

У Лукреции учащенной забилося сердце: если этот мужчина хотел заставить ее вновь почувствовать вкус к жизни, то он был на верном пути. Она молчала — ждала ответа.

— Потому что я полюбил вас.

— О нет! Только не это!

— Увы, я был так глуп, что не сразу это понял. Вы помните нашу первую встречу? Помните, как заставили меня рассказывать о моих битвах? Тогда я считал вас ребенком... очаровательным ребенком.

— Прекрасно помню тот наш разговор.

— А потом вы стояли на балконе и смотрели, как я уезжал из Рима.

— Со мной был Джованни Сфорца... мой первый супруг.

Франческо кивнул.

— Он уже тогда распространял гнусную клевету о вас, и я ненавидел его. Хотя и не знал — почему.

— Вы мне казались величайшим воином Италии, и я

думала, вот если бы Джованни был похож на вас, я бы изменила свое отношение к нему.

— Лукреция...

— Вы меня неправильно поняли. Между нами не может быть никакой любовной связи.

— Но она между нами уже существует.

Она улыбнулась и покачала головой.

— Разве я не сказал, что люблю вас?

— Это слова любезности.

— Я сказал их от чистого сердца.

— Тогда что они значат? Дорогой маркиз, любовь хороша, когда в ней есть взаимность.

— Взаимность будет. Будет! — убежденно воскликнул он.

Она лишь вновь покачала головой.

— Я докажу вам силу моей любви, — сказал Франческо.

— Прошу вас, не надо. Знаете ли вы, что любившие меня всегда становились несчастны?

— Альфонсо...

— Альфонсо меня не любит. — Она с улыбкой повернулась к нему. — Я вам благодарна за ваше расположение ко мне. Вы понимаете, как тяжело у меня на сердце. Понимаете и пытаетесь снять частицу выпавшего ему бремени. Вы и вправду очень любезны. Я никогда не забуду ваших добрых слов.

— Вы не верите, что я на самом деле люблю вас, а моя любовь больше, чем все, что вы знали до сих пор! Не думайте, что поэт, которого судьба наделила даром красноречия, может в любви сравниться с солдатом! Мои стихи вызовут у вас улыбку — или вызвали бы, если бы не ваше чуткое сердце, — но любовь состоит не в том, чтобы водить пером по бумаге и писать в рифму. Я поступками докажу, что люблю вас. У вас есть брат, страдания которого причиняют вам много боли. — Она сложила ладони и замерла в ожидании, а он улыбнулся — подумал, что нашел верную дорогу к ее сердцу. — А я обладаю кое-

каким влиянием — как в этой стране, так и в Испании. Если я пошлю доверенного человека ко двору испанского короля, а этот человек передаст мою просьбу об освобождении вашего брата, то мои хлопоты не останутся без внимания? Что вы тогда скажете, Лукреция?

— Скажу, что вы самый любезный мужчина во всей Италии.

— И все?

— Может быть, я смогу полюбить того, кто окажет мне такую важную услугу.

— Вижу, вы по-настоящему любите своего брата.

— Мы вместе выросли. И семейные узы всегда очень много значили для нас.

— Мне говорили об этом. Я думаю, Лукреция, — серьезно добавил он, — вы не будете счастливы до тех пор, пока ваш брат находится в плену.

— Мы с ним — как одно целое, — сказала она. — Если он в плену, то и я там же.

— В плену ваших эмоций, Лукреция, — тихо произнес он. — В вашей жизни встретится человек, который будет значить для вас даже больше, чем брат. И этим человеком стану я.

— Вы забываете об Изабелле, — сказала она. — О ней и об Альфонсо.

— Я ни о чем не забываю, — ответил он. — В свое время вы убедитесь в этом. Завтра я отправляю посла в Испанию.

— Как я смогу отблагодарить вас?

— Никакой формальной благодарности от вас не потребуется, — сказал он. — Позже вы поймете, что вся моя жизнь принадлежит вам. И за это...

— Да, — спросила она. — Что за это?

— За это вы полюбите меня.

В Мантуе Изабелла ждала приезда своей невестки. Изабеллу терзали подозрения. Почему Франческо вдруг осмелел настолько, что запретил ей приехать на несколько

дней в Боргофорте? Каких гостей он там принимал? Каких? Лукрецию и ее жалких служанок! Все эти приготовления, вся эта шумиха — из-за развратной Борджа!

Да, Изабеллу одолевали самые неприятные подозрения.

В тот день служанки не знали, куда спрятаться от ее гнева, по малейшему поводу обрушивавшегося на них. Она трижды сменила платье, прежде чем удовлетворилась своей внешностью.

Оглядев себя, она пришла к заключению, что ее наряду нет равных во всей Италии. Борджа, в своем золоте и иссиня-черном морелло, рядом с ней будет выглядеть простоватой девушкой из провинции. Маркиза — сама стройность, сама тонкость, сказала ее служанка. В ответ Изабелла отвесила ей оплеуху.

— По-твоему, я дура, да? — взбеленилась она. — Думаешь, я ослепла? Это Борджа — тощая, как козявка. А у меня фигура — не хуже, чем у любой другой итальянки.

Чем больше Изабелла укреплялась в таком мнении, тем сильнее ей хотелось доказать свое превосходство над Лукрецией. Она повторяла танцевальные па и песни, которые разучивала перед свадьбой Альфонсо. Она прошла в картинную галерею и осталась довольна собранными там произведениями искусства. Эта дерзкая выскочка никогда не видела таких сокровищ — даже в своем Ватикане. Ее распутный папочка коллекционировал разве что женщин — и, уж во всяком случае, не художественные ценности.

Но одна мысль все-таки не давала покоя Изабелле. Как посмел ее супруг уделять столько внимания той, которую она считала своим врагом?

Изабелла вызвала к себе двух женщин, считавшихся любовницами Франческо. Обе соответствовали ее представлениям о красоте и обаянии. Да и как же иначе, если она сама выбрала их для любовных походов своего супруга? Разумеется, Франческо об этом не знал, зато она прекрасно изучила его характер и понимала, что

чем больше он будет развлекаться на стороне, тем меньше станет вмешиваться в управление Мантуей. Он был весьма совестливым мужчиной, а она была очень властной женщиной и свою власть — только ее одну! — не желала делить ни с кем. Следовательно, Изабелла не могла допустить, чтобы Франческо выбирал себе любовниц без ее ведома.

— Мы докажем этой герцогине Феррарской, что наши пиршества ни в чем не уступают ватиканским, — сказала она. — А вы обе оденетесь в новые платья. На шитье уже нет времени, поэтому я подберу вам что-нибудь из своего гардероба.

Женщины обрадовались. Они догадались о намерениях маркизы. Она поняла, что в своих планах могла положиться на них.

Лукрецию она встретила поцелуем Иуды.

— Как приятно видеть вас моей гостьей! — выпустив ее из объятий, воскликнула Изабелла.

Лукреция улыбнулась — по-детски, простодушно. Держалась она скромно, но с достоинством. Ее черное с золотыми оборками платье шло ее худенькой фигурке даже больше, чем прежние яркие наряды. Несмотря на все свои несчастья, она все еще казалась хрупкой и очаровательной девочкой.

— Ну, добро пожаловать, — пропустив ее в ворота замка, сказала Изабелла. — Мне не терпится показать вам свои сокровища. Надеюсь, мой супруг не слишком утомил вас в этом унылом Боргофорте?

В ее голосе прозвучали насмешливые интонации, но в глазах мелькнула плохо скрытая ненависть.

Лукреция ответила:

— Маркиз и его друзья старались быть гостеприимными. Боюсь, это я разочаровала их своим настроением.

— Полагаю, им удалось немного поднять его.

— В трудную минуту дружеское сочувствие всегда утешает нас, маркиза.

— Альфонсо не совсем доволен вашим визитом к моему супругу. У вас ревнивый муж, Лукреция.

— У него нет никаких оснований для ревности.

Изабелла расхохоталась.

— Герцогиня устала после долгой дороги, — напомнил Франческо. — Она еще не оправилась после родов.

— Простите меня, я немного забылась, — сказала Изабелла. — Проходите, пожалуйста, в покои. Нас ждет застолье, а потом я покажу вам свою коллекцию картин и статуэток. Клянусь, вы нигде не видели лучшей коллекции, чем у меня. Я очень горжусь ею.

Изабелла ни на шаг не отпускала ее от себя. Ей было ясно, что Франческо либо уже сделал, либо намеревался сделать Лукрецию своей любовницей. А та, при всей своей невинной внешности, была способна на многое. Она принадлежала к семье Борджа, а потому не стала бы тянуть с очередной изменой Альфонсо — хотя бы ради того, чтобы досадить Изабелле.

Невозмутимость Лукреции выводила ее из себя. Уж не смеялась ли над ней эта бесстыжая девчонка? Не хотела ли отомстить за то, что происходило на ее свадьбе?

После обильного застолья она взяла Лукрецию под руку и повела в картинную галерею. Коллекционирование шедевров искусства было страстью Изабеллы — второй после жажды власти. Когда она остановилась перед картиной «Триумф Юлия Цезаря», принадлежавшей кисти знаменитого Андреа Монтеньи, на глазах маркизы выступили слезы.

Лукреция тоже застыла в восхищении. На какое-то мгновение их плечи соприкоснулись.

— По-моему, это одна из самых чудесных картин во всей Италии, — сказала Лукреция.

Изабелла кивнула.

— Андреа написал ее для меня, когда Франческо стал маркизом Мантуанским.

Она отодвинулась от Лукреции — снова стала самой собой. «Написал для меня». Для нее — надменной и

властной, безраздельно распоряжающейся всем содержимым ее замка, включая Франческо.

В галерее было немало замечательных произведений искусства. Изабелла показала невестке полотна Коста и Перуджино; редчайшие книги, привезенные сюда со всей Европы; золотые и серебряные орнаменты, сверкавшие дорогими камнями. Затем она повела гостью в небольшой грот, и там, среди великолепнейших, изысканнейших скульптурных работ Лукреция увидела то, что, вероятно, было венцом всей коллекции.

Спящего Купидона Лукреция узнала с первого взгляда. Чезаре описывал ей это творение великого Микеланджело. Рассказал он и о том, как оно досталось Изабелле. Вот почему, не сводя глаз со статуэтки, Лукреция думала об алчности и жестокости своей золовки. Если Изабелла была так безжалостна с друзьями, то что могло ждать ее врагов?

Осмотр коллекции на этом и закончился, но оставалось еще одно сокровище, которое Изабелла собиралась показать ей в недалеком будущем, — юный наследник Мантуи, слывший одним из самых красивых мальчиков Италии. Она правильно рассудила, что встреча с Федерико расстроит женщину, не так давно потерявшую единственного наследника ее супруга.

Галерею они покинули вместе с Франческо и двумя женщинами, одетыми в пышные платья из гардероба маркизы. Одну из них — ту, что была моложе — Изабелла вечером послала в спальню супруга, но та вернулась ни с чем. Франческо ее выгнал, велел больше не попадаться на глаза. По следам первой любовницы Изабелла направила вторую, но и вторая попытка не принесла успеха.

У дверей в спальню Лукреции была поставлена стража. Изабелла не могла допустить, чтобы кто-то нарушил ночной покой ее гостьи. Таким образом, на время всего визита Лукреции в замке воцарилась напряженная атмосфера, и через два дня она выехала в Феррару, ос-

тавив у себя за спиной огорченного, неудовлетворенного любовника и его глубоко уязвленную, мечтающую о возмездии супругу.

В Ферраре Лукрецию ждали мрачные перемены. Во время ее отсутствия Ипполит и Ферранте не переставали бороться за влияние на нового герцога Феррарского. Амбиции были велики у обоих, но только Ипполит мог решиться на поступок, который он совершил незадолго до приезда Лукреции. Подкупив нескольких горожан, молодой кардинал обвинил брата в заговоре против Альфонсо. Тот не поверил. Тогда Ипполит заявил, что в том же заговоре участвовал и еще один человек — Юлий, незаконнорожденный сын герцога Эркулёя. Юлий, счастливый соперник Ипполита, состоял в любовной связи с Анджелой Борджа, и в недалеком будущем у них должен был родиться ребенок. У Альфонсо и Лукреции детей все еще не было, а это значило, что при удачном стечении обстоятельств сын Анджелы когда-нибудь мог стать наследником Феррары.

Вспылив, Альфонсо приговорил к смерти и Юлия, и Ферранте. Позже — как раз перед самым возвращением Лукреции — этот приговор был заменен пожизненным заточением в одной из башен феррарского замка.

ГЛАВА 10 **ПОВЕРЖЕННЫЙ БЫК**

Заточенный в самую высокую башню крепости Медина дель Кампо, Чезаре метался из угла в угол и не находил места от ярости.

— Я не вынесу такой жизни! — хватая себя за горло, хрипел он. — Как такое могло случиться со мной... с Чезаре Борджа! Что такого я сделал, чтобы со мной так обращались!

Стражники трепетали перед ним. Они могли бы сказать, что сам он сажал в тюрьму многих и многих при- суждал к гораздо более тяжелым страданиям, чем выпав-

шие ему. Однако заговорить с ним не смел никто, даже если молчание стражников злило его больше, чем любые слова, которые могли бы прозвучать за дверью его камеры.

На самом деле в предыдущей крепости с ним обращались совсем не плохо. Представительных узников в Испании уважали. У него были свои капеллан и прислуга; ему не запрещались свидания с посетителями и посетительницами из внешнего мира.

Но не таким человеком был Чезаре Борджа, чтобы смириться с подобной судьбой.

Порой им овладевала безумная ярость, и тогда никто не знал, что он сделает в следующий момент. Так однажды Чезаре схватил надзирателя и попытался выбросить с верхнего этажа башни. Он был истощен болезнью, но злоба всегда придавала ему силы, и надзирателя удалось спасти лишь общими усилиями остальных стражников.

В результате Чезаре переместили в самую высокую башню крепости Медина дель Кампо.

Из узкого оконца его камеры открывался вид на долину, расстилающуюся далеко внизу. Иногда он по многу часов всматривался в нее, мечтая о свободе и проклиная свою горькую участь.

Затем он обычно начинал стучать в дверь камеры и требовать бумагу и писчие принадлежности.

— Лукреция! — кричал он. — На всем белом свете у меня не осталось ни одного друга, кроме тебя! Но чем ты мне можешь помочь? Ты почти такой же узник, как и я! Кто бы мог подумать, какой злой рок поджидает нас, Борджа!

Бывало, он впадал в меланхолию, и тогда никто не осмеливался приближаться к нему.

Впрочем, случались и проблески надежды. Ему доводилось слышать, что король Фердинанд постоянно проявлял недовольство своим неаполитанским наместником, которого считал человеком, предавшим интересы Испа-

нии. В конце концов у Фердинанда созрел план. Он хотел освободить Чезаре, дать ему войско и послать в поход против взбунтовавшегося Кордобы. Кордоба передал Чезаре в руки испанцев, и Фердинанд полагал, что узник крепости Медина дель Кампо сумеет свести счеты с неаполитанским наместником.

Так говорили надзиратели. Чезаре иногда верил им, а иногда отчаивался во всех своих надеждах и упованиях — в такие минуты он вставал у оконца камеры, и все думали, что он сейчас выбросится наружу.

Граф Бенавенте, живший неподалеку от крепости и из любопытства заходящий к Чезаре, не мог не заметить в нем этих осуждаемых церковью порывов. Однажды он спросил:

— Мой друг, уж не собираетесь ли вы совершить самоубийство?

Чезаре ответил:

— Не вижу другого пути вырваться из этих невыносимых условий.

— Если вы разобьетесь, то не сможете воспользоваться теми выгодами, которые вам сулит побег из этой тюрьмы, — заметил Бенавенте. — Почему бы вам не спуститься по канату?

— Ко мне допускают посетителей, — сказал Чезаре. — И даже обращаются не так плохо, как с другими. Но канат надзиратели едва ли дадут в мое распоряжение.

— Попробуйте обмануть их, — предложил Бенавенте.

Через некоторое время Чезаре вспомнил о его совете. Воспрянув духом, он привлек к делу своего капеллана и слугу Гарсию. Те стали приносить в камеру небольшие куски веревки, а Чезаре связывал их в канат, который прятал под матрацем.

Однажды, испугавшись подозрительных взглядов тюремщиков, они решили, что откладывать больше нельзя. Побег был назначен на ближайшую темную ночь.

Гарсия спустился первым и к своему ужасу увидел, что канат был слишком короток, чтобы прыжок на зем-

лю мог оказаться безопасным. Однако выбора уже не оставалось. Он разжал руки и полетел вниз. Через несколько мгновений послышался удар о что-то твердое, а затем — сдавленный стон. При падении Гарсия сломал ногу. Чезаре понял, что случилось, но намерений не изменил. Он тоже спустился до конца каната и прыгнул. Ему повезло еще меньше, чем Гарсии. У него оказались сломааны обе ноги, оба запястья и пальцы на руках.

Воя от боли и проклиная свое вечное невезение, он скорчился на земле. Однако довольно скоро к нему подбежали слуги Бенаvente — тот был предупрежден о побеге — и, увидев его состояние, взвалили на спину стоявшей неподалеку лошади.

Чезаре потерял сознание, но обрел свободу. Что касается Гарсии, то его спасти было уже некогда — в крепости слышали их крики и подняли тревогу.

Гарсию схватили и через некоторое время казнили, а истекающего кровью Чезаре Бенаvente отвез в Виллалон, где ему вправили вывихи и наложили шины на переломы. Немного оправившись, он решил укрыться в Наварре. Там правил его шурин.

Лукреция не переставала думать о своем брате.

Времена были тревожные. Юлий оказался не менее воинственным Папой, чем Александр, — продолжая политику своего предшественника, он делал все возможное для укрепления власти Ватикана во всех королевствах и герцогствах Италии.

Он вступил в альянс со старым Орсини, выдав за его племянника Джиаана Джордано свою дочь Феличе делла Ровере; своего племянника Никола делла Ровере женил на Лауре, дочери самого Орсино Орсини и его прекрасной супруги Джулии. Поговаривали, что на самом деле Лаура была дочерью Александра, но Юлий не придавал значения слухам.

Заклучив мир с семьями Орсини и Колонна, он почувствовал себя увереннее и стал готовиться к военным походам против двух других знатных родов — Бальони,

владевших Перуджией, и Бентивольо, которым принадлежала Болонья.

Бентивольо давно поддерживали дружественные отношения с семьей Эсте, но Феррару вынудили стать союзницей Ватикана. Кроме того, Ипполит находился в зависимости от Папы, а Папа не упускал случая, чтобы показать свое недовольство щеголеватым кардиналам, еще при Александре принятым в Священную Коллегию.

Вот почему в Ферраре опасались, что после походов в Перуджию и Болонью Папа обратит внимание и на семью Эсте.

Лукреция была готова к любым неприятностям. Ее давняя подруга Джулия Фарнезе часто писала ей и рассказывала о неуживчивом характере Юлия. Впрочем, по тону ее писем можно было догадаться, что она довольна браком своей дочери и племянника нового Папы.

От Санчи, другой давней подруги Лукреции, письма уже не приходили. Та умерла в самом расцвете своей красоты и молодости. Неаполитанский наместник Консальво де Кордоба горько оплакивал ее скоропостижную смерть.

И вот, в такое-то тяжелое, непредсказуемое время, в Феррару прискакал гонец с известием о побеге Цезаре.

Лукреция приняла его в своих апартаментах и заставила несколько раз повторить сообщение о том, что ее брат свободен, здоров и собирается отвоевать все утраченные владения.

Затем она крепко обняла и поцеловала этого юношу.

— Ты не пожалеешь о том, что принес мне такую радостную новость, — сказала она.

А вскоре у Лукреции появилась и другая причина для ликования. В Феррару прибывал гость, и в его честь уже был назначен бал.

Она сама удивлялась тому, что могла так радоваться этому событию. Слишком уж часто ее взгляд останавливался на башне, в которой заточили двоих молодых людей. Слишком уж часто на ее глазах выступали слезы

при мысли о несчастной судьбе Юлия, вся вина которого заключалась лишь в том, что он любил молодую красивую девушку и их любовь была взаимна. Она упростила Альфонсо, и братьев поместили в одну камеру. Однако посетителей к ним все равно не пускали. Туда ходил только один сторож, носивший им еду и одежду, все остальные уже сейчас могли считать их мертвыми.

— Почему ты так обращаешься с ними? — спрашивала Лукреция. — Неужели ты не понимаешь, что Ипполит оклеветал их?

Обычно Альфонсо отмалчивался, но однажды холодно посмотрел на нее и сказал:

— Я был бы благодарен тебе, если бы ты занималась своими делами, а в мои не лезла.

— Полагаю, твои проблемы в какой-то степени касаются и меня, — вспыхнула Лукреция. — Как-никак я твоя супруга.

— Я бы попросил тебя почаще вспоминать об этом, — ледяным тоном произнес Альфонсо. — А главное, не забывать, что обязанности супруги состоят в рождении и воспитании детей для мужа. В этом отношении ты еще не доказала свои супружеские качества.

Ей нечем было возразить ему — как и всегда, когда он упрекал ее в неспособности родить наследника.

Впрочем, через несколько недель она снова забеременела, и Альфонсо немного потеплел к ней.

Но к этому времени Лукреция уже не думала о двух молодых узниках, заточенных в башне ее замка. Она ждала ребенка и молилась о том, чтобы на сей раз не разочаровать Альфонсо. Кроме того, скоро должен был состояться бал в честь гостя, который — тут она не сомневалась — предпринял поездку в Феррару исключительно ради того, чтобы повидаться с ней. В замке готовились принимать Франческо Гонзага.

На ней были золотые парча и бархат; в подобранных волосах сверкали крупные бриллианты.

Эркуль Строчи шепнул ей, что никогда не видел ее

такой прекрасной, как в этот вечер. Она благодарно взглянула на него и потупилась. Его общество всегда напоминало ей о другом поэте — Пьетро Бембо.

Франческо, почетный гость бала, взял ее за руку и повел на танец. Выражение его лица было торжественным, глаза сияли.

— Мы с вами как будто сто лет не виделись, — выдохнул он. — Помните ваш визит в Мантую? Лукреция, дорогая, скажите, Изабелла тогда очень расстроила вас?

Лукреция улыбнулась.

— Нет, — ответила она. — Тогда меня ничто не могло расстроить. А вы были очень гостеприимны.

— Я хотел защитить вас от нее, не дать в обиду. Она вас ненавидит, потому что я — люблю.

— Она ненавидела меня еще тогда, когда вы толком и не ведали о моем существовании.

— Я не забывал о вас со времени нашей первой встречи. А теперь между нами уже никто не встанет. Ни Альфонсо, ни вся Феррара. Ни даже Изабелла со всей ее злобой.

— Франческо, мы не сможем стать любовниками, — сказала она. — Это и в самом деле невозможно.

— Моей любви все под силу! На свете нет такой преграды.

— Франческо, если мы не будем танцевать, на нас обратят внимание, — перебила она. — Во всем зале только мы одни стоим на месте.

— Пусть все знают, что я люблю вас. Пусть знают — и завидуют.

— У меня есть враги, — сказала она. — Вон Альфонсо смотрит на нас.

— Черт бы побрал вашего Альфонсо, — пробормотал Франческо.

В этот вечер Лукреция танцевала с такой грацией и изяществом, что и сам Александр, всегда любивший наблюдать за нею на балах, не мог бы не восхититься отточенными и уверенными движениями своей дочери.

Многие гости не сводили с нее глаз, когда она кружилась по залу.

Казалось, ею владело вдохновение. Она сияла счастьем — была такой, какой ее привыкли видеть отец и брат. Все удивлялись ее жизнерадостному настроению.

«Мадонну Лукрецию сегодня как будто подменили. Она никогда не была такой счастливой», — говорили друг другу гости. Они прикрывались веерами и похихикивали. Что если это ее кавалер так волшебным образом подействовал на нее? Франческо Гонзага был не из красавцев, но все знали о том неизменном успехе, которым он пользовался у женщин.

— Где мы сможем встретиться... наедине? — попытался он.

— Нигде, — ответила она. — Нам этого никогда не позволят. За мной все время следит мой супруг, да и доносчики Изабеллы, я думаю, сейчас не дремлют.

— Лукреция, несмотря ни на что мы должны встретиться.

Некоторое время она молчала.

— Надо будет разработать какой-нибудь план, — наконец сказала она.

Танцуя с Франческо, Лукреция не забывала и еще об одном их общем деле — о помощи ее брату Чезаре. Кто же, как не маркиз Мантуанский, главнокомандующий папской армии, мог оказать ему нужную поддержку?

— Вы знаете о побеге моего брата? — спросила она.

Он кивнул.

— Я глубоко огорчен тем, что его освобождению способствовал не я, а кто-то другой.

— Не оправдывайтесь, Франческо. Все знают, как вы хлопотали перед королем Испании.

— Я всегда буду служить вашим интересам.

Она крепче сжала его руку, и они вновь закружились в танце.

Бал продолжался до самого утра. Все это время Франческо не отходил от Лукреции. Уже рассвело, когда

служанки уговорили ее подняться в спальню и лечь в постель.

Проснулась она от боли, пронзившей все ее тело.

На ее крик прибежали испуганные служанки.

— Мне плохо, — простонала она. — Кажется, я умираю... умираю!

Женщины тревожно переглянулись. Они поняли, в чем дело.

Срочно привели лекаря — тот утрюмо кивнул. В апартаментах чуть слышно зашептались.

— Только сумасшедшая могла так долго танцевать на этом проклятом балу. В ее-то положении! Неудивительно, если она лишится наследника Феррары.

Дверь распахнулась, и в апартаменты ворвался Альфонсо. Он был в ярости.

— Итак, ты потеряла еще одного моего сына! — закричал он. — Какая же к черту из тебя супруга, скажи на милость! Танцевать до утра и ни разу не вспомнить о наследнике! Нужна ли ты мне после этого?

Уставшая от боли, она с мольбой посмотрела на него.

— Альфонсо... прошу тебя...

— Прошу... прошу!.. Клянусь тебе, если ты не будешь исполнять своих обязанностей, то и впрямь станешь нищей попрошайкой. Вот уже в третий раз мы лишились ребенка! Вместо того чтобы свято соблюдать свой супружеский долг, ты приносишь в Феррару фривольные римские нравы. Предупреждаю тебя, я этого не потерплю!

Лукреция промолчала, и ее жалкий вид еще больше взбесил Альфонсо. Ему требовалась не такая хрупкая недотрога, а здоровая, сильная и страстная женщина — самка, способная рожать и рожать детей.

Он знал, какие опасности грозили государствам, у которых не было наследников. Ипполит уже доставил ему неприятности: в башне замка содержались два узника. Наследник был необходим. Вывод напрашивался сам

собой: либо Лукреция перестанет разочаровывать его, либо он найдет себе другую супругу.

— Вы будете рожать мне детей или нет? — закричал он.

Вновь не дождавшись ответа, он повернулся и широкими шагами вышел из комнаты. Хлопнула дверь. Лукреция откинулась на подушки и задрожала.

После выкидыша Лукреция оправилась довольно быстро. Слишком многое сейчас давало ей силы и побуждало наслаждаться жизнью. Во-первых, Чезаре был на свободе. Она всегда верила в его счастливую судьбу и теперь не сомневалась, что рано или поздно он достигнет всего, к чему так упорно стремился.

Во-вторых, и это главное, Феррару еще раз проездом посетил Франческо Гонзага. Вместе с ним приехали несколько молодых кардиналов из свиты Юлия, который ненадолго поселился в соседней Болонье. Их общество напомнило Лукреции о радостных и счастливых днях, проведенных в Риме. Никогда еще в Ферраре ей не было так весело, как сейчас. Она воспрянула духом и забыла об угрозах Альфонсо.

В апартаменты Лукреции снова стал заходить Эркуль Строцци. Альфонсо не ревновал к нему супругу. Посмеиваясь над хромоногим поэтом, он сознавал свою финансовую зависимость от его отца — настолько, что в иных поступках начинал походить на покойного герцога Эркуля д'Эсте — и сквозь пальцы смотрел на их встречи, разговоры и прогулки.

Альфонсо не знал о той роли, которую Эркуль Строцци сыграл в романе Лукреции и Пьетро Бембо. Не вспомнил он и о том, что семья Строцци поддерживала приятельские отношения с маркизом Мантуанским.

А между тем именно в доме Эркуля Строцци и проходили те встречи Лукреции и Франческо, о которых они договаривались на балу в замке Альфонсо.

Была ночь. Войско Чезаре стояло лагерем возле замка Виана.

Сам он сидел у полога своей палатки и устало смот-

рел на звездное небо. Недавно у него появилось отчетливое понимание того, что все его мечты так и останутся мечтами, что в своей жизни он совершил слишком много опрометчивых поступков и ни разу не заглянул правде в глаза, чем в худшую сторону отличался от великого Александра Борджа.

В своем небольшом лагере, во главе своего небольшого войска, ведущего эту небольшую войну, он чувствовал себя ничтожеством — никому не нужным и брошенным на произвол судьбы.

Он, Чезаре Борджа, впервые увидел себя таким, каким и был на самом деле.

Он предложил свои услуги шурина, королю Наварры, и вот ему дали поручение: взять приступом замок Виана и покарать изменника Луи де Бомона. Если бы он доказал, что все еще был тем самым Чезаре Борджа, который при жизни своего отца внушал ужас всей Италии и многим за ее пределами, то ему оказали бы поддержку, чтобы он отвоевал утерянные им владения.

Но какую пользу это ему сулило? Тут следовало смотреть правде в глаза. Кем сейчас стали некогда всемогущие Борджа? Кому было дело до их гордого герба с изображением Пасущегося Быка? Александр, самый удачливый из людей, умер в зените славы и власти. Но не унес ли он с собой всю силу семьи Борджа?

Супруга Чезаре, Шарлотта д'Альбре, не сделала ничего, чтобы помочь ему. Зачем? До сих пор он и не вспоминал о ней. Он сбежал от короля Испании, но король Франции тоже был его врагом. Чем могли обернуться его приятельские отношения с шурином? На этот счет он не питал никаких иллюзий. Стоило королю Франции потребовать его выдачи — и король Наварры не отказал бы своему монарху.

Прежние друзья давно бросили его. На всем белом свете оставался только один человек, которому он мог

доверять, — этот человек отдал бы ради него даже жизнь и этим человеком была его сестра Лукреция.

Но что толку от Лукреции? Ее силы иссякли, так же как и его силы. Они были слишком крепко связаны друг с другом, все его беды всегда становились и ее несчастьями. Да, Лукреция отдала бы за него жизнь, но больше ей уже нечего было отдавать.

— Лукреция, маленькая, — глядя на звезды, прошептал он. — Какие великие мечты были у нас в детстве — разве нет? И еще более великие, когда наш отец правил Ватиканом. Мечты, дорогая моя, всего лишь мечты. Я только сейчас это понял. Никогда мечты не становятся реальностью. Никогда.

Внезапно в лагере поднялся переполох. Какой-то солдат заметил, что под покровом темноты враг открыл ворота и опустил мосты замка.

— По коням! — крикнул Чезаре и первым вскочил в седло.

Он увидел большую группу всадников, на всем скаку мчавшихся к замку. А по мосту им навстречу выезжали другие. Чезаре крикнул «За мной!» и бросился наперерез отряду, спешившему на подмогу осажденным.

Врезавшись в неприятельский строй, он начал рубить налево и направо. Он кричал во все горло, и его крик был победным криком, но он знал, что слишком далеко оторвался от своих, что оказался один, окруженный врагами.

Он хохотал. Его удары были молниеносны и беспощадны, и он понимал, что только так может отомстить за все свои неудачи.

На него наседали со всех сторон. Сраженный чьей-то пикой, он упал на землю и какое-то время еще продолжал смеяться своим демоническим смехом. К нему, истекающему кровью, подошел Луи де Бомон — тот хотел посмотреть на человека, так нетерпеливо желавшего встретить свою смерть.

Затем над ним склонились солдаты и начали снимать с него дорогие доспехи и украшения.

Закончив эту работу, они оставили его обнаженное тело на съедение хищным птицам. Так не стало тридцатилетнего герцога Романьи и Валентинуа, страшного и кровожадного Валентино.

Лукреция отдыхала в своих апартаментах и мечтала о будущих свиданиях с Франческо, как вдруг за окном послышался стук лошадиных копыт. Во двор замка проскакал запыленный всадник.

Лукреция не обратила на него внимания, а новость ей сообщил монах Рафаэль, часто бывавший при дворе.

Он подошел к ней и положил руки на ее плечи. Затем благословил.

— Вашего торжественного вида можно испугаться, — улыбнулась Лукреция.

— Прошу вас, приготовьтесь к трагическому известию, — сказал он.

Лукреция напряглась.

— Валентино пал в бою.

Она не произнесла ни звука, а только недоверчиво уставилась на него. Она отказывалась верить услышанному.

— Это правда, дочь моя, — сказал монах.

Она вздрогнула.

— Это ложь... ложь! — воскликнула она.

— Нет. Это правда. Он доблестно погиб на поле боя.

— Чезаре не мог погибнуть. Все, кто угодно, но только не он. В бою ему нет равных!

— Желаете ли вы, чтобы я помолился вместе с вами? Мы будем просить Господа послать вам мужество, которое поможет вам вынести это горе.

— Молитвы? Я не желаю никаких молитв! Это какая-то ошибка! Мой брат не мог погибнуть. Если хотите, можете поехать в Наварру, и там вам скажут правду. Чезаре жив. Я это знаю.

Монах печально посмотрел на нее и покачал головой.

Он подвел ее к постели и подал знак служанкам. Она оставалась безучастной до тех пор, пока они не прикоснулись к ней. Затем оттолкнула их.

Бросив умоляющий взгляд на монаха, она закрыла лицо руками. Они услышали ее невнятный шепот:

— Чезаре... брат мой! Брат мой... Чезаре! Это невозможно. Все, кто угодно, но только не Чезаре.

Она махнула им рукой, прося оставить ее в одиночестве. Выходя из комнаты, они слышали ее бормотание:

— Мой отец... Джованни... мой первый Альфонсо... все, все, кто угодно... но только не Чезаре.

Через час служанки вновь пришли к ней и застали ее сидящей в том же положении и по-прежнему причитающей. Они попробовали уложить ее на подушки, но Лукреция не слушала их. Она отказалась от пищи и только поздно ночью позволила уложить себя в постель.

Строцци пытался ободрить ее.

Он говорил, что ей не следует поддаваться горю; что она молода и красива; что он понимает ее состояние, но знает, что много людей любят ее и глубоко сочувствуют ее несчастью — уже ради них ей нельзя так убиваться и губить свою красоту.

Он тайком носил ей письма от Франческо, которые тот пересылал через брата Строцци — Юлия, жившего в Мантуе. Франческо писал о своей любви; о том отчаянии, которое его охватило после известия о смерти Чезаре; о том, что гордится ее братом, показавшим пример воинской доблести, о котором еще долго будут вспоминать и итальянцы, и французы; снова об их любви и о том, как он дорожит своей единственной и ненаглядной Лукрецией. Вскоре она стала отвечать на его письма.

Затем Лукреция узнала, что беременна.

Альфонсо к этому известию отнесся без особого интереса. Слишком уж много раз он разочаровывался в ней. Единственная перемена в его поведении выразилась в

том, что теперь он перестал приходить в спальню супруги, все ночи он проводил с любовницами.

Она же решила во что бы то ни стало родить крепкого и здорового ребенка. Лукреция больше не танцевала и не ездила верхом; внимательно следила за своим рационом и часто выходила подышать свежим воздухом. По ее эскизам уже сделали чудесную колыбельку для будущего младенца, Эркуль Строцци помогал рисовать орнамент для нее.

В середине апреля у нее начались схватки. Во всем замке царила суматоха. Альфонсо тоже был возбужден, но отреагировал тем, что немедленно уехал за город. Он не мог вынести новой неудачи и не верил, что Лукреция подарит ему наследника, в котором он так нуждался.

Ребенок — мальчик — родился через несколько часов после его отъезда. Едва появившись на свет, он закричал и выглядел при этом таким крепким и славным, что ни у кого не возникло сомнений: этого малыша не постигнет участь его предшественников.

Услышав об успешных родах, Альфонсо галопом примчался в замок и сразу поднялся в апартаменты супруги. Взяв на руки ребенка, он засмеялся от удовольствия.

— Мы назовем его Эркулем, в честь моего отца, — сказал он. — Смотрите, какой он здоровый и сильный. Вот он, истинный наследник Феррары!

Об этом младенце ходили кое-какие слухи. Многие люди помнили о последнем визите маркиза Мантуанского в Феррару, и слуги Эркуля Строцци иной раз поговаривали о том, что в доме их хозяина Франческо Гонзага встречался с супругой герцога Феррарского.

Внешность маленького Эркуля порой вызывала недоумение горожан.

Разве такой нос у всех Эсте? — говорили они. Не слишком ли он широк? И не приплюснут ли он, как у одного из соседних маркизов?

Эти разговоры были одинаково известны и Альфон-

со, и Изабелле. А вскоре маркизе Мантуанской стало известно и о любовной переписке ее мужа с Лукрецией. Узнав о ней, Изабелла в первый раз в жизни заплакала, а потом написала Ипполиту, которого Альфонсо на какое-то время назначил регентом своего герцогства. Самого герцога в Ферраре тогда не было — он воевал с одним пограничным королевством, показывая себя умелым военачальником и с успехом применяя свои пушки.

Через несколько дней на одной из феррарских улиц нашли труп Эркюля Строцци.

В Ферраре Строцци был единственным другом Лукреции. Узнав о его смерти, она впала в отчаяние. Лукреция переживала не только из-за этого горя, но и из-за страха за себя. Она заподозрила, что ее любовная связь с Франческо перестала быть тайной.

Однажды она не выдержала одиночества и написала своему любовнику, что будет ждать его в городе Реджо, куда давно собиралась поехать со своей свитой. В Феррару вот-вот должен был приехать Альфонсо, и она боялась встречи с ним.

Прибыв в Реджо, она стала ждать Франческо, но тот и сам не появлялся и не присылал о себе никаких известий. Так прошло два дня. Наконец во дворе послышался стук копыт. Чтобы не привлекать внимания к приезде гостя, она не пошла встречать его.

Дверь распахнулась. На пороге стоял Альфонсо.

— Мне сказали, что ты кого-то ждешь, — хмуро произнес он.

— Нет... я приехала сюда со свитой. Но раз ты здесь, то мы можем вместе вернуться домой.

— Я никуда не спешу.

Она испугалась. Все еще была вероятность, что в Реджо появится Франческо.

— Я уже велела паковать вещи в дорогу.

(Они были еще не разобраны.)

— Тогда мы распакуем их.

— Альфонсо, что с тобой?

Внезапно он расхохотался.

— Что со мной? А вот что!

Он схватил ее за плечи и толкнул к постели.

— Ты моя супруга и герцогиня Феррарская. У нас есть наследник, но его одного нам мало. У нас должно быть много детей. Эркюлю нужны братья.

— Чтобы... он мог... заживо гноить их в башне своего замка?

Альфонсо ударил ее по лицу.

— Это тебе за твою дерзость, — сказал он.

За первым ударом последовал второй — более сильный.

— А это — чтобы не наставляла мне рога и не приносила плосконосых ублюдков в нашу семью.

Она упала на постель. Альфонсо отвернулся. Его ярость погасла так же быстро, как и вспыхнула.

— Немедленно собирайся, — сказал он. — Мы едем в Феррару.

— Альфонсо! — опомнившись, закричала она. — Не смей обращаться со мной, как с какой-нибудь уличной девкой!

— Да, ты — не уличная девка, — сказал он. — Тебе не хватает свободы, которая есть у любой из них. Ты — герцогиня Феррарская и в будущем почаще вспоминай об этом.

— Ты забываешь, что я Лукреция Борджа! Когда я выходила за тебя замуж...

— Я ничего не забываю. Твое имя когда-то имело вес в Италии. Честь тебе и хвала за это. Своей славой ты обязана своему отцу. Но сейчас он мертв — как и твой брат, — и сила семьи Борджа навсегда утеряна. Поэтому смири гордыню и будь умной женщиной. Привыкай к скромности. Рожай мне детей, и я постараюсь сделать так, чтобы ты ни на что не жаловалась.

По дороге в Феррару она повторяла про себя его слова: «Своей славой ты обязана своему отцу. Но сейчас он

мертв — как и твой брат, — и сила семьи Борджа навсегда утеряна».

Подъезжая к замку, она взглянула на одну их самых высоких его башен и подумала о двух молодых людях, пожизненно заточенных в ней.

Когда ворота замка закрылись за ней, она почувствовала, что разделила их судьбу — тоже стала узницей этих высоких, неприступных стен.

С болью в сердце она вспомнила одно дорогое, любимое лицо. Она заплакала — не о Франческо, а о Чезаре.

ЭПИЛОГ

Лукреция была беременна. Сколько раз за последние десять лет дарила она детей своему супругу! Каждый новый ребенок давался ей все с большим трудом, оставляя все меньше сил для следующего. Постепенно Лукреция старела, хотя порой выглядела хрупкой, невинной девушкой. Все эти годы она хранила такое же внешнее спокойствие, как и в тот день, когда Альфонсо привез ее обратно в Феррару и ясно дал понять, что будущее Лукреции зависит от ее способности исполнять супружеский долг.

Дети приносили ей радость. После Эркулёя, который рос здоровым, крепким мальчуганом, родился Ипполит, затем — Александр. Бедное дитя! Видимо, это имя не сулило долгой жизни ее сыновьям. Александром она назвала своего первого ребенка, рожденного от Альфонсо. Тот прожил всего два месяца. Ее второй Александр умер в возрасте двух лет, и его смерть надолго омрачила ее существование. К тому времени у нее уже появились маленькие Элеонора и Франческо. Позже она с ними вспоминала юность, играла в войну и в прятки. Их игры всегда проходили вдали от той башни, где содержались в заточении два уже немолодых узника.

Она перестала тосковать о Франческо Гонзага. Тот не

забывал ее до конца своих дней и, когда папские войска выступили в поход против Феррары, намеревался увезти ее с собой в качестве пленницы. Он даже приготовил для нее один из замков и посылал пылкие письма своей бывшей любовнице, обещая ей скорое избавление от тирании супруга.

Разумеется, эти замыслы так и не осуществились. Альфонсо был слишком опытным воином, и его пушки исправно служили ему.

Умер Франческо совсем недавно. Изабелла, не простившая ему измены, праздновала смерть маркиза, как свою собственную победу. Впрочем, ее радость была недолгой. Федерико, сын Изабеллы, пожелал стать единоличным правителем Мантуи, и смерть отца дала ему такую возможность.

Сейчас, лежа в постели, Лукреция думала о своей несчастной жизни. Она вспоминала козни Изабеллы и гибель Эркюля Строцци. Вспоминала свою любовь к юному супругу, Альфонсо Бишельи, и его убийцу — человека, которого любила больше всех на свете.

Ах, если бы все было по-другому! Она хотела жить счастливо и безмятежно, а вместо этого видела вокруг себя только жестокость и насилие.

Воспоминания о пролитой крови не давали ей покоя. В своих снах она часто видела прекрасное лицо Педро Кальдеса. Днем заново переживала те времена, когда был жив Джованни Борджа. О том счастье трудно было забыть, потому что с разрешения Альфонсо в Феррару привезли Романского младенца. Маленький Джованни рос очень застенчивым мальчиком, и она боялась, что ему нелегко будет в жизни. Что касается Родриго, то Лукреция навсегда лишилась возможности увидеть его. Он умер несколько лет назад.

— Ну сколько же можно грустить из-за него? — спрашивал Альфонсо. — Разве в Ферраре у тебя нет здоровых и сильных сыновей?

Но она все равно грустила. Грустила о своей жизни,

которая могла быть совсем иной — не такой, какая выпала ей.

Ее переживания доставляли ей физическое страдание, и Лукреция не сразу поняла, что начались родовые схватки. К тому же срок беременности должен был истечь лишь через два месяца.

На ее крик сбежались служанки, и через несколько часов у нее родилась девочка. Та была очень слаба. Малютку спешно крестили.

У Лукреции был сильный жар.

Ее длинные золотистые кудри разметались по подушкам. Изредка она открывала глаза и умоляла окружающих хоть как-то уменьшить ее мучения.

— Ваши волосы, мадонна, — отвечали ей. — Они слишком тяжелы. Если их обрезать, вам станет легче.

Лукреция колебалась. Она не совсем ясно понимала, где находилась. Порой ей казалось, что она отдыхает после ванны и Джулия Фарнезе собирается расчесать ее влажные локоны.

Отрезать волосы, которыми она так гордилась? Разве можно согласиться на это?

Однако жар становился невыносим. Страдания обессилили ее.

Она медленно кивнула и откинулась на подушки, прислушиваясь к щелканью ножниц.

К изголовью подошел Альфонсо. Его лицо было озабоченно.

Я умираю, подумала она.

Альфонсо отошел от постели и сел рядом с лекарями.

— Есть надежда? — тихо спросил он.

— Нет, мой господин, — ответил один из них. — Она не выживет.

Альфонсо печально посмотрел на стриженую голову своей супруги. Лукреция... недавно ей исполнился тридцать один год — еще жить бы и жить. Она подарила ему будущего герцога Феррарского и в последние годы была верной женой, но он все равно не понимал ее. Хрупкое

тело Лукреции никогда не вызывало в нем сильного желания. Сейчас, прислушиваясь к ее тяжелому дыханию, он решил, что в следующий раз возьмет в супруги женщину, способную быть и любовницей, и матерью его детей.

Он вновь подошел к постели Лукреции. Ее глаза были затуманены. Она смотрела на мужа, но не видела его.

Сейчас она думала о тех, кого любила: о Ванноце, своей матери, умершей в прошлом году; о брате Джованни, об отце, о Чезаре, об Альфонсо Бишельи, — о тех людях, которые были ей дороже всех остальных. Трое из них пали от руки одного и того же человека. Она уже не помнила об этом.

Я ухожу к ним, повторяла она про себя. Я ухожу к тем, кого всегда любила.

Ее губы пошевелились, и Альфонсо расслышал, как она прошептала:

— Чезаре.

Затем в комнате наступила тишина.

Лукреция Борджа умерла.

Перевел с английского М. МАССУР

детектив · фантастика · приключения

ИСКАТЕЛЬ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

**С 2004 года журнал «ИСКАТЕЛЬ»
выходит в новом оформлении.**

**Кроме того, его объем увеличился
на один печатный лист
и составил 192 страницы.**

**При этом цена за один экземпляр
практически осталась прежней.**

**Подписаться на все наши журналы
вы можете с любого месяца
и на любой срок**

подписные индексы

«ИСКАТЕЛЬ» — 70424, 40940, 42785

«МИР ИСКАТЕЛЯ» — 40920

«ДЕТЕКТИВЫ «ИСКАТЕЛЯ» — 38304

**детский журнал «КОЛОКОЛЬЧИК» —
79035 («Пресса России»), 26089 (Роспечать)**

**Эти издания можно приобрести в редакции
или заказать по почте**

127015, Москва, ул. Новодмитровская, д. 5А. оф. 1607

Тел.: (095) 285-39-27, 285-66-87

Виктория ХОЛТ
ОПОРОЧЕННАЯ ЛУКРЕЦИЯ

Художник И. Цыганков

Подписано в печать с готовых диапозитивов 30.03.2004. Формат 84х108 1/32.

Усл. печ. л. 16,8. Вумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».

Тираж 4 000 экз. Заказ № 1886.

ООО «Мир «Искателя», 103013, Москва, ул. Сущевская, д. 21.

Издательская лицензия ИД № 06095 от 19.10.2001

Гигиенический сертификат 77.99.02.953.П.000106.02.04 от 03.02.2004 г.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ОАО «Дом печати — ВЯТКА» Министерства Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
610033, г. Киров, ул. Московская, д. 122

Телефоны для справок:
(095) 285-3927, 285-6687

ISBN 5-93835-214-1

9 785938 332140

